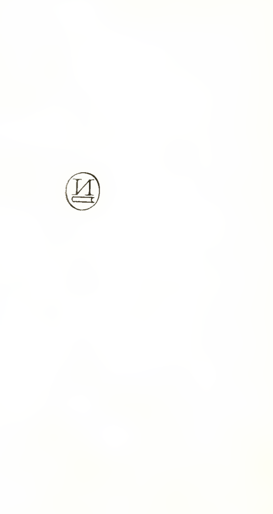
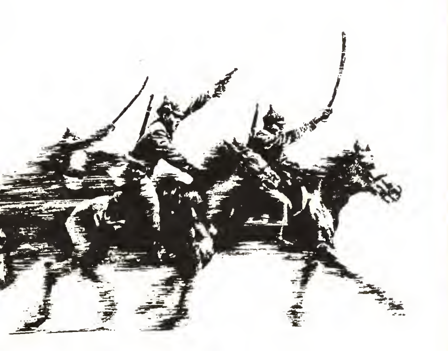
А.Власов А.Млодик

ГРОЗОВЫМИ ТРОПАМИ

ГРОЗОВЫМИ ТРОПАМИ

А. Власов, А. Млодик

Киносценарии

Мандат

Армия «Трясогузки»

Белый флюгер

Красные пчелы

Издательство «Искусство»
Москва 1972

Р2
В58

50-летию
Ленинской пионерской
организации посвящается

8-1-5
136-72

Мандат

Над Невой — дом родной
И дымок заводской...
На битву пойду за тебя,
Застава родная моя!

(Из песни к фильму)

Петроград. 1919 год. Одна из небольших площадей.

На временной эстраде под звонкие звуки оркестра и одобрительные выкрики зрителей разыгрывается танцевальная сценка: солдат и матрос, отбивая лихую чечетку, наступают на толстого генерала в фуражке с крупной надписью: «Антанта».

Накрапывает осенний дождь, но зрители не расходятся.

В Петрограде — праздник. На крышах и углах зданий алеют флаги. На одном из фасадов — лозунг: «Да здравствует вторая годовщина Советской республики!» У прохожих — красные банты в петлицах.

На заборе — плакат. Капиталист в цилиндре держит на поводке собаку. Голова бульдожья, погоны генеральские, ноги в лакированных сапогах со шпорами, по туловищу надпись: «Юденич».

Рядом — другой плакат. Огромная вошь ползет по длинному ряду гробов. Лозунг: «Три врага нашей республики — голод, холод и тиф».

Деревянная дощечка. Чернильным карандашом выведены слова: «Мария Петровна Прохорова. Мать, жена и боевой товарищ. Умерла от тифа. Петроград. 1919».

У свежего могильного холмика стоят двое: отец в кожанке с маузером и сын лет двенадцати, тоже в кожаной куртке. Отца зовут Глебом, сына — Глебкой. Они очень похожи друг на друга. У обоих вертикальная морщина прорезала лоб. Колючие сухие глаза прищурены. Крепко сжаты губы.

Здесь же — трое рабочих. В руках у двоих по лопате. Третий держит связку веревок, на которых опускали в могилу гроб.

Василий, молодой, круглолицый, с большими чуть навыкате голубыми глазами, прислушивается к отдаленным звукам оркестра, шумно вздыхает и начинает скручивать «козью ножку».

Архип, пожилой, совершенно лысый мужчина, мнет старую замасленную кепчонку, надетую на черенок лопаты.

Василий достает зажигалку, готовится чиркнуть колесиком, но жилистая рука протягивается из-за его плеча, вырывает самокрутку и отшвыривает ее в сторону.

Василий обернулся и встретил осуждающий взгляд Митрича — худого, костлявого рабочего с сердито ощетиненными усами.

И опять все стоят — не шелохнутся.

А дождь все идет. Качаются голые ветки кустов, сбрасывая на землю тяжелые капли. Ветер надоедливо бренчит какой-то железкой.

Глебка отрывает взгляд от могилы матери, смотрит куда-то в серую безрадостную даль — на низкие, медленно ползущие тучи, на темную щетину осенних деревьев.

Глеб-старший кладет руку на плечо сына и, вздохнув, говорит:

— Пошли, сынок!

Знакомая эстрада. На ней выступают два гармониста в красных рубахах. Летят забористые частушки:

«Был Керенский временный
Богачей поверенный...
Выгнали из Питера
Дурака-правителя!»

Зрители одобрительно гудят.

Мимо эстрады проходят оба Глеба и трое рабочих. Им не до праздника.

А гармонисты продолжают:

«Был Юденич генерал,
Петрограду угрожал.
Только Пулково понюхал —
Получил прикладом в ухо!»

И опять несется одобрительный шумок и смех.

Два Глеба и рабочие проталкиваются через толпу.

Звучит третья частушка:

«Холод, голод валят с ног.
Не поможет контре бог!
Всех врагов с земли сотрем!
Хлеб и сало мы найдем!»

— Держи карман шире! — невесело шутит кто-то.— Хлеб да еще и сало!.. Не жирно ли будет?

Небольшая, бедно обставленная рабочая комната: комод, стол, стулья. В черной рамке — фотография Марии Прохоровой.

На столе — смена белья, чистые портянки, котелок, ложка, маузер.

Сидит у стола насупившийся Глебка. Глеб-старший пришивает пуговицу к кожаной куртке, с сожалением поглядывая на сына.

Глебка встает, подходит к окну. На глазах навертываются слезы.

Глеб-старший порывисто обрывает нитку, глухо говорит:

— Не могу, Глебка! Не могу!.. Сам знаешь — время сейчас трудное... Не на прогулку еду — за хлебом... Там и голову оставить недолго!

Глебка молчит, обиженно глотая слезы.

Резкий стук в дверь. В комнату входят Архип, Василий, Митрич и еще несколько рабочих. Все одеты по-дорожному. У одних вещевые мешки за плечами, у других в руках деревянные сундучки.

— Мы готовы, Глеб Прохорович! — говорит Архип.

— Ну что ж,— задумчиво отвечает Глеб-старший.

Глебка смотрит на отца в ожидании последнего решающего слова. В глазах — упрек и затаенная надежда.

— Ну что ж,— повторяет отец.— И мы... и мы тоже почти готовы!.. Собирайся, Глебка!

Лицо у сына вспыхивает от радости, а отец добавляет суровым тоном:

— Собирайся! Только знай: нянчиться с тобой некому, да и некогда!.. И не сын будет у меня в отряде, а рядовой боец Глеб Прохоров!

— Хорошо! — улыбается Глебка.

— Бойцы говорят — есть! — поправляет его отец.

— Есть! — отвечает Глебка.

Москва. Бьют куранты.

У ворот — часовой. Мимо него, показывая пропуска, проходят люди. Здесь и крестьяне с котомками, в лаптях, и рабочие, и матросы.

Чуть в стороне, у кремлевской стены, столпились знакомые нам питерские рабочие.

Глебка стоит в нескольких шагах от часового и с любопытством наблюдает за вереницей выходящих людей. Среди них — Глеб-старший. Идет веселый, подтянутый, решительный.

Глебка бросился к нему.

— Ну?.. Видел?

Отец растопырил широкую рабочую пятерню, полюбовался на нее и сказал:

— Вот!.. Этой самой рукой только что с Ильичем прощался!

Подоспели остальные рабочие, окружили их. Глеб-старший осторожно, уважительно вытащил из кармана бумагу.

И пошла она из рук в руки. Глебка видел, как светлели лица рабочих.

— Дайте!.. Дайте мне! — взмолился он.

Василий передал ему документ. Это был обычный мандат, но внизу стояла подпись: «В. Ульянов (Ленин)». В верхнем углу приклеена старая фотография отца.

— Ну и похож же ты на меня, батя! — с завистью воскликнул Глебка.

— Может, наоборот? — усмехнулся отец.

— А какая разница?

— Большая! — произнес Глеб-старший.— Мне из-за тебя Владимир Ильич замечание сделал!

Бойцы насторожились. Глебка растерялся.

— Ильич так и сказал,— продолжал отец.— Вы, товарищ Прохоров, недооцениваете опасность. Я бы вам не советовал брать сына с собой.

— Зачем же ты... про меня! — вырвалось у Глебки.

Отец строго, осуждающе взглянул на него.

— Ленину, кроме правды, ничего не скажешь!..

Обоз с продовольствием стоит на дороге. Вокруг — разъяренная, орущая толпа.

Мелькает рука с ножом и из разрезанного мешка упруго брызжет зерно. Мужики, сгрудившиеся у передней подводы, умолкают. А дальше — у других саней, груженных мешками, ящиками, кулями, бочками, толпа продолжает шуметь.

Широко раскрыв глаза, смотрит Глебка на струйку зерна, падающего в грязный снег.

— Не нашим — так и не вашим! — орет верзила и заносит руку над вторым мешком.

Подбежал Архип с винтовкой, прислонился спиной к подводе.

— Ты лучше мне кровь пусти!

Глянув на винтовку, верзила опускает нож.

Подскочил опомнившийся Глебка. Руками прикрывает прорезь в мешке, но это не помогает: зерно просачивается между пальцев. Тогда Глебка сдергивает с головы кепку и начинает затыкать дыру.

Архип глядит под ноги на пожелтевший от зерен снег, с болью произносит:

— Сколько хлеба загубил! По теперешней питерской норме — это недельный паек на такую семью, как у меня! А у меня таких,— он кивает на Глебку,— девять в Питере осталось... Они хлеба этого уже два года досыта не едали! А ты его — в грязь!..

— Наплодил нищих, а теперя на чужое заришься! — злобно хрипит верзила.

— Докомиссарились, работнички христовы!

— Им жрать нечего, так они и нас по миру хотят пустить!

Человек в полушубке, с бритым не деревенским лицом, незаметно подталкивает верзилу кулаком.

Архип, настороженно следя за рукой, сжимающей нож, вскидывает винтовку.

Растолкав толпу, к саням подходит Глеб-старший, опускает вскинутую Архипом винтовку и взбирается на подводу.

— Есть у меня один вопрос! — говорит он, обращаясь к толпе.— Когда у одних хлеб в ямах гниет, а другие от голода пухнут — это по совести получается?.. У кого он гниет? У кулаков-мироедов!.. Закон у нас такой! У середняка рабочий класс просит: «Помоги, друг! С голоду дохнем! Придет время — расплатимся! За пролетариатом не пропадет!..» А у бедняка и не просим даже! Знаем — у него у самого хребтину через живот прощупать можно... А что касается кулака-мироеда, тут разговор короткий: «Даешь — и точка!»

— Слышали! — раздается густой насмешливый бас.— Ловок на обещания, а на деле мужику один разор да обида!

Глеб поворачивается на голос. Кряжистый мужик с густой смолевой бородой вызывающе смотрит на него.

— А ну ответь! — говорит ему Глеб.— Ленин бедняка или середняка обидел хоть раз?

— Мы от Ильича обид не видали! — басит мужик.— Только ты-то тут при чем?

Выхватив из кармана мандат, Глеб протягивает его кряжистому мужику.

Подходит верзила, тянется к бумаге. Мужик ловко перехватывает его руку, легко отгибает книзу.

— Погодь... Не лапай!

Прочитав мандат, он раскатисто бросает в толпу:

— Мужики! А ведь верно — Ленин... подписал!..

Слышен удивленный шумок. Кое-кто поворачивается к верзиле.

— Это ты слухи пущал? — спрашивает у него кряжистый мужик.

К верзиле подходит Василий.

— Дай-ка мне твой ножичек!

— На! — отвечает верзила.

От неожиданного удара Василий падает на землю, а верзила, распихивая людей, бросается прочь. Вскочив на ноги, Василий целится в удаляющуюся сутулую спину.

— Василь! — гремит предостерегающий голос Глеба.

Василий послушно опускает винтовку и прикрывает ладонью подбитый глаз.

Доносится сиплый гудок паровоза. Все поворачиваются к станции.

Видны три теплушки, загнанные в тупик, кирпичное здание вокзала, водокачка, у платформы стоит пассажирский состав без паровоза. Вдали из-за деревьев медленно подымается облачко дыма.

Толпа приходит в движение. С криками: «Идет!.. Идет!..» — многие бегут к станции.

Глеб-старший переглядывается с Василием.

— Давай — как условились!

Василий тоже убегает.

К Глебу-старшему подходит кряжистый бородатый мужик, протягивает мандат.

— Ты, мил-человек, зла на нас не имей!.. Всякие тут наезжают — крестьян потрошат... Озверел мужик... Грузи побыстрее... Неровен час — батька Хмель нагрянет! Видал я здесь из его шайки...

К забитой народом платформе, у которой стоит состав без паровоза, медленно подходит поезд.

На подножках вагонов, на буферах, на крышах в разных позах сидят, висят и лежат мешочники.

Поезд еще не успевает остановиться, а с платформы и из состава без паровоза к нему, как на штурм, ринулась ревущая толпа новых пассажиров.

К паровозу подбегает Василий, поднимается по железной лесенке, добродушно кричит, сунув голову в проем будки!

— Гостей принимаете?

Машинист и его помощник — оба пожилые, вислоусые, медлительные, молча рассматривают появившуюся на уровне пола голову Василия.

— Ох ты-ы! — со скрытой усмешкой произносит машинист.

— Верно! — подхватывает Василий.— Отгадал — с Охты я!

— Земляк? — удивляется машинист.— Из Питера?

— А то откуда ж!.. В Парижах не живали!

— Востер ты — я погляжу! — ворчит машинист.— Выкладывай, чего надо, или проваливай, пока я тебя не перекрестил!

— Меня уже перекрестили! — весело гогочет Василий, мигая подбитым глазом, и вдруг говорит серьезно: — А дело такое... Раз ты из Питера — помогай!..

По ступенькам платформы торопливо сбегает начальник станции. Он только что выбрался из толпы мешочников. На ходу поправляет сбитую набок фуражку, одергивает помятую шинель. А сзади кричат:

— Не отправишь — тут же и похороним!

— И креста не поставим!

— И отходную прочитать не успеешь!

Часть мешочников идет с начальником к паровозу.

Машинист выжидательно смотрит на приближающуюся толпу, потом — на второй состав, на три теплушки, загнанные в тупик. Состав без паровоза и теплушки стоят на одной колее.

Начальник станции подходит к паровозу, говорит, задрав кверху хмурое бледное лицо:

— Цепляй второй состав! Да поживей!..

— А второй паровоз даешь? — с усмешкой спрашивает машинист.— Впереди подъем!.. Тебя вместо второго паровоза подцеплять придется!.. Согласен?

Начальник отвечает что-то, но голос его тонет в громких выкриках толпы:

— Цепляй!..

— Цепляй, а то и паровозу и тебе разом пары выпустим!

Машинист еще раз оглядывает второй состав и теплушки.

— Прицеплю!.. Но если что случится — ты ответчик! За подъемом — крутой спуск верст на двадцать!

— Знаю! Цепляй!

Паровоз обдает паром и начальника и толпу. Грохают буфера. Поезд трогается.

С платформы доносится взрыв отчаянных голосов. Там не знают, чем закончились переговоры, и снова бросаются на штурм отходящего состава.

Полным ходом идет погрузка хлеба в вагоны.

Вдоль задней стороны теплушек прохаживается с винтовкой Архип. Лязг буферов заставляет его испуганно повернуться.

Насторожились и бойцы на другой стороне теплушек. Те, кто нес мешки, остановились.

— Василь! — зовет Глеб Прохоров.

Подбегает Василий.

— Это что такое? — спрашивает Глеб, кивнув на удаляющийся состав.

— Не извольте беспокоиться, товарищ командир! Полный порядок! Не подведет!

— Ну, смотри у меня!..— одобрительно произносит Глеб Прохоров и кричит: — Глебка!

Подходит сын.

— Пойдешь со мной! — говорит отец и командует остающимся: — Поторопись!

Бойцы продолжают грузить в теплушки мешки, ящики, кули.

Паника на станции поутихла. Поезд, миновав стрелку, стал пятиться назад — ко второму составу.

Начальник стоит у дверей вокзала и с облегчением смотрит на сближающиеся вагоны.

К нему подходят Глеб и Глебка.

Начальник делает мученическое лицо и, отчаянно размахивая руками, начинает выкрикивать:

— И не проси!.. И не думай!.. И так грех на душу взял — второй состав заставил прицепить! Куда тут с теплушками еще!

Глеб-старший молча слушает его.

— И не уговаривай! — продолжает начальник.— Не прицеплю — и все тут!.. Э! Эй! Куда?

Последние слова адресуются уже не Глебу, а поезду. Два сцепленных состава, не останавливаясь, продолжают пятиться в тупик — к теплушкам. Люди, облепившие вагоны, снова начинают волноваться.

— Куда-а-а!..— несется над станцией.

— Куда его черти прут?..

— Бра-а-атцы! — кричит верзила.— Да они нас всех под откос пустят! Поезд перегружен, а тут теплушки еще цепляют!

Долетает перезвон буферов — поезд дошел до теплушек.

Толпа угрожающе гудит...

Сзади теплушек по-прежнему шагает с винтовкой Архип.

С этой же стороны поезда вдоль вагонов идет железнодорожник с молотком на длинной рукоятке. Он выстукивает колеса, заглядывает в коробки букс.

Когда железнодорожник подходит к передней теплушке, на путях появляется благообразный мужик с бородкой. Правую руку он держит за пазухой.

Архип, хмурясь, смотрит на него.

— Стой! Поворачивай оглобли!

Мужик послушно останавливается в пяти шагах, мнется в нерешительности. Архип, не отрываясь, следит за его рукой, засунутой за пазуху. Наконец мужик начинает потихоньку вытаскивать руку. Архип приподымает винтовку. В руке у мужика — кусок сала.

— Баба у меня... больно жалостливая! — сконфуженно произносит он.— Услыхала, что у тебя девять детишек... Снеси, говорит, в подарок...

Мужик, вытянув вперед руку с салом, подходит вплотную к оторопевшему Архипу.

— Стой... как же... это что же...— растерянно бормочет Архип и опускает винтовку.

Мужик сует сало Архипу в руку. Тот подносит кусок к глазам, смотрит растроганно и спрашивает:

— Чем же отдарить мне твою жинку?

Железнодорожник, проверявший колеса, по-воровски оглядывается на Архипа и, открыв коробку буксы, бросает туда несколько горстей песку.

— Э-э! Свои люди! — говорит Архипу благообразный мужик.— Разбогатеешь — отдашь! Будь здоров!.. Деткам кланяйся!..

— Бей анархиста! — орет верзила.

Вокруг Глеба-старшего вскидываются сжатые кулаки. Он левой рукой прикрывает Глебку, а правой выхватывает маузер и направляет дуло начальнику станции прямо в грудь.

— Именем революции приказываю — давай отправку!

Верзила сзади хватает Глеба за локти, старается заломить руки за спину, но это ему никак не удается.

— Бей! — хрипит он.

— Ба-атя! — испуганно кричит Глебка и, не раздумывая, повисает у верзилы па руке.

Сильный удар отбрасывает Глебку в сторону. Он падает. Все опрокидывается у него в глазах: люди, платформа, поезд. Над ним нависает серое в тучах небо и на этом фоне видны очертания медного железнодорожного колокола.

Глебка с трудом поднимается на ноги, дотягивается до веревки, привязанной к языку.

Три громких удара раздаются на станции.

Тотчас хрипловато откликается паровоз.

Куча тел, сгрудившихся вокруг Глеба-старшего, рассыпается. Люди бросаются к вагонам. И только верзила, как клещ, держится сзади за кожаную куртку. Глеб-старший швыряет его через голову на платформу, целится из маузера в распростертую на досках фигуру, брезгливо сплевывает, хватает Глебку за руку и бежит к теплушкам.

Поезд трогается.

Бойцы продотряда и оба Глеба на ходу впрыгивают в теплушки.

Длинный состав с тремя теплушками в хвосте медленно преодолевает крутой подъем. С двух сторон стоит угрюмый лес в зимнем белом уборе.

На задней площадке последней теплушки, засунув руки в рукава, с винтовкой сидит боец продотряда.

Дверные скобы этой теплушки связаны веревкой — здесь никого нет, только продовольствие. Из трубы над второй теплушкой весело курится дымок. Двери полураздвинуты.

Видны мешки и ящики. В центре — печка. Вокруг сидят и лежат бойцы продотряда.

— Везем, товарищи, золото! — говорит Глеб Прохоров.— Нет!.. Ценнее, чем золото! Жизнь везем питерским

рабочим! Кто возьмет лишнюю осьмушку — тот враг революции и контра! А с врагом разговор короткий!

Он выразительно хлопает по коробке маузера и спрашивает:

— Разъяснять еще надо?

— Не надо!.. Ясно!..— вразнобой отвечают бойцы.

— Тогда порешим так! — продолжает Глеб-старший.— Мы — питерцы и жить будем на питерском пайке!.. Вопросы есть?

— А как насчет поесть? — спрашивает кто-то и добавляет смущенно: — По питерской, конечно, норме...

— Каша варится! — отвечает Глеб-старший.— На остановке поедим!

Слышится разочарованный шумок.

— А если поезд пойдет и пойдет... без остановок?

— Если хоть до самого Питера пойдет без остановок, то только радоваться надо, товарищи!.. Потерпим!

Бойцы молчат.

— Потерпим, спрашиваю? — повторяет Глеб-старший.

— Потерпим! — отвечают бойцы.

В передней теплушке тоже полно мешков, кулей и ящиков. Потрескивают дрова в печке. На ней котел. В нем что-то бурлит. Один боец помешивает варево палкой. Второй — это Митрич — стоит у двух ящиков. На левом — весы с гирями. На правом — выстроились рядами небольшие порции хлеба. Митрич считает их вслух...

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Еще одной не хватает...

Он отрезает от каравая тонкий кусок хлеба, кладет его на весы. Кусок чуточку перевешивает. Митрич недовольно крякает, берет нож, чтобы отрезать излишки. Подумав, он машет рукой и произносит:

— Ладно!.. Глебке будет — с походом...

— Правильно! — соглашается боец.— За смекалку!..

Средняя теплушка. Глеб-старший подсаживается к Василию и Глебке.

— Как глаз?

— Глаз — он что!.. К вечеру проморгается! — беззаботно отвечает Василий.— Ты, товарищ командир, лучше Глеб Глебычу посочувствуй! У него вво какая шишка на затылке проклюнулась! Хоть бы медяшку какую приложить...

Глеб ласково похлопывает сына по плечу, а Василий, повысив голос, говорит, обращаясь сразу ко всем:

— А что, товарищи!.. Сидеть бы нам на той станции, если б Глеб Глебыч в колокол не ударил!

— Это верно! — подхватывает Архип.

— Как заправский начальник, отправку сыграл! — добавляет кто-то.— Быть тебе, Глеб Глебыч, начальником преогромной станции!

— Не... не хочу! — серьезно отвечает Глебка.

— А кем ты хочешь быть? — подмигивая бойцам, спрашивает Василий.

— Доктором!.. Тиф буду лечить!

Василий удивленно присвистывает.

— А чем его лечат, знаешь?

— А во! — Глебка трясет привязанной к поясу флягой.

Василий недоуменно принюхивается.

— Никак керосин?.. То-то я смотрю — от тебя, как от старого примуса, воняет!

В вагоне хохочут.

Глебка хмурится и горячо, убежденно объясняет:

— Руки и шею натрешь — вошь и не заползет!

— А может, и внутрь надо принимать в день по чайной иль там по столовой ложке? — шутит Василий.

Глебка не отвечает. Лицо у него темнеет и он говорит:

— Это мне... мама так приказала...

И точно ветром смахивает с лиц улыбки. Наступает тишина. Монотонно перестукивают колеса.

Хмурится Глеб-старший, вздыхает, смотрит на Василия, просит:

— Песню бы, что ли... затянул!

Василий закидывает голову так, что виден острый кадык, и начинает негромко петь неожиданно глубоким и чистым голосом:

«Есть на Волге утес —
Диким мохом порос
От вершины до самого края...»

И тут уже все включаются в песню.

Из передней теплушки высовывается Митрич. Послушав песню, он складывает руки рупором и кричит:

— Эй! Артисты!.. Каша готова!

Из средней теплушки показывается голова Архипа.

— Чево-о?

— Каша готова!.. Зови командира!

У двери появляется Глеб-старший.

— Товарищ командир! — кричит Митрич.— Разрешите подавать ужин!

Глеб молчит. На скулах вздуваются и начинают перекатываться желваки.

— Еще насмехается, усатая образина! — цедит Архип.— Сам небось набил брюхо-то, а нас дразнит!

— Архип! Держи! — кричит Митрич и ловко кидает вдоль вагонов клубок веревки, оставив один конец у себя в руке.

Архип ловит клубок.

— Опусти вниз! — командует Митрич.

Архип, все еще ничего не понимая, опускает руку с бечевкой книзу, а Митрич продевает конец бечевки сквозь дужку котелка, вскидывает руку — и котелок, как вагонетка на подвесной дороге, начинает скользить от вагона к вагону.

За этой операцией наблюдают все бойцы продотряда.

Котелок с приклеенной к нему бумажкой, на которой нацарапано: «Глеб Глебычу», благополучно попадает прямо в руки Архипу. Под дружный гомон одобрительных голосов Архип вручает котелок Глебке.

Ночь. Ползет поезд. Искрит труба паровоза, чуть дымят трубы двух теплушек в конце состава.

Вповалку спят бойцы. Красные отблески от углей в печке прыгают по стенам. Глеб, Архип, Глебка и Василий лежат рядом.

В другой теплушке между ящиков спят Митрич и кашевар.

Не спит машинист с моржовыми усами. Поглядев в заоконную темень, он передвигает рычаги управления и произносит радостно:

— Подъем миновали!.. Теперь на двадцать верст уклон... Доедем...

Не спит часовой на задней площадке. Притоптывает ногами, хлопает замерзшими руками по бедрам, трет уши и нос. Ворчит:

— Хоть бы остановился на минуту... Сменил бы кто... Брррр!

Перестук колес учащается — поезд набирает скорость. И вдруг возникает нарастающий злой скрежет металла о металл.

Часовой, прикрыв лицо от колючего ветра и надвинув шапку на глаза, выглядывает из-за вагона. Впереди из-под колес передней теплушки веером рассыпаются белые искры.

Часовой вскидывает винтовку и раз за разом палит в черное беззвездное небо.

Грохот сталкивающихся буферов. Сноп искр бледнеет и исчезает. Поезд тормозит.

У передней теплушки — машинист, оба Глеба и бойцы. А вокруг растет толпа мешочников.

Слышатся злые голоса:

— Нацеплял на свою голову!

— Еще хорошо так, а то бы!..

— Бросить их тут ко всем чертям — пусть как хотят!

Глебка дотрагивается до коробки буксы и, вскрикнув, отдергивает руку. Машинист крючком приоткрывает коробку — оттуда валит дымок. Виден спекшийся песок, перемешанный со сгоревшей смазкой. Машинист с треском захлопывает крышку, говорит укоризненно:

— Э-эх!.. Прозевали!.. Какая-то контра песку вам в буксу сыпанула!.. Придется отцеплять!

— Это как это — отцеплять! — вспыхивает Василий.

— Про отцепку... забудь! — твердо говорит Глеб Прохоров машинисту.— Хоть черепашьим шагом, а до станции дотащишь!

— Не горячись! — возражает машинист.— Здесь уклон — завалятся теплушки и все вагоны за собой потащат! И хлеб пропадет и люди погибнут! Вон их сколько!.. Надо теплушки отцепить... А я со станции с одним паровозом за вами вернусь... Слово питерца!.. Ну?

Глеб-старший долго и пристально смотрит на машиниста с седыми усами и наконец решает:

— Действуй!

Кто-то забирается между последним пассажирским вагоном и передней теплушкой. Гремит сцепление.

— Башмаки положите понадежнее! — кричит машинист.

Колеса передней теплушки освещаются фонарем. На рельсы ложится по башмаку.

Темная ночная станция. Светится лишь окно в дежурке да горит керосиновый фонарь над железной дощечкой с надписью «Уречье». Ветер несет снежную крупу и со скрипом раскачивает фонарь.

На платформе замерзшие, закутанные фигуры.

Паровозный гудок сдергивает их с места. На путях сквозь завесу снега проглядывают огни паровоза.

Поезд останавливается. Машинист высовывается из окошка. Его помощник бежит вдоль тендера — отцеплять паровоз.

На платформе — людской круговорот. Новые пассажиры штурмуют поезд.

И вдруг со свистом и гиканьем на станцию обрушивается конная лавина. Часть всадников, спешившись, бежит к составу.

— Бандиты! — несется вопль.— Батька Хме-ель!..

Сам батька сидит на вороном жеребце и самодовольно осматривает охваченную паникой станцию. Рядом — верзила.

— Отцепили, кажись!

Подбегает мужик с бородкой клинышком — тот, который дал Архипу кусок сала. С ним — железнодорожник, насыпавший в буксу песок.

— Отцепили! — кричит мужик.— Теперь — наши!..

— Где отцепили? — спрашивает батька.— На какой версте?

— А кто ж его знает! — неопределенно говорит мужик.— Темно... Недалеко где-то!..

Батька плеткой указывает на паровоз.

— Узнать!

Верзила и еще несколько бандитов скачут к паровозу, который в это время без гудка начинает медленно отделяться от состава. Но конные уже рядом.

— Куда? — яростно орет верзила.

Из окна высовывается машинист.

— К водокачке.

— На какой версте теплушки оставил?

Паровоз набирает скорость.

— Уйдет! — кричит кто-то из бандитов.

— Не уйдет! — отвечает верзила и ловко перескакивает с седла на железную лесенку.

Его встречает удар тяжелого сапога. Верзила падает вниз. Второго бандита машинист ударил гаечным ключом. Но третий и четвертый врываются в паровозную будку.

В окне мелькают приклады винтовок. Паровоз окутывается облаком пара и останавливается.

Три теплушки, засыпанные снегом. С обеих сторон — дремучий лес. Ветер несет и несет снежную крупу. И кажется, что теплушки стоят не на железной дороге, а на заброшенной лесной просеке.

Вдоль теплушек протоптаны тропы: одна справа, другая — слева. Размеренно вышагивают часовые. Слева — Архип.

Каждый раз, проходя мимо испорченной буксы, он задумчиво смотрит на нее и мучительно кряхтит. Дважды Архип подходит к дверям средней теплушки, подымает винтовку, чтобы постучать прикладом в дверь, но так и не решается.

Темная лесная дорога. Пригнувшись к лошадиным шеям, мчатся бандиты. Верзила и батька Хмель скачут рядом.

Сквозь посвист ветра доносятся слова батьки:

— Коней оставим в лесу!.. К железной дороге дойдем пешком... Без моей команды — не стрелять!

Глухо цокают копыта.

Как и раньше, шагают вдоль теплушек часовые. Воет ветер.

Из средней теплушки выпрыгивает Глеб-старший, поправляет коробку маузера.

Архип поворачивается на скрип снега. Увидев Глеба Прохорова, тяжело вздыхает, сдергивает зачем-то шапку с головы и подходит к командиру. Протягивает ему винтовку.

Говорит хриплым голосом:

— На!.. Стреляй! Заслужил!

Глеб Прохоров удивленно уставился на Архипа.

— Спятил?

— Не спятил, а понял!.. Догадался...

Прислонив винтовку к теплушке, Архип вытащил из кармана кусок сала.

— Вот!.. Я виноват — проглядел!.. В руку сало, а в буксу — песок!.. Стреляй!

Глеб не успевает ответить. Из-под разлапистых еловых ветвей, низко нависших над сугробами, вылетают снопастые оранжевые огоньки и гремит залп.

Как подкошенный, падает Архип.

Схватившись за простреленную ногу, оседает Глеб-старший и, выхватив маузер, кричит:

— К бою!

Бойцы выпрыгивают из теплушек, лезут под вагоны, ища укрытия за колесами и рельсами.

В дверном проеме — Глебка. Он тоже спрыгивает вниз.

Лежа на полу теплушки, Василий высовывает в дверь винтовку, прицеливается, но ничего не видит.

— Мать честная!.. Не проморгался!

Василий прикладывает винтовку к левому плечу.

Вражеская пуля опередила его. Выронив винтовку, он привстал на колени и выпал из теплушки.

Разбросав ноги, лежит на шпалах Митрич. Стреляет не часто. Старательно целится. Пуля цокает рядом с ним. Она прилетела сзади. Митрич оглядывается. Из леса на противоположной стороне насыпи появляются бандиты.

— Обошли! — кричит Митрич.

Из-за деревьев выскакивают все новые и новые фигуры. Пули с визгом бьются в рельсы и колеса. Летят щепки, отколотые от вагонной обшивки. Бандиты с двух сторон устремляются к теплушкам.

— Может, катанем под уклон самоходом? — говорит Митрич Глебу Прохорову.

— Я о том же думаю! — отвечает командир.— Без команды — ни с места! Держать огонь!

Приволакивая раненую ногу, он ползет под вагонами к передней теплушке. Вытащив из кармана документы, дает их Глебке.

— Бери!.. Пусть у тебя... на случай! Действуй по обстоятельствам! А сейчас — марш в теплушку!

Глебка медлит. Он хочет что-то спросить, но отец отдает ему свой маузер и командует:

— Боец Глеб Прохоров! Приказ слышал?.. Марш в теплушку! За хлеб головой отвечаешь!

Глебка вскакивает, а отец подбирает чью-то винтовку и ползет дальше.

— Как тронемся — по вагонам! — предупреждает он отстреливающихся бойцов.

Добравшись до передних колес, Глеб-старший выбивает башмаки. Теплушки трогаются.

— По ваго-о-онам! — кричит Глеб, выскакивая из-под теплушки, но тут же падает, раненый вторично.

Бандиты усиливают огонь, не дают бойцам выбраться из-под теплушек. А они все быстрей и быстрей катятся под уклон.

Один из бандитов, в черном полушубке, в высокой папахе, цепляется за поручни задней площадки. Глеб-старший с трудом приподымает винтовку. Выстрел. Папаха падает на площадку, а бандит, раскинув руки, летит под откос.

Несутся под уклон теплушки.

Глебка лежит на полу. Маузер нацелен в открытую дверь.

Постепенно смолкают отзвуки боя. Все утихает. Слышен лишь дробный перестук колес да скрежет буксы. Глебка встает, оглядывается. Мешки, ящики — на своих местах. Алеют угли в распахнутой печурке. Валяются расколотые поленья.

Глебка засовывает маузер за пояс, несколько раз сгибает и разгибает занемевший от напряжения указательный палец, подбрасывает дрова в печку. Они трещат и вспыхивают. И этот свет будто пробуждает мальчонку.

Глебка бежит к двери, высовывается из нее, смотрит назад и кричит:

— Батя!..

Никто не отвечает.

Глебка смотрит вперед — на буксу, из-под которой брызжут огненные искры.

А там, куда несутся никем не управляемые теплушки,— тьма, лес, ночь...

И Глебке становится нестерпимо страшно. Он зажмуривает глаза.

Станция Уречье. У освещенного окна дежурки и у дверей — толпа. Видно, что дежурка забита людьми до отказа.

От паровоза несут к сараю прикрытые тряпьем тела.

— Давай другого машиниста! — горланит толпа, осадившая дежурку.

— Где я его возьму? — слышится из открытой двери.

Кто-то барабанит по оконному стеклу.

— Отправляй поезд!

Отдаленный гул настораживает людей.

— Бандиты вернулись! — кричит кто-то.

Гул приближается. С шумом, болтаясь из стороны в сторону, появляются три теплушки. Из буксы вылетают цветастые искорки. Вагоны мчатся по той самой колее, на которой стоит состав.

Какой-то старикашка прижался спиной к стене дежурки и крестится трясущейся рукой. Замерла толпа на платформе.

Впереди перед самыми теплушками через полотно железной дороги перебегает человек.

Мелькает огонек переведенной стрелки.

У дверей теплушки, оцепенев от страха, стоит Глебка. Перед глазами вереницей проносятся вагоны пассажирского состава. Мелькают столбы, привокзальные строения. Подмигивают и исчезают последние станционные огни.

И снова за дверью — сплошной заснеженный лес и темень.

Тревожно стучат колеса. Противно визжит букса.

На переезде вздыбилась запряженная в сани лошадь. Совсем рядом прогрохотали вагоны.

В санях — Глаша и ее двоюродный братишка Минька.

— Тю-ю! — испуганно произносит Глаша.— Чуть было не задавили, скаженные... Минька, ты цел?

— Смотреть надо, куда едешь!

— Да вроде ничего не было! — оправдывается Глаша.— Они ж без паровоза!.. Вот чудно-то!

— Не вижу ничего чудного! Оторвались от состава и мчатся, пока с рельс не соскочат!

— Пустые, наверно,— Глаша взмахивает вожжами.— Но-о, милай!

Лошадь перетаскивает сани через переезд и бредет дальше по давно наезженной, засыпанной снегом дороге. Позвякивает колокольчик под дугой.

— Снегу-то! — вздыхает Глаша.— Этак до завтра не доедем.

Катятся три теплушки.

Глебка прислушивается, смотрит вниз на шпалы. Они уже не мелькают, а медленно уплывают назад. Последний раз проскрипела сгоревшая букса — и теплушки остановились.

Глебка спрыгивает на насыпь, подбегает к переднему вагону, заглядывает внутрь. Пусто! Он бежит к задней теплушке, останавливается у тормозной площадки и начинает пятиться. На площадке лежит черная папаха.

— Ба-а-тя! — кричит Глебка.

— А-а-а! — отвечает эхо.

Глебка отворачивается, смотрит на темный лес и, охваченный ужасом, бросается прочь от вагонов. Он бежит по шпалам. Спотыкается, падает. Опять бежит. Снова падает и несколько секунд лежит неподвижно. Потом приподымает голову, смотрит назад, на теплушки.

— Трус! — шепчет Глебка.— Трус несчастный!..

Выхватив из-за пояса маузер, он идет обратно.

Рассвет. Вокруг теплушек — нетронутая белая снежная скатерть.

Стараясь не шуметь, Глебка приближается к вагонам. Косится на папаху. Хрустит снег под ногами. Он оглядывается. Никого! Через раскрытую дверь теплушки видны мешки, ящики. Глебка старательно задвигает дверь и переходит на другую сторону железной дороги.

Обогнув теплушки, он снова появляется на этой стороне. Шагнул раз, другой и остановился. Вдоль теплушек на снегу — цепочка свежих следов. Глебка выхватил маузер и крикнул угрожающим голосом:

— Кто тут?

Глебка стоит неподвижно. Он даже перестал дышать. Но все спокойно вокруг, и понял Глебка, что это его следы. Понял и рассердился. Решительно прыгнул на тормозную площадку и, как по мячу, ударил ногой по шапке.

Папаха бандита летит в придорожные кусты, а под ними вдруг начинает шевелиться что-то живое.

— Стой! — кричит Глебка.— Стрелять буду!

Из-под куста выскочил заяц.

Глебка нагнулся, взял пригоршню снега, потер им лицо и прислушался. Где-то за вагонами весело чирикали птицы. Он второй раз перешел через рельсы.

Стайка снегирей усеяла снег вдоль теплушек. Радостно перекликаясь, они склевывают зерна, просыпавшиеся сквозь пулевые отверстия в обшивке вагонов.

Спугнув снегирей, Глебка замазывает дырки снегом, собирает выпавшие зерна, бросает их в рот, жует и, поправив ремень, направляется к двери передней теплушки.

Забравшись в вагон, он вытаскивает из ящика каравай хлеба и большой нож. На другом ящике стоят весы с гирями. Глебка отрезает ломоть хлеба, тщательно взвешивает порцию, доводит ее до питерской нормы и, выбросив за дверь большое полено, выпрыгивает из теплушки. С куском в руке, с маузером в другой Глебка идет по протоптанной им тропе вдоль вагонов.

Сделав круг, он останавливается на рельсах и смотрит вдаль. На путях по-прежнему пусто. Тогда он подвинул полено к колесу теплушки и сел. Задумался. Потом сунул руку за пазуху и вынул мандат. С фотографии на Глебку взглянули строгие отцовские глаза.

По заснеженной дороге вдоль железнодорожной колеи тащатся сани. Глаша понукает лошадь, помахивает кнутом.

Впереди видны три теплушки.

— Не соскочили! — удивляется Минька, заметив вагоны.

Откинув голову к колесу, спит Глебка. Кепка у него съехала на лицо. Спит он и не слышит шагов.

Из-за вагона показываются Глаша и Минька. Заметив Глебку, оба останавливаются. Глаша озабоченно оглядывает спящего.

— Не замерз ли он насмерть?

— Мертвые не дышат! — шепчет Минька.

Глебка пошевелился. Кепка съехала набок, приоткрылось улыбающееся лицо. И снится Глебке, что он вместе с отцом в своей петроградской квартире... Они только что вошли в комнату, усталые и довольные. Отец снимает с ремня коробку с маузером и вешает ее на гвоздь. Мать ласково тормошит Глебку и помогает расстегивать пуговицы кожаной куртки...

За теплушками стоят сани. Лошадь переступает с ноги на ногу, трясет головой. Звякает под дугой колокольчик...

Глебка слышит перезвон, но не просыпается. Он все еще там, дома. Мама несет к столу большое блюдо с горкой дымящихся блинов, радостно говорит:

— Вот и паек прибавили!..

Раскрывается дверь. На пороге — часовой, которого Глеб видел у ворот Кремля.

— Глеб Глебыч здесь живет?

Заметив Глебку, часовой широко улыбается и идет прямо к нему.

— Здравствуй, Глеб Глебыч!.. А меня Ленин к тебе прислал! Велел передать большое спасибо!.. Выручил ты питерцев! Крепко выручил!..

Глаша наклонилась к Глебке и ласково дотронулась до его плеча. Глебка вздрогнул. Фляжка с керосином стукнулась о колесо...

А Глебке снится, что разбилось стекло. С улицы с ножом в зубах лезет в комнату рыжий верзила.

— Стой! — кричит Глебка.

Сонное видение раскалывается и разлетается, как осколки стекла.

— Стой! — снова кричит Глебка и раскрывает глаза.

Перед ним — Глаша и Минька. Спросонок он принимает их за бандитов.

— Сдавайся! Пристрелю! — хрипло кричит он и вскидывает руку, но сразу же чувствует, что в ней нет маузера.

Глебка видит его на снегу, у ног, и нагибается за ним.

Минька начинает пятиться к краю откоса. Снег обваливается, и он катится вниз.

Когда Глебка выпрямился, перед ним — одна Глаша. Маузер ничуть ее не пугает.

— Не бойся! — говорит она.— Мы тебя не обидим!

Глебка растерянно моргает глазами: только что перед ним были двое, а теперь рядом стояла одна девчонка. Но тут он заметил чужие следы и подбежал к краю насыпи. Внизу под откосом барахтался в снегу мальчишка.

— Ни с места!

Минька испуганно посмотрел вверх и увидел Глашу за спиной Глебки.

— Вылазь, Минька! — спокойно сказала она.— Он не будет стрелять!

— А ты почем знаешь? — огрызнулся Глебка.

— Так ведь незачем! — рассудительно ответила Глаша.

Глебка сердито отвернулся от нее, спросил у мальчишки:

— Кто такой? Откуда?

Минька уже успел прийти в себя.

— Я не привык отвечать под дулом пистолета! — важно заявил он.

— Это не пистолет, а маузер! — уточнил Глебка.— Отвечай!

Вмешалась Глаша.

— Я — тутошная! — охотно объясняет она.— А Минька — брат мой, двоюродный... Он питерский, домой едет.

— Из Питера? — недоверчиво переспросил Глебка и, хитро прищурившись, задал проверочный вопрос: — А где ты там живешь? На какой улице?

— Допустим, на Невском проспекте! — цедит Минька.

Глаза у Глебки превращаются в две маленькие недобрые щелки.

— Значит, буржуй!

— Если художники буржуи, то — буржуй!

— Ты... художник? — удивился Глебка.

— Мой отец художник!

— Рисует, значит? — неопределенно произнес Глебка.

— Вот именно — рисует! — ответил Минька и, усмехнувшись, добавил: — Ты оччень догадлив!

— Ну ты! — одернул его Глебка.— Это еще смотря что рисует! Может, царей да генералов всяких!

— И генералов! — подтвердил Минька.

— Ах ты!..— Глебка задохнулся от возмущения.— Да я тебя сейчас...

— А ты не ругайся,— сказала Глаша.— Он их смешными рисует!

— Весь Петроград знает эти карикатуры! — с гордостью произнес Минька.— Моего отца работа!

— Что ж ты сразу не сказал! — воскликнул Глебка.— Вылезай! — Он протянул руку и помог Миньке выбраться на насыпь.— Я эти плакаты сто раз видел! Здорово нарисовано!

— А как тебя звать? — спросила Глаша.

— Глебка я!.. Глеб Прохоров!

— А чего ты тут делаешь один?

Этот вопрос застал Глебку врасплох.

— Понимаешь... Я, значит, с теплушками... охраняю! — забормотал он.— А батя — с бандитами...

— Тю-ю! — впервые пугается Глаша.— Батя с бандитами?.. С батькой Хмелем?..— Она схватила Миньку за руку, потащила за собой.— Идем!.. Идем поскорей!..

— Да чего вы! — закричал Глебка.— У нас продотряд!.. На нас напали!

Но ему уже не верят.

— Возможно!.. Возможно! — лепечет Минька, отступая от Глебки.— Но нам ехать пора... Мы торопимся... к поезду...

— Подождите! Стойте! — отчаянным голосом просит Глебка и по привычке добавляет: — Стрелять буду!

Ребята припускаются еще быстрее.

Глебка бежит за ними.

— Остановитесь! Не уезжайте!.. У меня же мандат! От самого товарища Ленина! Вот и подпись его! Смотрите!..

Минька и Глаша остановились.

— Погляди! Ты ведь грамоту-то знаешь! — говорит Глаша.

Минька возвращается, осторожно берет мандат, читает про себя. Подходит Глаша, придирчиво сравнивает фотокарточку на документе с лицом Глебки.

— Вроде похож...

— Документ подлинный! — произносит Минька.

— А ты как думал?.. По этому мандату мне каждый обязан помогать! И ты,— Глебка ткнул Миньку пальцем в грудь,— в первую очередь!

— Это еще почему?

— Ты в Питер едешь?

— Ну и что?

— А то, что там и так еды нету! Да еще ты приедешь!

— А я с собой везу!

Глебка опять нахмурился.

— Ты что — мешочник?

— Никакой он не мешочник! — вступилась Глаша.— Мы ему картошки и муки дали... поделились...

— Выходит, ты кулачиха?

Глаша смотрит на Глебку такими оскорбленными глазами, что ему делается неловко.

— Ладно... вижу... не кулачиха! — сказал Глебка и попросил: — Вы мне только помогите до станции теплушки доставить! Там я мигом узнаю, где батя!.. Он приедет — сразу нам паровоз дадут — и в Питер!.. И тебя я обязательно возьму с собой. Хочешь?

— Да, но... как до станции? — спросил Минька.

— А толкать будем! — оживился Глебка.— Втроем осилим! Только буксу наладить надо!..

Трое ребят — у буксы переднего вагона. Минька рассматривает покрытое окалиной железо, ковыряет в коробке какой-то палочкой, качает головой:

— Сгорела!

— Сам знаю, что сгорела! — сердится Глебка.— Какая-то контра песку сыпанула!

— Масло у тебя есть? — спрашивает Минька.

— Я забыл, как оно и пахнет!

— А сало?

— Есть!

— Неси! Смазка нужна.

Глебка делает несколько шагов к двери теплушки, но тотчас возвращается.

— Не дам!.. В Питере хлеба нет, а я тебе сало под колеса пихать буду?

— Ты же пойми! — поясняет Минька.— Кусок сала пожалеешь, а теплушки потеряешь!

Глебка мучительно раздумывает над этими словами.

— Я чичас! Я быстро! — неожиданно говорит Глаша и убегает.

Мальчишки недоуменно смотрят ей вслед.

Возвращается Глаша с узкогорлой крынкой:

— Сметана!.. Сгодится?

Глебка заглянул в крынку, слизнул с краешка каплю сметаны.

— Жирная, как масло! Попробуй!

Минька аккуратно берет на мизинец капельку сметаны и пробует.

— Я не специалист, но, возможно, и заменит смазку... Только как же ее — туда?

— Пакля нужна! — говорит Глебка.

Все трое переглядываются. Минька широким жестом распахивает пальто на стеганой подкладке.

— Бери!

Глебка ощупал ватную подкладку.

— А ты... я смотрю... парень настоящий!

Минька махнул рукой.

— Ладно! Рви!

Глебка оттянул подкладку, но дернуть посильней не решился. Сказал для собственной смелости:

— Ты не жалей!.. Я тебя за это в продотряд зачислю и на довольствие поставлю!

— Рви, рви, не стесняйся!

Но Глебка вдруг отвернулся от Миньки, подбежал к придорожному кусту и, как фокусник, вытащил из-под веток папаху.

— Во! Это получше будет!.. А ты не сомневайся — в отряд я тебя все равно зачислю!

Довольный своей выдумкой, Глебка подошел с папахой к Глаше.

— Лей!

Глаша наклонила крынку.

— Лей — не жалей! — добавил Глебка.— За рабочим классом не пропадет!..

Большая узловая станция.

Кирпичное вокзальное здание. Множество параллельных и пересекающихся путей. Маневровый паровоз сгоняет товарные вагоны в один длинный состав. На них надписи: «Хлеб питерским рабочим», «Питерцам — от крестьян Демковского уезда», «В Петроград».

Формированием эшелона руководит плечистый матрос-балтиец.

— Право на борт! — командует он, и стрелочник переводит стрелку так, чтобы паровоз мог переехать на правую колею.

— Полный вперед!

Паровоз, прицепив вагоны, устремляется вперед.

В теплушках и на путях видны вооруженные бойцы. На платформу выходит тучный седой мужчина.

Матрос кричит ему:

— Эй, начальник!.. Как со связью? Нет еще?

— Нету!

Матрос сжимает кулаки и сердито хмыкает...

Глебка, Минька и Глаша изо всех сил упираются в стену задней теплушки, но вагоны — ни с места!

— Тю-ю! — безнадежным тоном произносит Глаша и устало выпрямляется.

Мальчишки тоже перестают толкать вагоны.

— Не знаю, как вы,— говорит Минька,— а я лично убедился, что не рожден быть паровозом! С меня хватит!

Глебка уничтожающе взглянул на него. Мальчишки вот-вот поссорятся, но опять вмешивается Глаша.

— Я чичас! — говорит она и убегает.

Знакомая узловая станция. С треском распахивается дверь, и на платформу выскакивает испуганный началь-

ник станции. Увидев на путях широкоплечего балтийца, кричит:

— Дубок!.. Товарищ Дубок! Банда!.. Сейчас сообщили!.. Банда..

— Толком говори!

Тяжелый взгляд матроса заставляет начальника говорить более спокойно.

— Связь восстановили... Сообщают, что банда батьки Хмеля разгромила продотряд Прохорова и мимо Уречья двинулась в нашу сторону!

Мохнатые брови Дубка сошлись над переносицей.

— Что с Прохоровым?

— Сообщают — полегли до одного!

Дубок сдернул бескозырку и опустил голову.

Тоскливо прогудел маневровый паровоз.

Выждав несколько секунд, матрос напялил бескозырку на голову и гаркнул на всю станцию:

— В ружье!

Медленно катятся по рельсам три теплушки.

Упираясь ногами в шпалы, толкают вагоны Глебка и Минька. Оба раскрасневшиеся, разгоряченные. И кажется странным, что двое мальчишек сдвинули с места и катят перед собой три груженых вагона.

— Но, милай! — слышится от передней теплушки.

Глаша сидит верхом на лошади. От хомута к буферам тянутся веревки. Лошадь осторожно ступает по шпалам и тащит за собой вагоны.

Впереди железная дорога делает поворот вправо, а занесенная снегом проселочная дорога устремляется влево, огибая болото.

Ласково похлопав лошадь по крупу, Глаша говорит:

— Отсюда до станции — рукой подать!..

Усталые кони несут всадников по заснеженной дороге.

Впереди на взмыленном жеребце — батька Хмель. Слева от него — верзила.

— Куда их черти занесли! — ругается батька.

— Уклон! — объясняет верзила.— Могут аж до той станции докатиться! — Он указывает вперед и спрашивает: — Нагрянем?.. Аль ночи дождемся?.. Это ведь не Уречье — узловая!.. Как бы не нарваться...

— С ходу разгромим! — запальчиво говорит батька.— Вот только лошадям передышку за мостом надо дать!..

Всадники мчатся мимо саней, оставленных ребятами у дороги.

Неторопливо вышагивает лошадь. Большие отороченные рыжей шерстью копыта отсчитывают шпалы.

Глаша мурлыкает про себя какую-то деревенскую песенку. Лошадь прислушивается, отогнув настороженное ухо, косит назад правым глазом.

— Скоро уже! — говорит Глаша.— Я и сенца с собой прихватила!.. Остановимся — получишь полную торбу!..

А сзади теплушек между Глебкой и Минькой идет свой разговор. У Миньки затекли руки. Он попеременно опускает вниз то левую, то правую и трясет ими в воздухе.

— Устал? — сочувственно спрашивает Глебка.— Отдохни... Я один потолкаю. Я — привычный!

Минька с облегчением снимает руки с вагонной рамы. Теплушки продолжают катиться с прежней скоростью. Он шагает за ними по шпалам, смотрит на колеса.

— Идут! Можно, значит, по очереди — один толкает, другой отдыхает!

Глебка обернулся, хотел что-то сказать, но споткнулся и упал.

А теплушки катятся и катятся с прежней скоростью.

Глебка и Минька удивленно смотрят на удаляющуюся стену заднего вагона.

— Глупо! — ворчит Минька.— Зря старались!.. И вообще... Все можно было сделать проще! Надо было нам с Глашкой доехать на санях до станции и рассказать... Оттуда бы паровоз или дрезину прислали за теплушками!

Глебка усмехнулся.

— Так я вас и отпустил!.. Я уже ученый! Когда нас отцепили, машинист тоже обещал приехать за нами... слово дал!.. Пошли!

И мальчишки стали догонять вагоны.

Матрос Дубок ведет отряд по лесной дороге. Большинство — с винтовками, но есть в отряде и пара «максимов». Два бойца тащат на плечах станки, два других — стволы с рубчатыми кожухами.

Рядом с Дубком идет проводник из местных жителей. Он в лаптях, в зипунишке, в рваной шапке-ушанке.

— Не сумлевайся! — говорит проводник Дубку.— Окромя моста, проезда нету. По железной дороге на рысях не махнешь — кони ноги поломают. В лесу — снегу по брюхо и болото... Один путь — через мост! Там их и встречать в самый раз будет!

— Сколько до моста? — спрашивает матрос.

— Ну... от силы — верста с гаком!

Дубок поворачивается к отряду.

— Поторопись, братишки! Устроим Хмелю опохмелку!

Стоят теплушки на железной дороге. Лошадь дергает из торбы сено.

В вагоне у печурки Глебка, Минька и Глаша аппетитно уплетают вареную картошку. Перекатывая во рту горячий кусок, Глебка увлеченно рассказывает:

— Человек он самый обыкновенный. Ростом небольшой, а все его видят, и он все видит. Узнал, что в Питере голод,— вызвал отца, дал мандат и сказал: «Действуй, Глеб Прохоров! И чтоб хлеб в Петроград был доставлен!» Про меня спросил... Сказал: «Хорошо, что взял сына!»

Глаша доверчиво смотрит Глебке в рот, а Минька спрашивает:

— А ты где в это время был?

— Как — где? — удивился Глебка.— Тут же! Рядом с Лениным! Вот как мы с тобой!.. Не веришь?.. Да если хочешь знать, Владимир Ильич сам просил зайти к нему на обратном пути! И мы с отцом зайдем, все расскажем... Хотя Ленин, конечно, и так все знает: и про банду Хмеля, и про то, как мы тут сидим, картошку лопаем, а в Питере люди от голода пухнут!

Глаша вскочила, заторопилась.

— Поехали! — Она схватила ведро.— Я только лошадь напою — и тронемся!

С бугра вниз по дороге несется конная лавина. Внизу — замерзшая река, неширокий мост. Вот уже передний конь зацокал копытами по доскам настила. И вдруг и лошадь и всадник переворачиваются через голову и падают на мост. Не успев остановиться, другие бандиты тоже падают. На мосту образуется пробка.

Под тяжестью обрывается натянутая поперек толстая проволока. И сразу же деловито и четко начинают строчить пулеметы. Один за другим гремят винтовочные залпы.

Из-за деревьев выходит Дубок с маузером в руке.

— Сдавайтесь!

У теплушек стоят трое ребят. Они смотрят в лес и прислушиваются к отдаленной перестрелке.

— Бандиты! — шепчет Минька.

Глебке тоже страшно, но он чувствует себя командиром и старается быть спокойным.

— Может, батя с боем отступает? — предположительно говорит он.

— Тогда бы там стреляли! — возражает Глаша и показывает рукой назад.— А это в лесу... где-то у моста.

— Спрятаться бы пока... переждать...— предлагает Минька.

— Я тебе спрячусь! — Глебка погрозил ему кулаком.— Вперед!.. Гони коня, Глаша!

Лошадь подалась всем корпусом вперед, напрягла мускулы. Веревки натянулись. Скрипнула букса. Теплушки тронулись.

— За мной! — скомандовал Глебка.

Минька послушно поплелся за ним к заднему вагону. Они уперлись руками в железную раму и рядом зашагали по шпалам. Лицо у Глебки все еще злое.

— Ты мне панику не устраивай!.. Ххудожник!

Минька не отвечает. Он прислушивается к выстрелам. Они раздаются все реже и реже и наконец совсем прекращаются.

— Стихло! — обрадовался Минька.

Глебка идет молча, о чем-то думает. Эта тишина насторожила его.

— А что если в самом деле бандиты? — произнес он.

— Конечно, бандиты! — ответил Минька.— Не по своим же стреляли! Бандитов громили!

— А если не разгромили? Если наоборот? — спросил Глебка.— Мы приедем на станцию, а там батька Хмель?

Минька испуганно заморгал глазами и замолчал.

Шагают мальчишки по шпалам, упершись руками в железную раму вагона. Обшивка задней площадки пробита пулями. Поперек досок — заводская надпись: «Кап. рем. 19. VII. 1916 г.»

Смотрит Минька на эту надпись. Долго смотрит и вдруг, оживившись, шлепает Глебку по плечу.

— Да они и близко к теплушкам не подойдут!

— Кто? — вздрогнув, спросил Глебка.

— Бандиты!.. Понял?

— Не понял!

— Поймешь! — воскликнул Минька.

По лесной дороге ведут пленных бандитов. Дубок с перевязанной рукой верхом на лошади едет впереди и на ходу допрашивает верзилу.

— Где теплушки, шкура?

— Не знаю — вот те крест! — заискивающе отвечает бандит и крестится.— Пошли под уклон и — как сквозь землю!.. Парнишечка еще там один остался... Шустренький такой!

— Что ты мне зубы заговариваешь!

Дубок так взглянул, что верзила шарахнулся в толпу пленных.

— Эй, Хмель! — позвал матрос.— А ну, поди сюда!

Батька поднял голову, но не повернулся и не откликнулся.

Дубок медленно опустил руку на коробку маузера. Пленные остановились и выпихнули своего вожака вперед. Матрос взглянул на него и с трудом снял руку с коробки.

— Перестрелял бы, как псов бешеных! Да везет гадам — Советская власть самосуд отменила!

Дубок пятками пришпорил коня и крикнул одному из своих помощников:

— Фролов! Остаешься за меня! Я на станцию — насчет прохоровских теплушек пошурую!..

Комната начальника узловой станции. С платформы и с путей доносятся голоса, перестукиванье буферов, гудки паровозов. И вдруг наступает какая-то пугающая тишина. Мимо окна, молча, бегут охваченные ужасом люди.

Начальник прильнул лицом к стеклу. Он видит, как на путях около платформы показывается взмыленная лошадь. Круто изогнув шею, она тащит на веревках теплушки. На всех крупно написано: «Холерные больные». На дверях теплушек чернеют огромные черепа со скрещенными костями.

Начальник отпрянул от окна и в панике заметался по комнате.

Распахнулась дверь. Вошел Глебка. На рукаве у него — белая повязка, повернутая так, что сразу видны слова: «Санитар холерного вагона».

— Стой! — кричит начальник и, выставив вперед руки, отгораживается от Глебки.— Стой, говорю! Заразишь!

Глебка будто не слышит — прямиком шагает к столу.

— Стой! — снова вопит начальник.— Куда прешь? Смерть ходячая!

Глебка тихо спрашивает:

— Посторонних нет? — Хлопнув по своей повязке на рукаве, он поясняет: — Не бойся! Это маскировка!.. Вот мой мандат! Читай!.. И веди на телеграф! Живо!.. Батю буду разыскивать!

— Какой мандат? Какой телеграф!.. Дай сообразить! — бормочет начальник.— Не подходи!

Сзади хлопнула дверь.

Глебка резко поворачивается, наводит маузер на Дубка.

Матрос подходит к мальчишке, отводит правую руку с маузером в сторону, а левую, в которой зажат мандат, приподымает и заглядывает в документ.

— Спрячь маузер... У тебя мандат посильнее пулемета!.. Хоть он отцу выдан, но это не важно... Считай, что он твой — по наследству полученный!

Глебка удивленно приглядывается к матросу, а Дубок, обняв его за плечи, подводит к скамейке и садится вместе с ним.

— Ну, рассказывай, как ты от бандитов ушел и хлеб сберег?

Глебка удивился еще больше.

— А откуда...

— Э-э, братишка! — прерывает его Дубок.— Я все знаю! Одного не знал, что у Прохорова такой геройский сын!.. Ну-ну, выкладывай!.. Значит, напали на вас ночью. А дальше?

— А дальше просто! — сказал Глебка.— Батя остался банду громить, а я поехал и... приехал!.. Надо сообщить бате, что я жду его здесь!

Дубок снял бескозырку, потер широкий лоб, вздохнул.

— Мамка у тебя где? В Питере?

— Умерла...

Матрос отвел от Глебки глаза, переглянулся с начальником станции, хрипло сказал:

— Вот что, Глеб Прохоров! Будем считать так: дело ты свое, великое дело — сделал! Теплушки с хлебом сдашь мне!

Видя, что Глебка нахмурился, Дубок добавил:

— Под расписку, конечно! По всей форме!

— Зачем? — Глебка подозрительно взглянул на Дубка.— До бати никого к хлебу не допущу!

Матрос ударил себя кулаком в грудь.

— Прости ты меня... за эту... весть проклятую!.. Легче донную мину обезвреживать!.. Не дождешься ты отца своего...

Глебка вскочил, выдохнул:

— Врешь!

Он попятился к двери.

— Не верю! Врешь!

Три теплушки стоят в тупике. Столпившиеся на платформе люди с любопытством и все еще с некоторым опасением смотрят на вагоны со страшной надписью.

Под передним вагоном группа ремонтных рабочих пристраивает домкрат. Один из них выкидывает из буксы папаху и говорит:

— Чудом доехали!.. На волоске держится...

Около передней теплушки — Минька. Фуражку он держит в руках. Рядом с ним — Глаша. Глаза у нее заплаканы. Из теплушки доносятся приглушенные рыдания.

Мимо тупика бойцы ведут пленных бандитов. Навстречу — Дубок. Жестом заставил остановиться. Подошел к средней теплушке, сказал в темноту:

— Вытри слезы, Глеб Прохоров! Взгляни на врагов сухими глазами!

Глебка перестал плакать. Встал в дверях, посмотрел на жалкую толпу окруженных бойцами бандитов. Увидев среди них верзилу, Глебка простонал, закусил губу и ухватился за рукоятку маузера, засунутого под ремень.

— Отставить! — приказал Дубок.— Твой отец погиб за народное дело. Пусть народ и утвердит твой приговор!

Ночь. Идет товарный состав с двумя паровозами.

Теплушка. Освещенные неярким пламенем коптилки сидят на ящиках Глебка, Минька и Дубок. Перед Глебкой на другом ящике — лист бумаги. В руке — карандаш. Матрос и Минька подсказывают, что писать.

Дубок. Про то, как хлеб собирали,— во всех подробностях. Слышал я — Ильич деревней очень интересуется.

Минька. И про бой — тоже подробно надо! Ну а про нас с Глашей можешь коротко. Просто напиши, что еще двое тебе помогли: один из Петрограда, а другая — из деревни Таракановка.

Глебка внимательно слушает советы и кивает головой, но пока ничего не пишет.

Дубок. Упомяни, что с бандой Хмеля покончено и что вообще скоро ни одного бандита на нашей земле не останется.

Минька. Напиши, что и сирот больше не будет! Что ты по дороге брата нашел и, когда приедешь в Петроград, жить будешь у него!

Дубок. Или у балтийских моряков! Если захочешь, они тебя своим сыном сделают! Ильичу это понравится. Он балтийцев очень уважает!.. Пиши, пиши, а то забудешь!

Глебка придвинул к себе бумагу.

Спаренные паровозы рассекают ночную тьму. Проносятся мимо заснеженные поля, перелески, спящие деревни. Мерно стучат колеса.

В теплушке Глебка заканчивает письмо Владимиру Ильичу. Ставит последнюю точку и подает листок Дубку. Взглянув на очень короткий текст, матрос недовольно насупился. В письме всего три строки:

«Дорогой товарищ Ленин!

Задание выполнено. Хлеб в Питер везу.

Глеб Прохоров-младший».

Дубок прочитал, подумал и улыбнулся.

— А что... Коротко и ясно! Деловой рапорт!

Начинает светать. Длинный состав со спаренными паровозами отсчитывает версты. Он торопится.

Проносится последняя теплушка с часовым на тормозной площадке. Мигает, удаляясь, хвостовой фонарь.

Хлебный эшелон спешит в Петроград.

Армия «Трясогузки»

И не важно, какого я роста,
До звезды дотянусь все равно.
Это сделать, конечно, не просто,
Но в судьбе моей все решено.
Революция верит геройству,
Для геройства нам сердце дано!

(Из песни к фильму)

Старый паровозик преодолевает подъем. Он тащит пять теплушек. Из открытых дверей доносятся голоса. Пьяные солдаты горланят под гармошку:

«Соловей, соловей —

пташечка!..»

На обочине мелькают телеграфные столбы с повешенными людьми.

Из окна паровозной будки выглядывает колчаковский офицер. Глаза недоверчиво прощупывают плывущий мимо лес в предутренней дымке, кусты, канавы, придорожные избенки и сторожки.

На песчаной бровке стоит пожилой обходчик с желтым флажком. Когда короткий состав прошел мимо, он сердито плюнул, спрятал флаг и прошептал:

— Чтоб вам ни дна ни покрышки! Проклятые!

На повороте из кустов вышел мальчишка, прислушался к приближающемуся перестуку колес и положил на рельсу металлический костыль. Слева и справа от колеи воткнул два небольших флажка. Ветерок развернул белую материю. На батистовых флажках чернильным карандашом написано: «Армия «Трясогузки».

Слышен свисток паровоза. Мальчишка сбежал с насыпи и, пришлепывая оторванной подметкой, бросился в заросли.

Приближается паровоз. Он подпрыгивает, наехав на костыль, кренится набок. Колеса соскакивают с рельсов, и паровоз, окутавшись паром, летит под откос, увлекая за собой все пять вагонов.

Услышав грохот, обходчик бежит по шпалам к повороту, за которым произошло крушение.

— Неужто и на карателей кара нашлась? — с надеждой шепчет он.

Из мясорубки ползет фарш. Кухонный мужик медленно крутит ручку. Повар из глубины кухни несет поднос с кастрюлями и сковородками. Проходя мимо мужика, бросает на ходу:

— Крути веселей!.. Закончишь — приготовь котлы. Лудить понесем!

Выйдя из кухни, повар пересек двор. Часовой, дежуривший у черного входа в особняк, открыл дверь и втянул

в себя запах, распространявшийся от подноса с завтраком для полковника.

Но у полковника в то утро аппетита не было. Сидя в кресле в уютном кабинете, он брезгливо вертел в руках знакомый флажок. На одной стороне написано чернильным карандашом «Красный», а на другой — «Армия «Трясогузки», причем слово «трясогузка» взято в кавычки.

Полковник поднимает злые глаза на адъютанта, цедит сквозь зубы, презрительно растягивая слова:

— Что это за армия такая — тря-со-гуз-ки?.. Кличка партизана?

Адъютант прищелкнул каблуками.

— Не могу знать!.. Наша контрразведка молчит... Но разрешите, господин полковник, обратить ваше внимание на почерк... Детский!

— Ваша догадка лишена оснований! — возразил полковник.— Грамотность этих скотов до старости остается на детском уровне!.. Сколько пострадало вагонов?

— Пять... и паровоз.

Полковник резко встал, повторил с иронией:

— Пять вагонов и паровоз!.. Вполне наивный детский почерк!

В кабинет входят денщик и повар с подносом. Они начинают накрывать стол для завтрака.

— Попросите ко мне есаула! — говорит полковник адъютанту и снова рассматривает флажок, прикасаясь к нему лишь кончиками холеных пальцев.

Такой же флажок, но в других руках — мозолистых, рабочих. Его рассматривает бородатый мужчина. Рядом стоит обходчик, рассказывает:

— Лязгнуло, грохнуло и стихло, будто провалился состав! Подбегаю — паровоз и пяток вагонов — под откосом!

Бородатый мужчина помахал флажком.

— Ну, а это тут при чем?

— А при том, Кондрат Васильевич! Два их было... Один колчаковцы взяли, а другой я подобрал... Отбросило его в сторону — никто и не заметил... И взяло меня сомнение: ежели наши работали — почему меня не предупредили? Флажки, опять же, зачем?

— Наши, наши! — сердито произнес Кондрат Васильевич.— Среди наших болванов нету!.. Это надо же доду-

маться! — Он с возмущением потряс флажком.— «Армия «Трясогузки»!.. Какой Наполеон выискался! А ведь грамотный, черт! Смотри, какие закавыки намалевал!

Кондрат Васильевич ткнул пальцем в кавычки, подошел к горну и бросил флажок в огонь.

— Так будет лучше!.. А тебе уходить придется. Очухаются — в первую голову за путевого обходчика возьмутся.

В это время в переулке, в конце которого стоит жестяная мастерская Кондрата Васильевича, показались повар и кухонный мужик. Они несут котлы и кастрюли.

В одном из домов к окну подошла девушка, сняла гармонь с подоконника, взяла несколько громких звуков.

Услышав этот сигнал, Кондрат Васильевич быстро отодвинул верстак, заваленный железным хламом, приподнял две половицы. В полу образовалась щель. Видны деревянные ступени.

— Отправлю тебя к партизанам,— сказал обходчику Кондрат Васильевич.— А до вечера погостишь у меня в подвале.

Обходчик спустился вниз. Кондрат Васильевич поставил верстак на старое место и деловито застучал деревянным молотком по куску жести.

Над дверью задребезжал колокольчик.

Повар и кухонный мужик внесли в мастерскую котлы и кастрюли.

Любуясь настойкой в хрустальной рюмке, полковник говорит раздраженным тоном:

— Начать с путевого обходчика. Прочесать весь город. Хочу отметить, есаул, что головорезы из вашей команды начинают меня раздражать. Помпезно обставленные расстрелы — это далеко не все, чем следует заниматься контрразведке!.. Можете идти!

Есаул судорожно двигает кадыком, будто проглатывает что-то колючее, и вылетает за дверь.

В городе стремительно нарастает тревога. По улице скачет есаул, бешено нахлестывает коня нагайкой.

И вот уже пять всадников несутся по улице, распугивая прохожих.

По другой улице бегут солдаты.

— По два в каждый дом! — командует офицер.— Перерыть все от чердака до подвала!

Солдаты исчезают в калитках и подъездах домов. Стучат кулаками, прикладами в запертые двери.

Пожилая женщина с небольшим свертком мечется то в одну, то в другую сторону. Но всюду солдаты.

— Куда, карга старая? Что несешь?

Унтер-офицер выхватил сверток.

Вихрем налетел есаул, спрыгнул с лошади. Сам развернул сверток. Это две чистые простыни.

— На базар, сынки! — лепечет старуха.— На базар несу!

Есаул вытащил батистовый флажок, сравнил и швырнул простыни на землю. Снова вскочил на лошадь и крикнул унтер-офицеру:

— Мне батист, батист нужен!

У дома контрразведки — длинная очередь задержанных. У всех в руках куски белой материи, скатерти, нижние рубашки. Вокруг — усиленный караул.

Есаул, как на троне, сидит на крыльце дома в мягком кресле. В руке — флажок. Унтер-офицер стоит на нижней ступеньке крыльца. К ним по одному подходят задержанные, показывают свои тряпки. То, что ничуть не похоже на батист, унтер бросает на крыльцо, а владельца отпускает коротким:

— Свободен!

Людей, у которых есть что-нибудь похожее на материал флажка, уводят во двор дома.

На другой стороне улицы стоит, прислонившись к водосточной трубе, мальчишка — тот самый, который пустил под откос состав с карателями. На беспризорнике — дырявый английский френч. Вместо брюк — пижамные штаны, прихваченные снизу солдатскими обмотками. Мальчишка с любопытством наблюдает за есаулом и унтер-офицером.

К крыльцу подводят пожилую даму с ворохом белья. Есаул и унтер роются в нем. Обнаружив батистовую рубашку, унтер командует солдату:

— Во двор!

— Мой муж — известный врач! — кричит женщина.

До этого момента все шло спокойно. Люди не решались спорить с контрразведкой. Но когда жена врача осмелилась крикнуть, вся толпа задержанных зашумела, заволновалась.

— Я буду жаловаться самому Колчаку! — громко сказал мужчина в добротном пальто, в котелке, с моноклем на золотой цепочке.

Есаул вскочил, выхватил маузер, обвел злым взглядом притихшую толпу.

— Кто хочет жаловаться? Кому?..

Он отыскал человека в котелке и уставился на него.

— Аллаху ты будешь жаловаться! Я из тебя решето буду делать!

Разбрызгивая грязь, к крыльцу подкатил автомобиль. Выскочил адъютант полковника, тихо сказал есаулу:

— Извольте прекратить безобразие! Кого вы задержали? На каком основании? Возмущена вся зажиточная часть города!..

— У меня один след — батист! — ответил есаул и потряс флажком.

Адъютант вынул из кармана батистовый платок, насмешливо спросил:

— Прикажете присоединиться к арестованным?.. Вам надо поучиться классовому чутью у... большевиков!.. Полковник в гневе!

Есаул морщится, как от зубной боли, и выдавливает из себя:

— Освободить!

Задержанные сначала несмело расходятся в разные стороны, потом бегут кто куда.

Мужчина в котелке подходит к адъютанту, сдержанно, с достоинством кланяется.

— Благодарю вас за восстановленный порядок!

Адъютант козырнул, спросил:

— С кем имею честь?

— Инженер Бергер! — отрекомендовался мужчина.— Прислан к вам из Омска в качестве начальника железнодорожного депо.

— Барон Бергер? — удивился адъютант.— Но каким образом вы очутились в числе задержанных?

— Вы отлично осведомлены о моей родословной! — улыбнулся Бергер.— А задержали меня потому, что я

имел неосторожность, сойдя с поезда, вынуть из кармана батистовый платок.

Адъютант сердито взглянул на дверь, куда только что вошел есаул, и взял Бергера под локоть.

— Приношу вам самые искренние извинения! И прошу! — Он распахнул дверцу автомобиля.— Полковник уже трижды спрашивал о вас!

Унтер-офицер, проводив взглядом машину, сгреб в охапку сваленное на крыльце тряпье и пошел во двор. У ворот его встретил беспризорник в английском френче, надетом на голое тело.

— Дядя, дай бельишко — пузо прикрыть!

— Катись, шкет паршивый! — выругался унтер.— Ворюги проклятые, одолели всю Россию!

Один из солдат захотел покуражиться над беспризорником.

— Документы у тебя есть?

Мальчишка озорно засмеялся.

— Во паспорт! — Он распахнул френч, хлопнул ладошкой по грязному животу.— Бессрочный!

Солдаты захохотали, а беспризорник выдернул из рук унтер-офицера самую хорошую рубашку и убежал.

Они обедали вдвоем — полковник и барон.

— Не печальтесь, барон! — покровительственно произнес полковник.— Мы еще все с вами вернем!

Барон поднял бокал с вином.

— Я понимаю!.. Кстати, вот и ответ на ваш вопрос: почему я, барон, решил пойти на такую должность. Я не хочу ждать сложа руки! Пока мы не победили, я не барон, а слуга доблестной армии и готов выполнять самую черную работу!

— Вы настоящий патриот! — воскликнул полковник.

Они выпили.

— Как вы считаете, с чего мне начать? — спросил барон.

— С самого главного — с ремонта бронепоезда. Им интересуется адмирал Колчак! — Полковник помедлил и сказал: — Простите, но я буду откровенным до конца... Вашего предшественника пришлось расстрелять за нераспорядительность. Рабочие разбежались из депо. Остался какой-то пяток посредственных слесарей. Им не осилить ремонт бронепоезда.

— Тогда я начну с рабочей силы,— задумчиво произнес барон.— Вы мне не откажете в солдатах для этой акции?

— Берите хоть роту!

— Достаточно пока троих!..

Облава в городе продолжается, только теперь солдаты не заходят в богатые дома, а обыскивают рабочие хибарки и лачуги.

По этим же улицам рабочей окраины от дома к дому переходят три солдата, которыми распоряжается барон Бергер. Побывав в очередной лачуге, барон кивком головы посылает солдат дальше и ворчит:

— Попрятались, проходимцы!

Так они доходят до переулка, в конце которого мастерская Кондрата Васильевича.

Как и в прошлый раз, девушка снимает с подоконника гармонь и, пиликнув раз-другой, уносит ее внутрь комнаты.

— Сестра сигналит! — сказал высокий хромой парень, помогавший Кондрату лудить котел из полковничьей кухни.

Оба посмотрели в окно. Барон и три солдата шли к мастерской. Кондрат Васильевич постучал каблуком в пол, шутливо предупредил обходчика:

— Чихай и кашляй сейчас — потом нельзя будет!

— Умер! — послышалось снизу.

Когда барон, оставив солдат у входа, вошел в мастерскую, Кондрат Васильевич и хромой парень Николай спокойно лудили котел.

— Что вам угодно? — любезно спросил Кондрат Васильевич и улыбнулся как радушный хозяин.

Барон неторопливо оглядел мастерскую.

— Зажигалку починить можешь?

Кондрат Васильевич перестал улыбаться.

— Покажите.

Бергер вынул из кармана замысловатую серебряную зажигалку без колпачка. Кондрат Васильевич придирчиво повертел ее в руках, придвинул к себе какую-то коробочку, порылся в ней и вытащил из груды мелких металлических деталей серебряный колпачок. Приладив его к зажигалке, он крутанул колесико. Вспыхнул огонек.

Барон вопросительно покосился на Николая.

— Свой! — успокоил его Кондрат Васильевич.

Бергер пожал ему руку, кивнул Николаю и представился:

— Платайс, из латышских стрелков. Прислан разведотделом фронта с документами захваченного в плен барона Бергера.

— Это вы отправили под откос карателей? — быстро спросил Кондрат Васильевич.

— Нет. У меня другое задание. Официально я — барон Бергер, новый начальник железнодорожного депо. Прошу вас собрать вечером самых верных людей — потолкуем. Приду опять с охраной, не пугайтесь. Надо будет...

Снаружи снова донеслось тоскливое пение гармошки. Кондрат Васильевич прервал Платайса.

— Осторожно — чужие!

К мастерской ехали верхом на лошадях три всадника. Впереди — есаул Благов. За пустырем, на улице, было видно, как заходили в дома солдаты. Обыски в городе продолжались.

Николай, наблюдавший из окна, встревожился. Он вытащил из кучи жестяных обрезков пару самодельных гранат, похожих на ржавые консервные банки, засунул их в карманы и вышел на крыльцо.

Когда есаул подъехал, Платайс вежливо сказал:

— Прошу вас мастерскую не трогать. Этот человек,— он кивнул на Кондрата Васильевича,— мне нужен.

— Кому это? — насмешливо спросил есаул.

— Мне! — твердо повторил Платайс.— Начальнику железнодорожного депо.

— Плевал я на твою должность! Ты лучше скажи: где я тебя видел?

— Рекомендую запомнить,— спокойно произнес Платайс.— Обращаясь ко мне, следует говорить «вы». Это во-первых. А во-вторых, немедленно уезжайте отсюда и молите бога, чтобы я не сообщил полковнику о приеме, который оказала мне ваша контрразведка утром.

— Я ззапомню! — заикаясь от ярости, крикнул есаул.

— Вот и превосходно!

Платайс повернулся к есаулу спиной и сказал Кондрату Васильевичу:

— Если ты припомнишь остальных рабочих депо и укажешь их адреса, тебя никто не тронет!

Разъяренный есаул ускакал вместе с двумя верховыми, а Платайс и Кондрат Васильевич вернулись в мастерскую.

— Чисто он есаула отбрил! — усмехнулся один из солдат барона Бергера.

— Есаул это припомнит! — ответил другой.

В мастерской продолжается прерванный разговор. Там уже — четверо. Обходчик поднялся наверх.

— Когда вы пришли,— улыбаясь, говорит Кондрат Васильевич,— я был уверен, что вы и есть Трясогузка!

— Я бы посоветовал найти этого романтика,— ответил Платайс.— Но главное — бронепоезд. Основной удар наши войска нанесут с запада. Партизаны нажмут с востока. К тому моменту бронепоезд должен быть отремонтирован. Бронепоезд — наш ударный кулак и находится он в самом центре вражеской обороны. Вот в чем его преимущество!

— Отремонтировать успеем,— задумчиво произносит Кондрат Васильевич.— А кто будет командовать бронепоездом?

— Я! — сказал Платайс и встал.— Мне пора... До вечера, товарищи!

У дверей Платайс остановился, нерешительно обернулся.

— Кондрат Васильевич!

— Да?

— Есть у меня к вам личная просьба... Много тут у вас, в городе, приблудных ребятишек?

— А где их мало сейчас!

— Я бы...— Платайс не закончил, махнул рукой, вздохнул.— Впрочем... не время! Потом!

Городской базар. Унтер-офицер тащит ворох отобранного во время обыска тряпья. Входит в ларек, сбрасывает узел на пол.

— Принимай товар, хозяйка.

Женщина в ярком платке, с большими серьгами в ушах брезгливо взглянула на тряпье и не задумываясь определила цену:

— Ведро самогона.

— Ладно, гони! — согласился унтер.

Прихрамывая, бродит по базару помощник Кондрата Васильевича — Николай. Присматривается, прислушивается.

Седобородый, костлявый как смерть старик устало вертит ручку шарманки, а девочка лет двенадцати, закрыв глаза, надрывно поет:

«И не жду от жизни ничего я...»

Старушка, приплясывая, как на морозе, вертится во все стороны и выкрикивает:

— Меняю икону! Тверскую икону!

В стороне от всех отставной чиновник пишет письмо, положив бумагу на ящик. Неграмотная деревенская женщина диктует:

— Продали мы корову и тоже не могли расплатиться...

— Не спеши! — сердится чиновник.— За пятак, а стрекочешь, как сорока!

Николай остановился за его спиной, пошутил:

— Как трясогузка!

Чиновник удивленно повернул голову.

— Дурак! Трясогузка не стрекочет!

Николай отошел и присоединился к толпе, слушавшей какую-то шуструю женщину, захлебывавшуюся от избытка слов:

— Одних, которые мертвые, семнадцать душ, да раненых — тьма-тьмущая! Теперь, говорят, каждого пятого хватать будут, пока не доищутся! Примета есть — он будто платок обронил... батистовый!

В толпе мелькают рваный английский френч и полосатые пижамные штаны. Рядом с этим беспризорником — второй. Его зовут Мика. Он очень маленький и тощий. На нем рубаха, которую старший беспризорник вырвал из рук унтер-офицера.

Они с независимым видом лавируют среди толпы. Люди сторонятся, придерживают карманы и сумочки. Но мальчишки ни на кого не обращают внимания.

Трещит костер. Над ним — котел. Рядом на чурбане сидит толстая женщина, выкрикивает басом:

— Кондер! Кому горячий кондер из свежей потрохи?

Студент протягивает женщине связку книг.

— Отдам за тарелку твоего кондера!

— На что они мне! — басит хозяйка.

Николай ощупал связку книг, тихо спросил:

— Про птиц есть?.. Про попугаев или трясогузок?

— Да нет у меня такой книги! — огрызается студент и снова обращается к женщине:
— Хозяйка, ну хоть полмиски!
— Отстань!

В центре базара лихо выплясывает цыганенок с гитарой. Он сам себе аккомпанирует. Гитара оказывается то над головой, то за спиной, но и в этом положении цыганенок умудряется бренчать на струнах.

Выкинув последнее коленце, он сдернул с головы прожженную шапку-ушанку и пошел по кругу с вытянутой рукой. Ни одна монетка не падает в шапку. Обойдя всех зрителей, цыганенок опускает руку и запевает отчаянным голосом:

«Города, поля и села
За тебя стоят горой,
Потому что ты известный
Всенародный наш герой!
Вэчека! Вэчека!
Приласкай же Колчака!»

Люди стали переглядываться. Одни испуганно, другие с одобрительной усмешкой. Толпа начинает редеть.

«Наш верховный, наш правитель,
Защити святую Русь!
Красной черни усмиритель,
За тебя сейчас молюсь!
Вэчека! Вэчека!
Арестуй же Колчака!»

Вокруг мальчишки образуется пустота. Он швыряет шапку на землю и кричит:

— Чтоб вас разорвало! Чтоб вам лопнуть вдоль и поперек!

Два беспризорника, стоявшие невдалеке, пошептались.

— Пожалуй, подходит! — произнес мальчишка в английском френче.

— Подходит! — подтвердил младший беспризорник.

Он вытащил из кармана довольно большой кусок сахару и ловко бросил его в лежавшую на земле шапку. Цыганенок удивленно сверкнул глазами и жадно схватил сахар.

— Обла-а-ава! — слышится чей-то испуганный вопль. Паника охватывает базарную площадь.

Люди, сбивая друг друга с ног, мечутся из стороны в сторону. Цыганенок подхватывает шапку и тоже бежит куда-то. Два беспризорника пробиваются к забору. У старшего размоталась обмотка. Она волочится по земле. Чья-то нога наступает на нее. Беспризорник падает.

— Ошалел со страху! — ругается мальчишка на Николая.

Это он наступил на обмотку.

— Виноват, но извиняться некогда!

Беспризорники протиснулись в узкую щель между забором и ларьком. Николай полез туда же. Мальчишки раздвинули доски. Все трое юркнули в дыру. Доски закрылись.

Николай прислонился к забору, улыбнулся мальчишкам.

— Спасибо, ребята! Вывели из этой заварухи!

— Ешь на здоровье! — ответил старший беспризорник.

Вечереет. Цыганенок пробирается вдоль задней стены кирпичного строения. Из этой стены выходят две трубы. На них положены доски. В стыках из труб выбиваются струйки пара, которые теплым облаком окутывают самодельные нары. Это — жилье цыганенка.

Бережно уложив гитару, мальчишка и сам укладывается на досках. Какой-то шорох заставляет его оглянуться. У нар стоят два знакомых беспризорника.

— Тепло устроился! — одобрительно говорит старший.— А ну, слазь!

Цыганенок вскочил.

— Ты кто? — строго спросил старший беспризорник.

— Я-то?

— Ты-то!..

Цыганенок спустил ноги и, схватив гитару, бросился наутек. Но беспризорники начеку. Старший ловко подставил ногу. Цыганенок растянулся на шлаке.

— Бей! Только гитару не тронь! — взмолился он.

Мальчишки засмеялись.

— Есть хочешь? — спросил младший.

Цыганенок недоверчиво и удивленно смотрит на них.

— Ага!

— Еще раз побежишь — догонять не будем! — предупредил старший беспризорник.

— Останешься с пустым животом! — добавил младший.

Мальчишки, не оглядываясь, пошли прочь. Цыганенок полежал еще несколько мгновений, потом вскочил и побежал за ними.

На бревнах, на берегу реки, сидят беспризорники. Цыганенок стоит перед ними и отвечает на вопросы. Допрос ведет младший.

— Где жил?

— В Чите.

— Как сюда попал?

— К красным пробираюсь.

Младший беспризорник взглянул на старшего.

— Да, годен он, Трясогузка!

Старший нахмурился и шлепнул младшего по затылку. Объяснил:

— За язык!.. Кличка командира — военная тайна! Понял?

Воспользовавшись паузой, Цыганенок жалобно произнес:

— А поесть-то когда? Обещали же!

— Спрашиваем мы! — прикрикнул на него Трясогузка.— Давай, Мика! Продолжай!

Мика хлюпнул носом и спросил:

— Отец и мать есть?

— Нету! — горестно ответил цыганенок.

— А где они?

— Колчаковцы...

Голос у цыганенка сорвался. На глазах навернулись крупные слезы.

— Звать как?

— Гаврюха Спицын.

— Цыган? — вмешался в допрос Трясогузка.

Цыганенок сердито сверкнул глазами.

— Попрошайничать для вас не буду!

— Никак обиделся? — удивился Трясогузка.— А ну-ка, Мика, разъясни ему!

Мика деловито откашлялся.

— В нашей армии так: кто ты — все равно! Хоть цыган, хоть как у Пушкина — финн, тунгус или калмык! Лишь бы не белый. И не трус!

— А Цыган,— добавил Трясогузка,— это твоя кличка будет! У нас так положено!.. Принимаем тебя в армию!

— А поесть? — снова спрашивает Цыган.— Я дня три...

— Иди за нами! — прервал его Трясогузка.— И запоминай наш устав!.. Давай, Мика.

Мальчишки пошли вдоль берега. Мика заговорил как по писаному:

— У нас армия, а не шайка! И ты теперь боец армии Трясогузки! Без приказа ни шагу! За измену — смерть! Воровство и всякий грабеж — отменяется! У нас склады продовольствия! Еды хватит до самой до коммунии!

— До чего? — не понял Цыган.

— До коммунии! — повторил Мика.— Когда Ленин скажет: Все, товарищи! Езжайте кто куда хочет! Хоть на Черное море, хоть в Крым, хоть на Кавказ! И ешьте — что хотите! Хоть ананасы! А их там...

— Ты об уставе давай! — одернул его Трясогузка.— Об ананасах потом...

Они подходят к старому пепелищу. Светит луна. На перекладине, образующей ворота,— остатки когда-то броской надписи: «Купец Зу...» Торчат стояки дымоходных труб.

Трясогузка вытаскивает из развалин флаг с надписью: «Армия «Трясогузки», разворачивает его и приказывает Цыгану:

— Поклянись на знамени!

— А почему оно белое? — спрашивает Цыган.— Вы же за красных!

— А ты читай! — сердится Мика и поворачивает полотнище той стороной, на которой написано слово «красный».— У нас этого батиста — рулоны, а красной материи нигде нету.

— Клянись! — повторил Трясогузка.

— А как?

— А так: если что сболтнешь — гроб тебе сосновый! — говорит Мика.— А если струсишь — гроб осиновый!

— Вот те крест — не сболтну и не струшу! — клянется Цыган.

Мальчишки перелезают через обгоревшие бревна и остатки стен. Трясогузка подползает под какую-то балку рядом с печной трубой. Мика и Цыган ползут за ним.

Вспыхивает спичка, загорается свеча, освещая облицованный камнем подвал. Видны какие-то мешки, ящики, бочки, рулоны. Один ящик взломан. В нем поблескивают

консервные банки. Из распоротого мешка торчат конусообразные головки сахара.

Цыган смотрит на это богатство, раскрыв рот. У него дух захватило от этого изобилия.

— Это... чье?

— Моей армии! — гордо говорит Трясогузка.

— Все?

— Все принадлежит моей армии!

— А сколько в армии... едоков? — с тревогой спрашивает Цыган.

— Едоков! — передразнивает его Трясогузка.— В армии бойцы, а не едоки!.. Ты третий будешь...

— Это... все... на троих?

Цыган схватил гитару, ударил по струнам, выбил ногами чечетку.

Потом отбросил гитару, поднял над головой свечу, прыгнул на ящик, с него — на бочку.

— Стой! — отчаянно завопил Трясогузка.

Цыган застыл, взглянул под ноги. Половина дна у бочки выбита. Поблескивает черный порох.

Трясогузка вырвал у Цыгана свечу и наградил его подзатыльником.

— Если б взорвался — голову бы тебе оторвал!

Цыган виновато вздохнул, и Трясогузка смилостивился.

— Накормить бойца Цыгапа!

Мика стал разжигать железную печурку.

Булькает на печурке чайник. Цыган пальцами вытаскивает из банки куски мяса, облепленные студенистым желе, и торопливо запихивает в рот. Трясогузка и Мика тоже едят, но не так жадно.

— Я когда сюда приехал,— рассказывает Трясогузка,— три дня не ел... Думал, конец придет... А холодюга! Наткнулся на обгоревшие бревна... Может, тепло от пожара осталось?.. Полез под балку — холодно! Хотел назад повернуть, да в подвал и провалился... Отъелся, отогрелся... Потом Мику сюда приволок... Нашел его у выгребной ямы.

— Как только не растащили! — произносит Цыган, снова оглядывая мешки, ящики и бочки.

— Думали — сгорело все! — пояснил Трясогузка.— Купчина тут жил... Говорят, денег у него было — как грязи!.. Когда пришла революция, взял и подпалил свой дом,

а сам удрал. Только не рассчитал, гад! Порох не взорвался! Вот подвал и уцелел.

Раннее утро. Трясогузка раскладывает на три кучки дневной паек: баранки, по куску сахару, по вобле. Одну из порций он подвинул Цыгану. Спросил:

— Клятву помнишь?

— Помню!

— И еще запомни: дотемна сюда не возвращайся! Шныряй по городу, как настоящий цыган! Высматривай, как белым навредить можно! Вечером доложишь! Понял?

Такую же порцию получает Мика, и мальчишки расходятся в разные стороны.

Цыган идет вдоль речки. Впереди виден мост. К нему с противоположной стороны подъезжает нагруженная длинными ящиками армейская подвода. Подвыпивший солдат лениво понукает лошадь.

— Шевелись, стоеросовая!

Под колесами затарахтели бревна моста. Цыган услышал громкий треск и увидел, что заднее колесо телеги проломило подгнивший настил. Лошадь дернулась несколько раз и остановилась. Солдат спрыгнул на мост, обошел подводу, покачал головой, посмотрел по сторонам.

— Эй, парень! Чего скалишь зубы? Иди помоги!

Цыган подбежал, взял лошадь под уздцы. Солдат уперся в задок телеги. Но колесо засело крепко, поклажа была очень тяжелой.

— Вагу нужно! — подсказал Цыган.

Солдат задумчиво поскреб подбородок и вытащил из телеги топор.

— Пойду, вырублю, а ты придержи лошадь.

— Ладно!

Оставшись один, Цыган заглянул под брезент. В длинных ящиках лежали винтовки. Были в телеге и цинковые коробки с патронами.

Мальчишка прислушался. Где-то за кустами солдат вырубал вагу.

Цыган вытащил ящик с патронами и опустил его в дыру под мост. Всплеск был не очень громкий. Потом он отправил туда же одну винтовку.

Солдат притащил увесистую вагу, подставил ее под ось. Навалился — колесо поднялось.

— Трогай!

Цыган потянул лошадь за уздцы, и подвода благополучно миновала мост.

По грязному переулку ведут к железной дороге группу заключенных — человек двадцать. Это заложники. Колчаковская контрразведка задержала их до выяснения личности таинственной Трясогузки.

По тому же переулку сзади конвоя бредет Мика.

Около железной дороги стоит кирпичный пакгауз. В него и втолкнули всех заложников. Навесив на железную дверь большой замок, унтер-офицер приказал часовому:

— Не выводить! Передач не принимать! Все равно через пару дней в расход пустим.

По путям мимо пакгауза неторопливо проходит Мика. Посмотрел на часового, на дверь. Сбежал с насыпи в кусты. И вот он уже сзади пакгауза. Залег в зарослях и тоскливо смотрит на единственное окно, забранное прочной решеткой.

Вдоль забора у особняка полковника прогуливается Трясогузка. Внимательно смотрит на крыши, на старые деревья с толстыми ветками, нависшими над кухней и забором.

По улице ведут еще одну группу задержанных. Здесь только мужчины — рабочие депо. Среди них и Кондрат. Платайс шагает сбоку по тротуару. Три солдата покрикивают на рабочих, торопят их.

Трясогузка и Платайс идут навстречу друг другу. Мальчишка с ненавистью взглянул на гладко выбритое, сытое, спокойное лицо мужчины. А Платайс проводил беспризорника грустным сочувственным взглядом.

Трясогузка дошел до открытых ворот, а оттуда — Николай с пустым мешком. Увидел знакомого беспризорника, улыбнулся.

— А-а, приятель! Здорово!.. Как обмотки, хорошо сегодня завязаны?

— А ты, значит, вокруг полковника увиваешься? — зло спросил Трясогузка.

— Откуда ты знаешь, что здесь полковник?
— Я все знаю!
— Давно беспризорничаешь?
— С потопа!
— Звать-то как?
И Трясогузка чуть не проговорился.
— Тр... Трофим! — произнес он и, рассердившись, крикнул: — Чего привязался? Катись!..

Из трактира доносится веселая музыка. Распахнув дверь ногой, половой выводит пьяного офицера.
— Ну и нагрузились, ваше благородие!
— Не огор-чай меня без ну-ужды! — напевает офицер.— Может быть... последний раз!
Прислонив офицера к фонарному столбу, половой возвращается в трактир.
— Эй, человек!.. Где ты? — кричит пьяный.
— Дяденька, я помогу! — услужливо говорит Цыган и обхватывает офицера рукой.
Пальцы нащупали кобуру и ловко расстегнули ее.
— Человек! Почему ты стал таким маленьким? — лепечет пьяный.— Измельчал ныне человек!
Цыган опустил наган за рубаху и отбежал от офицера.

Подвал. Вся армия в сборе. Трясогузка анализирует результаты дневной разведки:
— Молодец, Цыган! Наган — это вещь! Винтовка тоже пригодится! Ну, а теперь насчет заключенных...
— Кормить их надо и воды дать! — говорит Мика.
— Выдумал еще! Еду раздавать! — возразил Цыган.
— Тогда я свою порцию носить буду!
— Валяй!.. Если загнуться хочешь!.. Да за еду двумя руками держаться надо! — горячится Цыган и вытягивает обе руки с растопыренными пальцами.
Трясогузка ударил его по рукам.
— Загребала!.. Еду дадим! Их из-за нас посадили. Из-за поезда!.. Мика, пиши записку: кормить будем каждую ночь! А ты, Цыган, готовь воду! Бутылки в углу!

Слышится лихой перезвон гитары, одобрительный гул голосов. А здесь, у задней стены, в темноте Мика стоит на

плечах Трясогузки и просовывает сквозь прутья решетки бутылки с водой и консервные банки.

Хохочет часовой у дверей пакгауза. Пересмеиваются солдаты, наблюдая за Цыганом, который дает бесплатный концерт для отправляющихся на фронт колчаковцев.

На путях стоит длинный эшелон. К нему от водокачки пятится паровоз.

Цыган то поет под гитару, то пляшет. Он устал. Пот выступил на лбу, но мальчишка продолжает свой концерт.

Наконец среди солдат появляются Мика и Трясогузка. Цыган на полуслове обрывает песню и бежит к друзьям.

— Стой! Попляши еще! — кричит часовой.

— В следующий раз!

И снова мальчишки в подвале. Трясогузка и Цыган пригоршнями берут порох из бочки и увязывают его в куски батиста. Растет горка узелков с порохом.

Из такого же куска батиста Мика готовит флажок. Все надписи сделаны. Осталось поставить кавычки.

Подошел Трясогузка, посмотрел.

— Да на что ты этих головастиков каждый раз малюешь?

— А как же! — удивился Мика.— Кавычки обязательно! Ты же на самом деле не трясогузка.

— Все эти флажки — ерунда! — говорит Цыган.

— Ты против знамени? — сердито спросил Трясогузка.

— Да нет... С ним только сложно!

Мика и Трясогузка задумались.

— Может, и верно! — произнес командир.— Ну ладно! В последний раз!

Около особняка полковника скупо светит уличный фонарь. У забора появляются три тени: Трясогузка, Цыган с мешком и Мика. Они по очереди забираются на забор, а оттуда — на дерево.

Залезли и замерли, прижавшись к стволу.

Внизу проходит патруль. Когда шаги солдат затихли вдалеке, мальчишки влезли еще выше. Потом Цыган пополз по толстому суку, который нависал над крышей кухни. Мальчишка развязал мешок и стал опускать в трубу узелки с порохом. Мешок опустел. Цыган бросил флажок

с надписью «Армия «Трясогузки» и пополз обратно. Доложил командиру:

— Ни разу не промазал!

— Тихо! — шепнул Трясогузка.

Внизу под деревом бесшумно промелькнула девушка — та самая, которая подавала сигнал опасности, сестра Николая. Оглянувшись, она быстро пришлепнула к забору листовку.

Весело потрескивала печка. Толстая стеариновая свеча стояла на большом ящике, вокруг которого сидела вся армия.

Мика читал снятый с забора листок:

— «Трудовая Сибирь обливается кровью. Но чаша народного терпения переполнилась. Дни Колчака сочтены! Над белогвардейцами занесен карающий меч пролетариата.

Приближается первомайский праздник. Большевики-ленинцы призывают всех, кому дороги завоевания революции, отдать свои силы на борьбу с кровавой диктатурой «омского правителя»...

Мика придвинул листовку к Трясогузке и сказал:

— Вот они — кавычки! А ты спорил!

— Где?

— Омский правитель в кавычках, потому что никакой он не правитель, как и ты — не птица трясогузка!

— Ты что, меня с Колчаком равняешь?

Трясогузка вскочил от возмущения и больно ударился коленом об угол ящика. Свеча упала и погасла.

— Да я тебя!..— зло закричал он.

— Бей! Я все равно по правилам писать буду! — тоже закричал Мика.

Наступила тишина. Лишь потрескивала печка. Причудливые отсветы огня прыгали по стенам и потолку подвала.

— Это что же, бунт? — не предвещающим добра голосом спросил Трясогузка.— Против командира?

— Не против командира, а против кулаков! — смело ответил Мика.

— А чем вас учить, как не кулаками?

— Учить? — переспросил Мика.— Ты бы хоть азбуку осилил, а уж потом других учил!

— А ты взял бы да научил меня! — остывая, сказал Трясогузка.

— Я и учил! — отозвался Мика.— Сколько раз начинали!

— Плохо, значит, учил! — буркнул Трясогузка.

— Как умел! — ответил Мика.— Не по-твоему!

— Мог бы и по-моему! Оно бы, может, лучше было!

— Так давай! — воскликнул Мика.— Цыган, зажги свечу!

Вспыхнул огонек. Не ожидавший такого поворота командир испытующе посмотрел на Мику — шутит или не шутит. Мика был серьезен.

— Садись! — сказал он Трясогузке и встал рядом с ним.— Повторяй за мной: а, б, в, г, д.

— Аа, бе,— начал Трясогузка.

— Ты не коза, блеять не надо! — нравоучительно произнес Мика и дал командиру подзатыльник.

Удар был слабый. Но и это символическое наказание подействовало на Трясогузку ошеломляюще.

Цыган отбежал в дальний угол, зарылся в солому, заткнул рот шапкой и затрясся от беззвучного смеха.

— Повторяй по пять букв! — снова потребовал Мика.— А, б, в, г, д.

На этот раз Трясогузка произнес все пять букв правильно.

Так ученик и учитель благополучно добрались до буквы «р». Тут опять командир ошибся.

— Ры,— произнес он.

— Слушать надо, а не рыкать! — сказал Мика и дал Трясогузке затрещину.

Цыган катался по соломе и хохотал на весь подвал.

Трясогузка медленно поднялся и сверху вниз глянул на маленького, тщедушного Мику — сейчас раздавит! Но тот, не дрогнув, выдержал его взгляд.

Цыган перестал хохотать. Было не до смеха — могла начаться настоящая драка.

Трясогузка быстро вскипал, быстро и успокаивался. Урок не кончился дракой. Командир отступил, но с честью.

— Некогда сейчас азбукой заниматься! — сказал он.— Доучим в другой раз... Спать ложитесь!

Он улегся первый.

Молча сидели Цыган и Мика у ящика со свечой и переглядывались. «Помириться бы!» — говорили их глаза.

— Эй! Начальник штаба! — грубовато произнес Трясогузка.

— Да! — с готовностью откликнулся Мика.

— Ну-ка, разъясни! — продолжал командир.— Там, в листовке, есть два слова: большевики и ленинцы. А мы кто — ленинцы или большевики?

— Конечно, ленинцы!.. Нас всего трое! Когда станет больше, будем большевиками!

— Почему трое? — возразил Трясогузка.— А кто эту листовку приклеил? Значит, нас больше, только мы не знаем всех, кто за красных стоит. Может, нас в городе тысяча!

— Правильно! — поддержал командира Цыган.— Выходит, мы и ленинцы и большевики!

— Я тоже так думаю! — важно сказал Трясогузка.— И еще ответь... Там про праздник написано. Когда он будет?

— Первого мая,— уверенно произнес Мика.

— Это я сам знаю! А первое когда будет?

— Сейчас скажу! — Мика подумал и сам задал вопрос: — Какое сегодня число?

— Знал бы — тебя не спрашивал. Считать я умею!

Цыган тоже не помнил, какое было число.

— Узнать завтра! — приказал Трясогузка.— Надо к празднику что-нибудь сообразить!

На столе коптилка, компас и карта. Над ней склонился командир партизанского отряда — пожилой, бородатый, усталый мужчина.

Молодой партизан вводит в землянку обходчика.

— Перебежчика привел! — шутит он.

Командир взглянул на обходчика.

— Беда, что ль, какая?

Обходчик сел на табуретку.

— Списали меня с железной дороги!

— Кто?

— Трясогузка.

— Кто? — не понял командир.

— А я почем знаю! Кондрат и тот не знает!

— Да говори же толком!

Обходчик лезет за пазуху, долго шарит и вытаскивает вчетверо сложенный листок.

— Готовь своих ребят к большому бою!

Лежат рядышком трое мальчишек. Под головами — рулоны батиста. Вместо одеял — тоже батист. Потрескивает сальная свеча. Не спится. Цыган поет протяжную песню.

Трясогузка спрашивает:

— Цыган, ты кем будешь, когда мы победим?

— Музыкантом!.. Научусь на рояле.

— А что такое рояль?

— Это такой большой черный ящик с белыми-белыми клавишами... Пальцем дотронешься — и заиграет!

— А где ты на гитаре научился играть?

— В цирке,— сказал Цыган.— В шапито... Мы по разным городам ездили с музыкальными номерами... Мамка пела... Я говорил, не надо про Колчака и вэчека!.. А она спела...

— Правильно сделала! — похвалил Трясогузка.

— За это и взяли? — спросил Мика.

— Ага! — дрогнувшим голосом ответил Цыган.— Весь цирк хлопал в ладоши... А ночью... Отца сразу... А мамку мучили долго... Она очень красивая была...

— Моя мама тоже была красивая! — ревниво сказал Мика.— Достали бы ананасы — она бы не умерла!

— Опять ты про свои ананасы! — неодобрительно произнес Трясогузка.— Да я их и не нюхал, а жив!

— Нет, правда! — произнес Мика жалобно. Он верил сам и хотел заставить ребят поверить, что его мама могла бы не умереть, будь под рукой спасительные ананасы.— У нас в латышской колонии доктор жил. Он все-все знал. Посмотрел он маму и сказал папе, что ей надо ехать к Черному морю и есть побольше фруктов и ананасов!

Цыган обнял Мику за плечи.

— Отец, значит, жив?

— Взяли его ночью, связали и повезли куда-то на телеге...

— Разнылись! — прикрикнул Трясогузка.— Я своих совсем не помню — и то не плачу!

Командир схватил пустую консервную банку и запустил ее в свечу.

Ребята услышали подозрительные звуки — вроде всхлипыванья.

Над рекой клубится утренний туман. На берегу Мика и Цыган. Рядом с ними — одежда Трясогузки и вытащен-

ная из воды цинковая коробка с патронами. Мальчишки напряженно смотрят под мост.

Вода начинает бурлить, и на поверхности появляется Трясогузка. Он отфыркивается и, загребая одной рукой, подплывает к мальчишкам. Достав дно ногами, он вытаскивает из воды винтовку.

Неожиданно раздается цокот копыт. Трясогузка опускает винтовку на дно, а Цыган садится на коробку с патронами.

Три солдата верхом на лошадях въезжают на мост.

— Эй, ребята, много раков наловили?

— Да не ловятся, дяденька! — отвечает Цыган.

Всадники миновали мост и пришпорили коней.

— Пронесло! — сказал Трясогузка и нырнул за винтовкой.

В приемной полковника требовательно звонит телефон. Трубку взял адъютант.

— Слушаю! — отвечает он, с удивлением поглядывая в окно, из которого видна окутанная дымом кухня.— Господин полковник встречает французскую военную миссию...

Дым вокруг кухни становится все гуще. Внутри повар во все горло ругает кухонного мужика:

— Рыжая орясина! Ну что я господам французским офицерам на стол подам? Тебя заместо гуся?

Языки пламени выбрасываются из дверцы большой плиты. Кухонный мужик яростно дует в топку, но огонь и дым упорно выбивают наружу.

— Тяги нет! — произносит мужик сиплым басом.— Ветер, стало быть, поперечный.

— Ветер поперечный! — передразнивает повар.— Сырых поленьев напихал! Плесни керосину, идол рыжий!

Мужик приносит баклагу и льет керосин на поленья. Во двор въехал есаул. Спрыгнул с коня, уставился на кухню. А оттуда уже не дым, а черная керосиновая копоть...

Задыхаясь и кашляя, выскочили повар и кухонный мужик, отбежали подальше, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

Есаул пригрозил повару нагайкой:

— Спустить бы тебе шкуру, негодяй!.. Воды! Несите воду!

Повар и мужик бросились к колодцу, а есаул подошел к дверям кухни, чадившей, как гигантская керосинка.

В это время во двор въехала машина. В ней — полковник и три французских офицера.

— Что тут происходит? — грозно спросил полковник.

В ответ гремит взрыв. Рушится передняя стена кухни, накрыв есаула обломками. Разлетается высокая кирпичная труба. Обгоревший флажок с надписью «Армия «Трясогузки» падает на колени шоферу. Он с ужасом смотрит на кусок батиста и, отчаянно крутанув баранку, выводит машину из окутанного дымом двора.

На заборе свежее объявление. Вокруг собралось несколько человек. Рабочий-железнодорожник медленно читает вслух:

«Преступники, именующие себя армией Трясогузки, двадцать восьмого апреля учинили взрыв и пожар в городе. Если в трехдневный срок злоумышленники не будут найдены, заложников предадут смертной казни...»

Негромкие голоса в толпе:

— Это тех, что в пакгаузе заперты?

— Невинных?.. Негодяи!

— А им все равно, кого расстреливать! Чем больше, тем лучше!

— Там человек двадцать заперто!

— Теперь еще нахватают!

Бесцеремонно распихивая людей, к объявлению подходят беспризорники.

— Куда, шалопай!

— Наше дело! — огрызнулся Трясогузка и, пропустив Мику вперед, приказал:

— Ищи число!

Мика прочитал текст и доложил:

— Сегодня двадцать девятое!

— Ясно! — произнес Трясогузка.— Пошли!

Полковник сидит у окна в кресле-качалке. Он мрачен. Адъютант читает ему депешу: «Разведка донесла, что на вашем участке фронта большевики готовят наступление. Приказываю немедленно закончить ремонт бронепоезда и в ночь на первое мая выслать его в подкрепление наших передовых частей...».

— Как в депо? — спрашивает полковник.
— Барон Бергер навел полный порядок.
— Вызовите машину — поедем туда!

В депо действительно полный порядок. Когда полковник и адъютант вошли, их оглушил рабочий гул. Бронепоезд был облеплен людьми. Ремонт шел полным ходом.

Подбежал Платайс.

— Разрешите доложить!..

— Вижу! — прервал его довольный полковник.— Представляю вас к награде и прошу закончить ремонт к завтрашнему вечеру.

Платайс качнул головой.

— Трудно.

— Но совершенно необходимо! — возразил полковник.— Приказ Колчака!.. Если не возражаете, постараюсь вам помочь.

— Прошу вас! — воскликнул Платайс.

— Соберите людей.

— Прекратить работу! — зычно крикнул Платайс.— Всем собраться сюда!

Рабочие столпились у паровоза.

— Предоставляю вам право выбора! — негромко, но четко произнес полковник.— Либо к десяти часам вечера тридцатого апреля, то есть завтра, вы сдадите бронепоезд в полной готовности и спокойно разойдетесь по домам, либо ни один из вас живой из депо не выйдет!

Чтобы подтвердить свои слова, полковник приказал адъютанту:

— Усилить внутренний караул! Никого не впускать и не выпускать без моего личного разрешения!

Он снова взглянул на рабочих и добавил:

— Есть еще и третий вариант... Если закончите ремонт раньше срока — дайте сигнал гудком. Обещаю каждому по бутылке водки!

Рабочие заулыбались.

— Будем стараться! — за всех ответил Кондрат Васильевич.

Весь подвал увешан батистовыми флажками. Вместо древков — оструганные ветки. На одной стороне каждого

флажка написано: «Красный», на другой — в две строки: «Да здравствует 1 Мая!» и «Армия «Трясогузки». Мика, мусоля огрызок чернильного карандаша, надписывает последний, самый большой флаг, прикрепленный к толстой палке.

Цыган, вскрыв топором банку, увязывает патроны в узелок.

Трясогузка укладывает в мешок продукты для заложников. Потом берет другой мешок и засовывает в него флажки. Потом выносит из угла винтовку и наган.

— Быстрей заканчивай! — говорит он Мике.— Уже стемнело! Пора встречать Первомай!

Через несколько минут, нагруженные мешками и узлами, мальчишки выползли из подвала и в темноте пошли вдоль реки. У Цыгана за спиной винтовка и гитара.

Дойдя до железной дороги, ребята разделились. Цыган отдал винтовку и прямиком направился к пакгаузу, а Трясогузка и Мика свернули в кусты, в обход.

И снова танцует и поет Цыган, развлекая часового, охраняющего заложников.

И снова Мика стоит на плечах у Трясогузки и просовывает сквозь прутья решетки еду, патроны, наган и винтовку.

Завершив эту операцию, мальчишки сошлись в тупике за сваленными в кучу старыми шпалами.

— Ну, теперь их голыми руками не возьмут! — шепчет Трясогузка.— Пошли украшать город! Как все флажки развесите, топайте к котельной. Я буду ждать!

Трясогузка взял самый большой флаг и исчез.

В депо горят костры. Несколько пулеметов тупо уставились на рабочих, снующих вокруг бронепоезда. Паровоз уже дымит и пофыркивает паром. Ремонт подходит к концу. Одни в последний раз простукивают колеса. Другие укладывают масляную ветошь в коробки букс. Несколько рабочих готовят брезентовые шланги, чтобы смыть с бронепоезда грязь.

— Шевелятся! — говорит один из солдат пулеметного расчета.— На выпивку рассчитывают!

— Жить захочешь — зашевелишься! — отвечает другой.

Из конторки вышел Платайс, взглянул на часы. Было без четверти девять. Поравнявшись с задним бронированным вагоном, он спросил у рабочих:

— Готово?

— Готово!

Такой же ответ он получил и у среднего и у переднего вагонов.

Из паровозной будки выглянул Кондрат Васильевич, весело крикнул:

— Господин барон! Не томите людей! Выпить хочется!

— Давай гудок! — разрешил Платайс.

Могучий густой рев заполнил депо. По этому сигналу рабочие набросились на колчаковцев, находившихся рядом с бронепоездом. Ремонтники прыгали на них сверху, с вагонов, сбивали с ног и обезоруживали.

Офицер прокричал какое-то ругательство и ухватился за кобуру. Платайс ребром ладони ударил его повыше локтя. Второй удар заставил колчаковца отлететь в сторону. Его подхватили рабочие, а Платайс побежал в хвост бронепоезда.

Засуетились пулеметчики у ворот депо. Против них были направлены брандспойты. Обжигающие струи кипятка оттеснили солдат от тупорылых «максимов». У задних ворот пулеметчики сдались, не сделав ни одного выстрела, а у передних произошла заминка.

Рабочий, поливавший колчаковцев кипятком, споткнулся и упал, сильно ударившись правой рукой о рельс. Он быстро вскочил, хотел поднять брандспойт и не мог. Кипяток лился на пропитанную мазутом землю. Рабочий беспомощно оглянулся, прижав к груди сломанную руку.

Кондрат Васильевич закрепил ручку гудка, выскочил из будки и побежал к рабочему.

Но колчаковцы уже опомнились. У пулемета залег солдат с тремя георгиевскими крестами. Рядом, у коробок с лентами, плюхнулся унтер-офицер.

«Не успеть!» — подумал Кондрат Васильевич.

Он бежал и видел дуло, прицельную рамку, голову солдата, прильнувшего к пулемету. Сейчас заговорит «максим» и...

Унтер-офицер локтем ударил георгиевского кавалера, а тот оторвался от прицельной рамки и стал что-то поправлять в пулемете. «Заело!» — мелькнула у Кондрата Васильевича радостная мысль. Он подхватил горячую кишку и хлестнул кипятком по колчаковцам.

Подоспели рабочие с винтовками. Унтер-офицер и солдат с крестами подняли руки.

Кондрат Васильевич вернулся в паровозную будку и освободил ручку гудка. Наступила звенящая тишина. Теперь гудок был не нужен. Он заглушил звуки короткой схватки, и наружная охрана не догадалась, что произошло внутри депо.

Рабочий, из-за которого чуть не сорвалась тщательно продуманная операция, виновато потупясь, стоял у паровоза.

— Ты бы левой,— укоризненно сказал ему Кондрат Васильевич.

Рабочий показал левую руку. Она была ошпарена. На пальцах и ладони бугрились пузыри.

Кондрат Васильевич охнул, словно ему самому стало нестерпимо больно.

— Прости, друг! — произнес он.— Потерпи полчасика! Отправим бронепоезд — перевяжем.

— Потерплю,— отозвался рабочий.

Кондрат Васильевич пошел к пулемету. Он открыл крышку коробки, передернул ленту. «Максим» был в полном порядке, нажми на спуск — и пулемет заработает.

Задумчиво посмотрел Кондрат Васильевич вслед георгиевскому кавалеру, которого уводили в помещение кладовой. Там уже толпились и другие обезоруженные колчаковцы.

Перебегая в темноте от дома к дому, Мика и Цыган развешивают на улице флажки.

Трясогузки с ними нет. Командир, засунув древко большого флага за пояс, медленно поднимается по железным скобам вверх — на высокую кирпичную трубу. Свистит ветер. Над головой — черное небо, а внизу — смутные очертания городских строений. Страшно стало Трясогузке. Он прижался к скобам и зажмурился.

— Ну, ты! Трус окаянный! Шевелись! — обругал он сам себя и снова полез вверх.

Наконец его рука нащупала последнюю скобу. Трясогузка подтянулся и лег животом на кромку трубы рядом с острым штырем громоотвода. В трубе что-то задвигалось, захлопало. Мальчишка откинулся назад и чуть не сорвался вниз. Какая-то птица вылетела из жерла трубы и, сердито каркнув, пропала в темноте.

— Дура летучая! — с дрожью в голосе прошептал Трясогузка.— Где ночевать вздумала!

Отдышавшись, он уселся верхом на ребро трубы и стал привязывать древко флага к громоотводу.

Подозрительный шорох заставил его замереть. Мальчишка прислушался. Снизу доносилось позвякиванье железных скоб.

Со страхом и отчаянной решимостью смотрит Трясогузка на кенку и широкие плечи человека, взбирающегося на трубу. Кенка все ближе, ближе. Мальчишка согнул ногу, чтобы ударить. Но порывистый ветер вдруг развернул полотнище флага, и оно громко щелкнуло.

Человек вскинул голову.

Мелькнула рука. Дуло нагана снизу уставилось на Трясогузку.

Николай первым узнал беспризорника.

— Трофим!.. Чуть грех на душу не взял! Что ты тут делаешь?

— Я тут ночую...

Ответ прозвучал так нелепо, что Николай нервно расхохотался.

— Ой, уморишь! Врун ты окаянный!.. Замолчи, а то упаду!

— А ты держись! — проворчал Трясогузка.

Николай поднялся до верхней скобы.

— А по-честному,— зачем сюда залез?

— Зачем и ты! — ответил Трясогузка, кивая на красный флаг, засунутый у Николая за ремень.

Батистовый флаг беспризорников снова защелкал на ветру. Николай взглянул на полотнище.

— Чертушка ты мой!.. Только... флаг-то белый!

— А ты что — неграмотный? — рассердился Трясогузка.— На нем написано по-русски — красный!

— Так ведь снизу не прочтешь! — мягко возразил Николай.— А цвет — он сразу виден! Давай-ка вот этот прилаживать!

Он вытащил из-за ремня красный флаг и отвязал от громоотвода батистовое полотнище.

— Не бросай! — предупредил мальчишка.— Это наш флаг! Моей армии!

— Да-а! — вздохнул Николай.— Беспризорников сейчас целая армия!

— Не беспризорников! — возразил мальчишка.— Ты только не упади!.. Это флаг «Армии «Трясогузки»!

Полковник сдержал слово. Услышав гудок, он приехал в депо. Сзади в машине — ящики с водкой.

Отремонтированный бронепоезд готов хоть сейчас открыть огонь.

Подбежал Платайс.

— Разрешите доложить, господин полковник! Бронепоезд отремонтирован раньше срока!

— Благодарю! Водка со мной! — громко, чтобы слышали все рабочие, произнес полковник.

— Этого мало! — улыбнулся Платайс.— Пора, господин полковник, сдавать город!

Адъютант и полковник тупо уставились на Платайса.

— Я вам сейчас все объясню,— сказал он.— Обратите внимание вот на это.

Платайс указал на пулеметы. И только сейчас полковник и адъютант заметили, что охраны нет. У пулеметов, у ворот депо — везде одни рабочие. Обезоруженные солдаты толпой стоят в темном углу депо.

— Сдайте, пожалуйста, личное оружие! — попросил Платайс.

— Это предательство! — процедил полковник.

— Нет! — возразил Платайс.— Это военная хитрость... Прошу ваши пистолеты!

Получив оружие, Платайс повел полковника и адъютанта туда, где стояли солдаты.

С ними беседовал Кондрат Васильевич.

Внимательно приглядываясь к хмурым лицам, он спокойно говорил:

— Я знаю, многие из вас воевали не по своей воле. Пошли на фронт по мобилизации Колчака. Вот почему подпольный ревком решил дать вам возможность оправдаться перед народом!.. Нашему бронепоезду нужны артиллеристы и пулеметчики. Кто из вас желает послужить революции?

Солдаты молчали.

— Значит, желающих нет?

Из переднего ряда вышел пулеметчик — георгиевский кавалер.

— Если поверите — могу стать у пулемета.

Адъютант полковника шагнул к солдату и занес кулак. Платайс перехватил его руку.

— Не трогай наших!

Георгиевский кавалер смущенно кашлянул.

— Спасибо, господин...

— Товарищ командир,— поправил его Платайс и добавил: — Я поведу бронепоезд.

— Кто еще? — спросил Кондрат Васильевич.

— Семен! — крикнул георгиевский кавалер.— А ты что же?

— Мне домой надо... в деревню! — пробасил рябой солдат.

— Так где твоя деревня? Под Колчаком!.. Что, я один за твою деревню биться буду?

Семен посмотрел по сторонам, подумал и, растолкав солдат, вышел вперед.

— Мобилизуй и меня, товарищ командир!..

И сразу же толпа пришла в движение. Послышались голоса:

— И меня!

— Я тоже согласен!

— Связисты нужны?

Распахиваются деповские ворота. Тихо, без гудка, ощетинившись пушками и пулеметами, выходит на основную колею бронепоезд.

На окраине города, метрах в трехстах от железной дороги — военный городок колчаковцев. Бронепоезд останавливается. Пушки нащупывают приземистые казармы. Гремит первый залп. И сразу же на восточной стороне города заговорили пулеметы. Этот удар подготовили партизаны.

Как пожар, вспыхнула в городе паника.

Заметался часовой у пакгауза. Подбежал унтер-офицер, на ходу передернул затвор винтовки, заорал:

— Открывай! Кончать их будем!

Часовой открыл замок, распахнул двери.

— Выходи по одному!

Из темноты пакгауза гремят выстрелы.

Разгромив казармы, бронепоезд двинулся на запад, к линии фронта, а бой в городе продолжался. Партизаны и рабочая дружина Кондрата очищали от колчаковцев улицу за улицей.

Только армия «Трясогузки» бездействовала. Ребята были заперты в подвале жестяной мастерской. Поставив табуретку на откидные доски люка, сестра Николая — Катя, сторожила мальчишек.

Перестрелка приближалась. Где-то рядом застрочил пулемет. Посыпались выбитые пулями стекла.

Катя отбросила ногой табуретку и упала на пол.

— Спускайся сюда! — услышала она горячий шепот Трясогузки.

— Ничего! — ответила Катя.— Сейчас наши заберут их в плен!

Но пулемет колчаковцев продолжал строчить, пока дружное «ура» не заглушило его. Партизаны и рабочие бросились в атаку. Звуки стрельбы стали отдаляться. На пустыре стонали раненые.

Катя выглянула. Недалеко от крыльца лежал партизан. Чуть подальше — еще двое. На доске, перекинутой через лужу, сидел рабочий и зубами затягивал на руке жгут.

Сдернув с окна занавеску, Катя выбежала из мастерской.

Не прошло и минуты, как приподнялась половица. В темной щели блеснули три пары любопытных и немножко испуганных глаз.

— Ушла! — шепнул Трясогузка.— Нажимай!

Общими усилиями доски были сдвинуты в сторону. Мальчишки на четвереньках добрались до окна. Перестрелка долетала откуда-то из леса. Катя перевязывала партизана, лежавшего у крыльца.

— Тикаем! — предложил Цыган.

— Куда? — удивился Мика.

— В штаб! Там нас никто не найдет!

— От своих прятаться? — спросил Мика.— Город теперь наш. Теперь все по-честному будет!

— А продовольствие? — забеспокоился Цыган.

— Передадим Советской власти!

— Склад передадим! — согласился Трясогузка.— А сами?

— Чего — сами? — не понял Мика.

— Армию что, распустим? — гневно спросил Трясогузка.— Вместо командира нянька у нас будет! Сопельки вытирать! За ручку водить!

Мику эта перспектива не огорчила.

— Зато она драться не будет! — сказал он.

— Эх ты! — уничтожающе произнес Трясогузка и вдруг изменил тон: — А хочешь, я откажусь от командира? Не очень-то мне это нужно! Все будем бойцами! Ни одного леща не отпущу!

— А если отпустишь? — спросил Мика.

— Руби мне руку! Разрешаю! — воскликнул Трясогузка, но, подумав, добавил: — Нет! Руку, пожалуй, не стоит!

Рука еще пригодится: Колчак-то жив! Да мы только в одном городе и победили! А знаешь, сколько городов беляки заняли? Говорят, они и в Крыму сидят, жрут твои ананасы и косточки в море выплевывают!..

Когда Катя, перевязав раненых, вернулась в мастерскую, ребят уже не было. На полу мелом сделана надпись: «Ушли добивать Колчака. Продовольствие передаем Советской власти. Склад найдете за рекой, под сгоревшим домом. «Армия «Трясогузки».

Раннее первомайское утро. Где-то громыхают орудия, а в городе мир и тишина. На особняке полковника — наспех сделанная вывеска: «Ревком».

На платформе около вокзала стоит новый начальник станции — бывший обходчик.

С запада подходит бронепоезд. Он весь во вмятинах и пробоинах. Бой был трудный.

Вся команда высыпала на платформу. Из среднего вагона выскочил Платайс. Весело крикнул:

— Быстро заправиться! Воды! Дров! Боеприпасы! А то удерут колчаковцы — не догнать!

Важно подошел бывший обходчик.

— С праздником, товарищ Платайс!

— Спасибо, Алексей Степанович! Поздравляю с новой должностью! — Платайс улыбнулся.— Скажите, товарищ начальник станции, телефон у вас работает?

— А как же? Будьте ласковы! — обходчик указал на дежурку.

Кондрат Васильевич сидел в кабинете полковника и с негодованием перекатывал по столу отточенный еще адъютантом карандаш. Николай тоже сердито смотрел на сестру.

— Проворонила таких ребят!

Кондрат Васильевич отшвырнул карандаш.

— Раненые же! — оправдывалась Катя.

— За раненых спасибо! А люк надо было чем-нибудь завалить, голова садовая!.. Где их теперь найдешь?.. Звать-то хоть узнала как?

— А у них прозвища! Только младшего по имени называли: не то Минька, не то Мишка...

Зазвонил телефон.

— Да! — бросил в трубку Кондрат Васильевич.— Да, ревком! Ну, слушаю!

Говорил Платайс.

— Помните, Кондрат Васильевич, я про беспризорников у вас спрашивал?

— Помню!.. Разберемся малость — и о них побеспокоимся, товарищ Платайс! — ответил Кондрат.

— Это очень хорошо! — подхватил Платайс.— О них надо позаботиться! А я вас очень прошу, Кондрат Васильевич...

Трубка замолчала.

— Проси, проси, не бойся! — крикнул Кондрат Васильевич.

— Сын у меня пропал! — тихо сказал Платайс.— Вам, конечно, некогда... Я понимаю... А все же посмотрите среди беспризорников...

— Звать как?.. Как его звать? — спросил Кондрат Васильевич.

— Мика,— послышалось в трубке.

— Как-как? — переспросил Кондрат Васильевич, скосив на Катю сердитые глаза.

Под вагонами бронепоезда ползут мальчишки. Трясогузка первый забрался на буфер, помог Мике и Цыгану, не расставшемуся с гитарой. Потом командир подставил плечи.

— Залезайте на крышу!

И вот уже все трое лежат рядышком наверху. Трясогузка шепчет:

— Отъедем подальше — постучим! Не выгонят! Возьмут в разведчики!..

Ударил вокзальный колокол. Захлопали бронированные двери.

Команда бронепоезда заняла свои места. Вышел из дежурки Платайс.

Мика вздрогнул и приподнялся. Трясогузка хлопнул его по затылку, прижал к крыше.

— Па-па! — протяжно крикнул Мика.

Платайс остановился, изумленно повертел головой.

Мика крикнул еще раз, но бронепоезд тронулся.

Платайс вскочил в дверь и с тревогой окинул взглядом платформу, привокзальные постройки.

— Показалось! — прошептал он.

Но крик слышал и бывший обходчик. Он не мог понять, откуда раздался голос мальчишки, пока не увидел на крыше заднего вагона трех беспризорников.

— Стой! Держи! Слазьте! — завопил он, сердито размахивая руками.

Платайс заметил старика, который указывал на крышу заднего вагона, и через верхний люк выбрался наверх.

— Папа! — снова крикнул Мика.

— Сынок! Родной!

Белый флюгер

В туманах скрывается берег,
Манит, зовет.
Кто сам в свои силы поверит —
Берег найдет!
«В атаку!» — скомандует ветер,
Тучи сметет.
Рассветами алыми светел
Будет восход.

(Из песни к фильму)

Старый паровозик, окутавшись паром, остановился на тихом полустанке. На высокой подножке вагона появился Степан Денисович Дорохов. За ним — его жена Варвара Тимофеевна. С гиканьем спрыгивают вниз их сыновья: старший — Федька и младший — Карпуха. Торопливо скинув вещи, спускаются на насыпь и родители.

Карпуха допытывается:

— А теперь на чем поедем?

— Понравилось! — усмехнулся отец.— На своих двоих придется. Осталось версты две... Может, чуток больше.

Заметно прихрамывая, отец переносит вещи к обочине. К нему подходят два матроса. Старший — Зуйко, помоложе — Алтуфьев.

— Куда путь держите? — спрашивает Зуйко.

— В Верхнянку... Да запамятовал, в какую сторону.

— В гости, что ли?

— Можно сказать... домой.

Алтуфьев недоверчиво прищурился.

— Давно хромаешь?

Федька встал впереди отца.

— Батя весной из госпиталя приехал...

— Тебя не спрашивают,— обрывает его матрос.

— Чего привязались? — возмущается Варвара.

— Предъявите документы! — требует Зуйко.

— А вы кто будете? — недоумевает Степан.

— Из чека.

Тесно на маленькой дрезине. Варвара и Степан сидят на скамейке. Мальчишки пристроились у их ног на полу деревянной платформы. Зуйко и Алтуфьев стоят друг против друга и поочередно нажимают рукоятки ручного привода.

— А ты говорил — не поедем! — восторженно кричит отцу Карпуха.

Получив от матери подзатыльник, он насупился.

Алтуфьев скинул с себя бушлат и положил его на пол. Карпуха толкнул брата и глазами показал на торчавшую из кармана гранату. Федька подтянул ногой бушлат и вытащил ее.

— Положь! — раздался строгий голос матери.

Алтуфьев оглянулся и выхватил у Федьки гранату.

— Убиться хочешь! Дурень!

— Испугался? — сказал Карпуха.— А еще чекист!

Флигель пригородного дворца. Невзрачный кабинет местного уполномоченного петроградской ЧК Василия Васильевича Крутогорова. Четверо Дороховых стоят посреди комнаты. Позади них — Алтуфьев и Зуйко.

— Я ж говорю,— объясняет Степан Крутогорову,— из армии меня по случаю ноги — вчистую. Подался я к своим. Смотрю — одно разорение: ни тебе мельницы, ни села. Беляки все под корень скосили. Куда деваться?.. Тут братейник помер...

— Стало быть, за наследством потянулись? — спрашивает Крутогоров.— Дела-а!.. А чем докажете?

— Так письмо же пришло! — вспоминает Варвара.

Степан второпях не сразу находит нужный клочок бумаги.

— От братейника!.. Прислал из госпиталя. Вот...

Крутогоров читает спачала про себя, потом вслух:

«Забирай мою избенку и заодно возьми те годы, которые я не дожил на этом свете. Дал бы и больше, да, окромя этого, ничего не имею».

Задумавшись, Крутогоров подходит к окну, произносит свое любимое:

— Дела-а!

— Ты в своих делах сам кумекай, а нас отпусти! — просит Варвара.

— Придется сегодня вам здесь переночевать. Зуйко, позаботься о них!

Сквозь зарешеченное окно комнаты чуть пробивается лунный свет. Крепко спят на нарах старшие Дороховы.

Мальчишки сползают с нар и ощупью пробираются к двери. Карпуха приседает на корточки. Федька становится ему на плечи.

В кабинет Крутогорова входит Зуйко.

— Проверил! — докладывает он.— Не соврали: стоит в Верхнянке заколоченный дом...

— Дороховский?

— Он самый... А все же, Василь Васильич, сомнение меня берет! Приметы-то сходны: хромает, и возраст тот, и сюда подался, и жена, и детишек двое...

— Многие сейчас хромают! — говорит Крутогоров.— Но осторожность не мешает... А пока иди — отдыхай.

Коридор тускло освещен керосиновой лампой. Напротив запертой на засов двери у стола дремлет Алтуфьев. В верхней дверной филенке прорезана дыра для передачи пищи. В этой дыре появляется лицо Федьки. Он долго смотрит на спящего матроса, потихоньку высовывает руку и нащупывает пальцами засов.

Проскрежетав, железная пластинка вышла, наконец, из гнезда.

Дверь приоткрылась. Мальчишки выскользнули из комнаты и, часто оглядываясь, на цыпочках, пошли по коридору. Миновали две двери. У третьей Федька остановился.

— Тут, кажись, начальник сидит!

— Он тоже караулит? — спросил Карпуха.

— Будет он караулить! Дома на перине небось дрыхнет. Думает, и мы спим...

Карпуха прыснул со смеху.

Дверь неожиданно распахнулась.

Федька попятился, наступил Карпухе на ногу.

На пороге — Крутогоров.

Ребята испуганно смотрят на него, а он — на них. Взглянув вдоль коридора, Крутогоров увидел спящего матроса.

— Дела-а!.. Ну, заходите!

Мальчишки вошли в комнату.

— Бежать собрались?

— И не думали! — ответил Федька.— Просто интересно...

— Интересно?.. А я бы вот как пальнул в вас,— Крутогоров похлопал по маузеру,— было бы тогда интересно!

— А чего палить? — ухмыльнулся Карпуха.

— Со страху!.. Думаешь, не страшно, когда ночью у твоей двери шушукаются?

В комнату ворвался Алтуфьев.

— Товарищ Крутогоров!..

Увидев мальчишек, матрос запнулся, растерянно замолчал.

— Ты, товарищ Алтуфьев, с поста снимайся! — не повышая голоса, приказал Крутогоров.— У коменданта доспишь... Кру-у-гом!

Матрос вышел.

— Правильно! Пусть не дрыхнет на посту! — произнес Карпуха.

— Он две ночи не спал! — сказал Крутогоров.

— Зачем же ставишь его в караул?
— Некому больше.
— Зря людей гоняешь! — проворчал Федька.— Нас ни забирать, ни караулить не надо! Мы — советские!
Крутогоров посмотрел Федьке в глаза.
— Точно?
— А как же еще!
— А отец у вас родной?
— Двоюродный! — рассердился Карпуха.
— Ладно, не обижайтесь... Утром отправлю вас домой.
— Поездом? — поинтересовался Карпуха.— Или на дрезине?
— А ты как бы хотел?
Карпуха посмотрел на брата.
— На машине! — сказал Федька.— Ни разу на машине не катались!
— А в царской карете ездили?
— У тебя ее нету!
Крутогоров улыбнулся.
— Найдем!

Тощие кони впряжены в старинную карету, украшенную каким-то вензелем. На козлах сидит Алтуфьев. По бокам — дороховские мальчишки.
— Дай! Ну, дай вожжи! Дай подержать! — ноет Федька.
— А мне кнут! — требует Карпуха.— Жалко тебе, что ли? Да-а-ай!
— Да мне и разговаривать с такими проходимцами не хочется! — ворчит Алтуфьев, но все-таки отдает мальчишкам и вожжи и кнут.
Внутри кареты, забитой узлами и свертками, сидят старшие Дороховы.
— Чего это он нас в этом ящике отправил? — удивляется Варвара.
— Так у них там... во дворе... ни одной путной телеги нет,— объясняет Степан.— Из царской конюшни эту колымагу приволокли.
Федька лихо правит лошадьми. Карпуха подстегивает их кнутом. Из окна кареты высовывается отец, спрашивает:
— Далеко еще?
— Да вон она, ваша Верхнянка! — отвечает матрос.

— Стой! — кричит Варвара.— Стой, говорю! Федька, Карпуха, слезайте. А ты, матрос, вертай назад этот гроб! Чтоб его в деревне не видели! Сами дойдем!

Небольшое селение Верхняпка расположено на холме, на берегу Финского залива. Дом Дороховых стоит внизу, почти у самой воды. Ставни уже открыты. Над трубой курится дымок.

Варвара распаковывает вещи, вынимает из мешка самовар. Входит Степан.

— Прохудилась избенка-то! — вздыхает он.— Придется чинить...

— Прежде о детях подумай! — прерывает его Варвара.— Осталась горстка пшена да три селедки. Картошки и муки надо. Был у соседей?

— Был... Одно твердят — у самих нехваток.

Варвара неодобрительно взглянула на мужа.

— Язык у тебя сукопный, потому и не дали!

— Сходи сама!

— И схожу! Пустая не вернусь!..

На берегу залива — огромный валун. Прислонившись к нему спиной, на песке сидят брат и сестра. Они смотрят в морскую даль и печально поют какую-то тоскливую песню:

«Собирает ветер тучи —
Все темней вокруг...»

— А туч-то и нет! — раздался сзади озорной веселый голос.

Из-за камня вышли Федька и Карпуха.

— Подслушивать нехорошо! — вздрогнув, сказала девочка.

— А мы и не подслушивали! — возразил Федька.— Вы же пели, а не шушукались!

Ребята замолчали, с любопытством приглядываясь друг к другу. Мальчик с легкой усмешкой спросил у Карпухи:

— Вы из княжеской семьи?

— Чего? — удивился Карпуха и повертел пальцем у виска.— Ты не того?

— Мы карету вашу видели,— сказала девочка.

— Карету нам чекисты дали! — объявил Карпуха.

— Чекисты?

В глазах девочки появился недобрый огонек. Ее брат насупился, спросил неприязненно:

— За что такой подарок?

— Значит, было за что! — отрезал Федька.

— Идите отсюда! — сердито крикнула девочка.— Это наш берег!

— Вон наша изба,— возразил Федька.— Значит, и берег тут — наш!

— А вон наш дом! — запальчиво воскликнул мальчик.

— Соседи! — обрадовался Карпуха.— Как тебя звать?

В его голосе было столько добродушия, что назревшая ссора не состоялась.

— Меня зовут Яшей,— ответил мальчик.— А это — моя сестра Лида.

— А нас...

— Федька-а!.. Карпуха-а! — донеслось от дороховской избы.

— Мамка кличет,— пояснил Федька.

— Еще увидимся! — сказал Карпуха.

И братья убежали.

У высокого глухого забора с обитой железом калиткой стоит Варвара. Рядом — сыновья. Яростно лает собака. Калитка открывается. Прихрамывая, выходит хозяин дома Бугасов.

— Что надо?

— Мы ваши новые соседи,— говорит Варвара.

— Что надо?

— Я ж говорю: соседи мы! Хотим попросить...

Бугасов молча захлопнул калитку.

Варвара, плюнув, направляется к другому дому. Мальчишки плетутся за матерью.

— Видал? — спрашивает у брата Федька.

— Кого?

— Кого! Кого! — сердится Федька и начинает прихрамывать, как Бугасов.— Вот кого!

— Ну и что?

— Поглупел ты, что ли? Будто не слышал, как чекисты про батину ногу допытывались! Может, они как раз этого хромого ищут!

Карпуха разинул рот.

Через широко распахнутые ворота мальчишки следом за матерью входят во двор следующего дома. Он недавно отремонтирован и покрашен. На коньке крыши торчит флюгер — вырезанный из жести парусный кораблик. Во дворе на двух кольях натянут перемет. Хозяин привязывает к поводкам крючки. Это Самсонов. Он — в тельняшке. Матросские брюки заправлены в высокие кожаные сапоги. Услышав шаги, он оборачивается, шутливо говорит:

— Здравствуй, кума!

— Кума не кума, а соседка,—в тон ему отвечает Варвара.

— То-то я смотрю — задымила покинутая посудина!.. Милости просим!.. Семейство большое?

— Вот птенцы. Да муж-инвалид.

На крыльцо дома выходит жена Самсонова.

— А у нас, Ксеньюшка, соседи объявились!

— Чего ж ты, Семен Егорович, в дом их не зовешь?.. Заходите!

— А ну-ка,— весело приказывает мальчишкам Семен Егорович,— живо за отцом!

Ребята кинулись к воротам.

Самсонов кричит им вслед:

— И сами в момент сюда, в кают-компанию.

Мальчишки, еще не добежав до своего дома, орут в два голоса:

— Папаня! Скорей! Тебя зовут!

Из окна высовывается отец.

— Кто?

— Дяденька! Который матрос!.. Мамка там!

Мальчишки мчатся дальше, к заливу. Увидев Лиду и Яшу, бросаются к ним.

Карпуха хвастает:

— А нас в каюте ждут!

— В каюте? — удивленно спрашивает Яша.

— Ну да!.. У вас дома!

— В гости нас позвали! — подтверждает Федька.— Мы ведь теперь соседи!

Карпуха схватил Яшу и Лиду за руки.

— Пошли скорее!

— Нам нельзя! — глухо произносит Яша.

— Мамка взгрела? — сочувственно спрашивает Карпуха.

— Дети не должны мешать взрослым! — отвечает Лида.— Это некрасиво!

Просторная комната в доме Самсоновых. В центре — стол. Хозяева радушно угощают новых соседей. Ксения наливает Варваре в рюмку какую-то настойку.

— Славные у вас ребятишки!

— Спасибо! Не жалуюсь! — говорит Варвара.— А ваши где?

— Гуляют! Какие у них заботы?.. Да вы ешьте, ешьте, голубчики!

Ксения по очереди погладила по волосам Федьку и Карпуху.

На другом конце стола мужчины ведут свой разговор.

— Выходит, Степан Денисович, у нас с тобой одна судьбина. И меня подчистую списали! — рассказывает Самсонов. Он поворачивается к окну.— Там — Кронштадт, а там — Красная Горка. Форт такой. Когда его брали, мне пуля грудь пробила... Куда деваться?.. Покумекали мы с женой и решили к этой землишке причалить. Живем — не тужим. Но и веселого мало!

Самсонов налил в стопки водку.

— Чужак я здесь! Понимаешь? И ты чужаком будешь. Нам с тобой, браток, друг за друга держаться надо!

— Твоя правда,— согласился Степан.

— Что касается картошки... или еще чего... На первых порах помогу! А у других и не проси — народ здесь прижимистый.

— Были мы у соседа вашего! — вспомнила Варвара.— Вот уж окаянный!

— Бугасов? — Самсонов рассмеялся.— Куда вас занесло!.. Страшный человек! И все норовит пролетарскую власть укусить.

— Слышишь? — шепнул Карпуха брату.

Федька встал.

— Мам! Мы пойдем!.. Можно?.. А вам, тетя Ксюша, спасибо!

— Спасибо, тетя Ксюша! — подхватил Карпуха.

Мальчишки вышли во двор и, не сговариваясь, побежали к забору, огораживавшему приусадебный участок Бугасова. С трудом нашли щель, прильнули к ней.

Бугасов шел с ружьем к сараю.

— Вот это контра! — прошептал Карпуха.

— А кто первый догадался? — спросил Федька.

— Ну ты! — неохотно ответил Карпуха.

Из сарая Бугасов вышел без ружья, но зато с лопатой и пустым мешком. Позвав собаку, он направился к калитке. Мальчишки отскочили от забора и спрятались в кустах.

Бугасов с собакой идет по лесу. За ним, крадучись, пробираются мальчишки.

— Хромой, а прыткий! — досадует Карпуха.

— Не упустим! — подбадривает его Федька.

Около молодого куста дикой смородины Бугасов остановился и начал обкапывать его, стараясь не повредить корни.

— Клад ищет! — шепнул Карпуха брату.— А, может, пушку откапывает?.. Как думаешь?

— Пушку ему домой не снести! — возразил Федька.

— А пулемет?

Федька не успел ответить. Услышав шорох, собака отошла от хозяина, принюхалась, тявкнула и побежала к мальчишкам, лежавшим в зарослях бузины.

— Давай на дерево! — испуганно шепчет Карпуха.

— Не успеем! Уткнись в землю!

— Она ж покусает!

— Притворись покойником! — приказывает Федька.

Неподвижно лежат мальчишки. Собака обнюхивает одного, другого и уходит.

Медленно подымает голову Федька.

— Ушла!

Карпуха недоверчиво ощупывает себя.

— Испугалась, что ли?

— Собаки не любят покойников!

Мальчишки выглядывают из зарослей.

А Бугасов выкопал куст, опустил его корнями в мешок и понес к дому.

— Ну и хитрюга! — говорит Федька.— Что же он там выкопал?

— Ты же видел — куст!

— Сам ты куст развесистый! — Федька с усмешкой взглянул на брата.— Куст — это чтобы глаза отвести! А что в мешке — даже я не знаю!

— Вот вражина! — воскликнул Карпуха.— А скажи, Федька, откуда такие берутся, которые против Советской власти?

— Царя им снова хочется!
— А ты царя помнишь?
— Вместе за грибами в деревне ходили!
— Иди ты! — обиделся Карпуха.
— Откуда мне царя помнить? — засмеялся Федька.— Жрать было нечего — это помню... Помню еще, как отца били... сапогами!
— За что?
— Не знаю.
— Ничего ты не знаешь!
— Что надо — знаю!
— А что надо?
— Знаю, что я за Советы.
— Это-то и я знаю!
— А больше ничего и не надо!

Темно на чердаке дороховского дома. За окном хлещет дождь. Воет ветер. Грохочет море.
На топчанах лежат Федька и Карпуха.
— Заснул? — спрашивает Карпуха.
— Думаю! — отвечает Федька.— Надо все-таки забраться к Бугасову в сарай — у него там, может, склад оружия!
— А собака?
Внезапно раздается выстрел.
— Бугасов палит! — шепчет Карпуха.
Внизу, в комнате, Варвара зажигает лампу. Снова слышатся выстрелы. Они следуют один за другим. Степан поспешно одевается. С лестницы скатываются мальчишки.
— Стреляют! — кричит Федька, врываясь в комнату.
— Не глухой! — отвечает отец.
Все Дороховы выскочили на крыльцо.
Торопливо подходит Самсонов, встревоженно спрашивает:
— Не ты стрелял, Степан Денисович?
— Мне не из чего... А тут, считай, из нескольких винтовок били, да еще из нагана...
В заливе мерцает огонек фонаря. Слышится поскрипыванье уключин. Баркас проскрежетал килем по дну. Два матроса соскочили в воду. Двое других подняли и передали им раненого Алтуфьева.
— Полегче, полегче! — произносит Зуйко.

Тяжело хлюпая по воде, матросы выносят раненого на берег. Там стоят Дорохов, Самсонов и Бугасов.

— Чей дом? — спрашивает Зуйко, увидев светящееся окно.

— Мой,— отвечает Степан.

Зуйко узнал его.

— А-а! Дорохов!.. Ну, веди.

Алтуфьева уложили в кровать. Зуйко осмотрел раненое плечо.

— Кость, кажется, цела.

Он взял из рук Варвары лампу, сказал:

— Я посвечу, а ты перевяжи!.. Умеешь?

— Какой прыткий! Кто меня под арестом держал? — спросила Варвара.— А теперь я же должна перевязывать!

— А кто тебя, как графиню, в карете вез? — напомнил ей Алтуфьев, с трудом разжав стиснутые до боли зубы.

— Карпуха! Йод — в нижнем ящике! — сказала мать.— Федька! Бинт — на полке!.. Степан! Принеси кипяченой воды!

В комнату вошли Ксения и два матроса. Один из них доложил Зуйко:

— Шлюпку перевернутую прибило. Есть следы крови.

— Утопла, гидра! — обрадовался Алтуфьев.— Откуда же он и куда, гад...

— Потом! — прервал его Зуйко.

Ксения подошла к Варваре.

— Помочь?

— Уже управилась! Жив будет!

Ксения взглянула на раненого и вышла.

— Кто такая? — спросил Зуйко.

— Мужняя жена! — отрезала Варвара.

Горит коптилка на дороховском чердаке. Федька и Карпуха лежат на топчане. На полу у печного стояка спят Зуйко и два матроса.

— Может, ему рассказать? — шепчет Карпуха.

— Зачем?

— Он начальнику своему передаст — Василию Васильевичу!.. Думаешь — нет?

— Передаст? Только как?.. Будто сам узнал, а мы с носом останемся!

Зуйко не выдержал и тихо рассмеялся.

— Обязательно прикарманю ваши заслуги!

Мальчишки думали, что он спит и ничего не слышит.

— Чего гогочет? — недовольно спросил Карпуха.

— Знал бы,— говорит Федька,— не хохотал бы!.. Контра-то под носом сидит!

— Ну-у! — произнес Зуйко.

— Бугасова знаешь? — таинственно прошептал Федька.— Дом с забором... Хромой он! Понимаешь?.. Хро-мой!

— У него во дворе ружей полно! — в азарте добавил Карпуха.— Собака у него — тигр!

— Ружья? — заинтересовался Зуйко.

— Ну да! Он их в мешке из леса приносит!

— Это что! — говорит Федька.— Он всю пролетарскую власть перекусать хочет!

На рассвете матросы перенесли раненого Алтуфьева в баркас.

— Спасибо! — сказал Зуйко Дороховым.— А что обидели тогда — не сердитесь! Ошибка, видать, вышла!

— Только видать? Или точно — вышла? — улыбнулся Степан.

Зуйко тоже улыбнулся.

— Точно!

Он подмигнул мальчишкам. Баркас отчалил. Старшие Дороховы пошли домой, а Федька с Карпухой еще долго смотрели в залив.

— Я думал, они заберут Бугасова,— уныло сказал Федька.

— Я тоже,— ответил Карпуха.— Придется нам его караулить.

Мальчишки вышли на деревенскую улицу и увидели, как из-за поворота на дорогу вылетела повозка. Два матроса сидели на самом верху покрытого брезентом груза. Один растягивал мехи гармони, а другой пел пьяным голосом:

«Жоржик — клешник молодой,
Проводи меня домой.
Я чекистика боюсь!
Расплескай ты мою грусть!»

У въезда в деревню — крутой поворот. Лошадь несется вскачь. Пьяный матрос резко натянул вожжи, но уже поздно. Телега зацепилась задним колесом за угол забора. Затрещали доски.

Из калитки выбежал Бугасов.

— Вы что ж, мерзавцы, делаете!

— В России все поломано! — мрачно изрек матрос с гармошкой.— До чего дожили! За жратвой из Кронштадта в Симбирск ездим! За что боролись?..

— Это ты-то боролся? — орет Бугасов.— Пьяная образина! Все вы на нашей мужицкой хребтине ездите!

Повозка покатилась дальше. Матрос снова запел:

«Клеш по ветру хлоп да хлоп...
Всем не нашим — пулю в лоб!»

— Шумят морячки! — говорит один из подошедших мужиков.

— Которые настоящие матросы,— ворчит второй,— те Врангеля иль Колчака добивают! А трезвонит — шантрапа. Понаперло ее в Кронштадт.

— По мне хоть черт, хоть дьявол! — произносит Бугасов.— Только б облегчение крестьянству дал. Подохнем с энтой продразверсткой!

— Балакают — Ленин думку имеет: как с беляками покончим, продразверстку отменить! — сказал кто-то.

Бугасов похромал к калитке.

— Отменят да порядок наведут, тогда и я Советам в пояс поклонюсь! А пока...

Он шагнул за калитку и так хлопнул дверью, что качнулся забор.

К вечеру к Дороховым приехал Крутогоров.

— Слыхал, морячки у вас тут митинговали?

— Взбаламутили мужиков! — подтвердил Степан.— Сам-то я этих матросов не видел...

— Я видел! — не вытерпел Федька.

— И я! — заявил Карпуха.

— Бугасов с ними заодно! — торопливо сообщил Федька.

— Не лезьте, пока не спросят! — остановил их отец.— Но и я скажу — злой это человек!

— Злой-то он — злой! — согласился Крутогоров.— И много у нас таких. Не понимают, что по другому сейчас

нельзя... Я вот — рабочий, а Бугасов — крестьянин. Чего он на меня злится? А того, что хлеб у него берем по продразверстке, а взамен ничего дать не можем. Дали землю, когда революцию сделали, а больше — прости! Сами пока нищие! Никаких товаров для деревни...

С утра, взяв с собой лукошки, Варвара, Федька и Лида пошли в лес за малиной. Яшу и Карпуху не взяли: далеко идти, устанут.

Проводив их до околицы, Яша и Карпуха спустились к заливу и побрели по кромке берега. Вода как зеркало. Вдали темнеют лодки местных рыбаков.

— Отчего рыба сама на крючок лезет? — спрашивает Карпуха.— Не соображает, что ли?

— Люди ее обманывают,— грустно отвечает Яша.— Люди — они хитрые, кого хочешь обведут!

— И ты хитрый?

— Нет... Я глупый,— признался Яша.

— И не учился ни разу?

— Как ни разу? — не понял Яша.— Так не спрашивают... Я первый класс в гимназии кончил, а потом...

Яша замолчал.

— Вы до революции в Питере жили? — с завистью спросил Карпуха.

Яша не ответил. Вытянув шею, он напряженно смотрел куда-то вперед.

— Что-то приплыло!

Мальчишки побежали. У самого берега на мелководье лежал утопленник.

Яша и Карпуха остановились и замерли.

— Мертвый! — испуганно сказал Карпуха.

— Кажется... он! — прошептал Яша и с воплем бросился к дому.

Карпуха еще постоял, с ужасом глядя на утопленника, и тоже помчался домой.

Отец прибивал к стене полку.

— Пап! Утопленник! — крикнул Карпуха, врываясь в комнату.

— Какой еще утопленник!

— Там!.. На берегу!.. В воде лежит!

Отец отложил молоток и гвозди.

— А не тот ли это выплыл, который Алтуфьева ранил?.. Не помнишь, куда мамка записку Крутогорова сунула?

— Под матрац! — сказал Карпуха.

Отец подошел к кровати, вытащил листок.

— Надо позвонить! А ты сиди дома!

В это время распахнулась дверь.

Бледная, заплаканная, остановилась на пороге Ксения. Заголосила:

— Умира-ает!.. Сыно-ок умирает! Яшенька!

Отец и Карпуха подскочили к ней, усадили на лавку.

— Вбежал... крикнул — утопленник!.. Ножкой за порог... Упал и — лобиком!.. Я-ашенька!.. Врача нужно!.. Врача!

Отец схватил кепку и бумажку с телефоном Крутогорова.

— Бегу!

На берегу — толпа. Здесь и Крутогоров. Труп лежит на песке. Один из помощников Крутогорова осматривает одежду и карманы утопленника.

Собравшиеся вокруг крестьяне обмениваются короткими репликами:

— Тельняшкой прикрылся, а поднизом рубаха шелковая...

— Ноготки что у барышни!

— Да... медяшку не драил!

— Тот? — спрашивает Крутогоров у своего помощника.

— Думаю, что тот. Больше некому... Да и пуля винтовочная его кусанула.

Крутогоров взглянул на Степана.

— Кладбище у вас далеко?

— Рядом.

— Похороните! — сказал Крутогоров и пошел к дому Самсоновых, где стоял автомобиль.

Врач уже осмотрел Яшу и курил около машины.

— Сотрясение мозга,— сказал он.— Возможна трещина в черепе. Но...

— Да? — насторожился Крутогоров.

— Он не упал. Его ударили... Лежит без сознания.

— Дела-а! — протянул Крутогоров.— Надо его увезти в больницу...

Когда Яшу на руках вынесли из дома и стали укладывать на заднее сиденье в автомобиле, вернулись с ягодами Варвара и ребятишки.

Увидев брата, который, как мертвый, лежал в машине, Лида прикусила губу и выронила лукошко с малиной. Ксения подбежала к девочке, обняла ее.

— Беда, доченька!

Лида оттолкнула мать, вцепилась обеими руками в борт автомобиля.

— Не пущу!.. Одного не пущу!.. Я поеду!.. Я не останусь!

Чердак дороховского дома. Светает. Зуйко сидит у окна на табуретке и мастерит что-то из куска дерева. Просыпаются мальчишки.

— Опять не спал? — спрашивает Федька.

— Договорились: нету меня!

— Нету так нету! — сердито соглашается Федька.

Ловко и быстро работает стамеской Зуйко. Мелкая стружка сыплется ему на колени. Деревянный брусок постепенно принимает форму ложки.

— У нас в деревне такие штуковины вырезают — ахнешь! А я только ложки да плошки. Смотрите, какую выдолбил!

— Тебя ж тут нету! — подкусывает его Федька.

— Верно — нету.

— Ты бы поспал маленько! — предлагает Карпуха.— А мы бы покараулили...

— Лучше стружки вынесите. Заодно мамке ложку отдайте.

Выбегают мальчишки во двор. Федька несет корзину со стружками. В руке у Карпухи — ложка. А навстречу — Самсонов.

— Никак Степан Денисович столяром заделался?

— Не-е! — торопливо отвечает Федька.— Это мы мастерим... с Карпухой.

Самсонов взял ложку, повертел перед глазами.

— Толково сработали... Мастера!

— Это что! Вот в деревне у нас мастера — ахнешь! — говорит Карпуха.— Любую штуковину вырежут! А мы с Федькой только ложки да плошки!

Самсонов неопределенно хмыкнул и зашагал к заливу. А мальчишки, высыпав стружку, вернулись на чердак.

Зуйко там уже не было. Братья подбежали к окну. Отсюда, с чердака, хорошо виден и залив и побережье.

Самсонов, широко размахивая руками, шел вдоль воды. Сзади по кустарнику пробирался Зуйко.

Федька присвистнул.

— Ты чего? — спросил Карпуха.

— Вот тебе и Бугасов! — произнес Федька.— Зуйко-то за Яшкиным отцом следит!

— Ну да? — вырвалось у Карпухи.

— Ты что — слепой?

Ребята долго смотрели на удалявшиеся фигуры Самсонова и Зуйко.

— А кто первый про Бугасова сбрехнул? — усмехнулся Карпуха.

— Ты!

— Нет, ты!

— Не я, а ты!

Братья спорили до тех пор, пока из дома Самсоновых не вышла Ксения. Она постояла на крыльце и решительно направилась вверх по холму, по той дороге, которая вела к станции.

— Куда это она? — удивился Федька.

— Яшу, наверно, спроведать,— догадался Карпуха.

— А вдруг...

— Что вдруг?.. Очень уж ты хитрый!.. Как про Бугасова!

Федька нахмурился.

— Не хочешь — не ходи! Я и один справлюсь!

— Пойти можно! — согласился Карпуха.— Только глупо! Если б нужно было, Зуйко бы за ней следил!

— Ему не разорваться! — ответил Федька.— Сам Крутогоров сказал: сил не хватает!

Поднявшись на холм, Ксения еще раз оглянулась и, не увидев никого, повернула вправо на тропку, ведущую к кладбищу.

Она с минуту скорбно постояла у свежей могилки, нагнулась, зарыла что-то маленькое в рыхлую землю, перекрестилась и вернулась на дорогу.

Сразу же после нее к могиле подошли Федька с Карпухой.

— Чего это она на утопленника молилась? — боязливым шепотом спросил Федька.

— И зарыла чего-то! — добавил Карпуха.

Он разгреб землю и вынул маленькую серебряную икону.

— Положи на место! — строго прошептал Федька.

Карпуха послушно зарыл образок и вытер руку о штаны.

— А знаешь что? — вдруг произнес он.— Я только сейчас додумался!.. Яша знал этого утопленника!.. Он, как увидел его в воде, сразу крикнул: «Это он!»

— Бежим к Зуйко! — быстро решил Федька.

И братья побежали к заливу. Внезапно Федька остановился.

— Стой!

— То бежим, то стой! — заворчал Карпуха.

— Зуйко же ушел! За ней бежать надо!

Они кинулись в обратную сторону.

На полустанке, где Дороховы впервые сошли с поезда, позади будки стоят запыхавшиеся мальчишки.

— Обогнали! — произносит Федька.

— Идет! — предупреждает Карпуха.

Федька дергает брата за плечо.

— Не высовывайся! Сейчас обернется.

Ксения действительно оглядывается.

— Съела? — усмехнулся Федька и высунул язык.

Подходит поезд.

— А если она поедет... мы тоже поедем? — шепчет Карпуха.

— Не поедем! Поглядим — и домой.

Ксения вошла в один из передних вагонов.

— Села! — вздохнул Федька.

— И зачем бежали, как угорелые! — ворчит Карпуха.— И вообще, она, может, в больницу!

Паровоз прогудел. Грохнули буфера.

— Прыгай! — неожиданно скомандовал Федька.

Ухватившись за поручень заднего вагона, он подтолкнул к ступенькам брата.

Оказавшись в тамбуре, оба мальчика смущенно улыбнулись.

— Ну и будет нам от мамки! — обреченно сказал Карпуха.

Поезд подошел к платформе Балтийского вокзала. Густым потоком хлынули пассажиры. Вышли из вагона и мальчишки.

— Питер! — озабоченно произнес Карпуха.

— Ну и что? — храбрится Федька.

— Заблудимся!

— Пугливый больно!

— А куда идти?

— Куда она, туда и мы,— неуверенно отвечает Федька.

— А куда она?

— Не приставай!.. Прозеваем!.. Вон она!

На площади у Балтийского вокзала множество тележек. Владельцы их снуют между проезжими, галдят:

— Давай подвезу!

— Картошкой заплатишь?

— Дешево возьму!

В стороне, у Обводного канала, стоят две-три извозчичьи пролетки. К ним и направилась Ксения. Навстречу — беспризорник с шапкой в руке. Поет, чтобы разжалобить:

«Эх, судьба ты моя, судьба!
Словно карта черная...»

Ксения быстро садится в пролетку. Извозчик отгоняет кнутом беспризорника. Лошадь трогается.

Стоят поодаль братья, переглядываются, не знают, что им делать.

— Все! — грустно говорит Карпуха.

— Все! — подтверждает Федька.— За лошадью не угонишься.

— И дураки же мы с тобой! — вздыхает Карпуха.

А беспризорник орет на всю площадь:

«Эх, судьба ты моя, судьба!
Словно карта черная!..
До чего ж ты меня довела,
Эх, змея ты моя, подколодная...»

Братья подошли к нему. Он захлопнул рот, напялил шапку.

— Чего зенки пялите?

— Слушаем! — ответил Карпуха.
— Нравится?
— Нравится! — сказал Федька.
— Жалостно,— уточнил Карпуха.
— Кому жалостно, а кому и нет! — возразил беспризорник.— Вон та, что на извозчике поехала... Ее, хоть разорвись, не прошибешь!
— А куда она поехала? — спросил Федька.
— На Елагин остров приказала.
Снова повалил народ. Беспризорник сдернул шапку, ринулся в гущу и опять заорал про свою судьбу.

Сидят братья в зале ожидания. Карпуха посмотрел на матроса, с хрустом грызшего сухарь.
— Поесть бы!
— Долго еще до еды! — отозвался Федька.— Сначала с мамкой разговор будет...
— Ну и что?.. Зато потом накормит!
По залу пробежал железнодорожник, распахнул дверь в какую-то комнату, крикнул:
— Сергеев! Рамбов вызывает!
— Рамбов начальник, наверно,— сказал Карпуха.
— Рамбов — это Ораниенбаум,— пояснил Федька.— Это там, где Крутогоров живет.
— А как же город и вызывает?
— Ну, к телефону, понял? Кто-нибудь позвонил из Рамбова.
Карпуха задумался.
— Слушай, Федька!.. А ведь батя звонил Крутогорову, когда утопленник выплыл.
— Ну и что?
— А почему нам не позвонить?
— Про что?
— Про остров, про Елкин!
Федька надвинул Карпухе кепку на глаза, будто тот сказал чепуху. Но пока Карпуха поправлял кепку, Федька одумался, небрежно сказал:
— Можно попробовать...

Комната начальника вокзала помещалась в левом крыле здания. В приемной сидела женщина в военной гимнастерке, подпоясанной широким ремнем.

— Вы куда?

Федька кивнул на дверь, за который слышался приглушенный мужской голос.

— К нему.

— Зачем?

Но Федька уже открыл дверь в кабинет. Карпуха не отставал от него ни на шаг. Первое, что увидели ребята,— это телефон. Начальник вокзала, молодой, курчавый, с широким носом и насмешливыми глазами, говорил в трубку:

— Седьмой не могу.. Пускаю четверку... Да, четверку! Седьмой не могу...

Прислушиваясь к тому, что отвечали на другом конце провода, он внимательно осмотрел мальчишек и махнул рукой. Ребята догадались по взмаху, что этот жест относится не к ним, а к кому-то сзади них. Они обернулись. Погрозив им пальцем, секретарша вышла из кабинета.

У стола стояли два стула. Братья сели и выжидательно уставились в рот курчавому начальнику. А он все объяснял, почему вместо семерки пускает четверку. Положив трубку, он подпер голову кулаком и подался всем корпусом вперед, к ребятам.

— Работает? — спросил Федька, дотронувшись пальцем до телефона.

— Работает... Слышно плоховато,— пожаловался начальник, будто перед ним сидел мастер по телефонной связи.

Федька улыбнулся. Он любил шуточки.

— А поговорить можно?

— Пожалуйста!

Начальник вскочил и подвинул телефон к ребятам. Федька, не подумав, потянулся к трубке, но не взял ее — отвел руку.

— Ты сам вызови, а я поговорю. Ораниенбаум, чека, самого главного — Василь Васильича...

— Самого главного? — переспросил начальник.— Тогда к Дзержинскому нужно, в Москву.

— Мы серьезно! — твердо произнес Карпуха.— Мы не шутим!

Начальник вокзала еще раз окинул взглядом пареньков, по-хозяйски сидевших у его стола, снял трубку, назвал какую-то фамилию.

И произошел такой разговор:

— Слушай! Это Пашин говорит... Кто там из ваших в Ораниенбауме заправляет?.. Так! А звать?.. Спасибо!

Ничего не сказав ребятам, начальник вокзала принялся накручивать телефонную ручку и вызвал ораниенбаумскую чека. В трубке щелкало так громко, что и ребята слышали. Наконец Ораниенбаум ответил.

— Товарищ Крутогоров? — спросил кудрявый начальник.— Пашин говорит, с Балтийского вокзала. Тут вас два паренька добиваются... А это уж они сами доложат.

Получив трубку, Федька закричал что есть духу:

— Дядя Вася! Это мы — Федька!.. Ну — Дороховы!.. Мы тут с Карпухой в Питере — на вокзале, а она на извозчике уехала! Кто она?.. Да эта!.. Яшку-то помните?.. Куда? На остров на какой-то!.. Не-е, не на Васильевский!.. На Елкин вроде... Зуйко? Он за ее мужем потопал!.. Не-е, не в Питере! Там — в деревне!.. В деревне... Ага!

После этого «ага» Федька надолго замолчал. Карпуха по выражению его лица догадался, что брат слышит сейчас очень неприятные слова. Видно, дядя Вася крепко его отчитывал.

— Да едем уже, едем, дядя Вася! — жалобно пробурчал Федька в трубку.— Поезд? — он взглянул на начальника вокзала.— Когда поезд?

— Через двадцать минут,— подсказал тот.

— Через двадцать! — прокричал Федька.— Ладно! Слезем!

Федька положил трубку, встал и, как оглушенный, пошел к двери. Карпуха бросился за ним.

— Что? Что он сказал?

— То и сказал! Пообещал десять суток!

Позабыв о кудрявом начальнике, мальчишки вышли из кабинета и миновали приемную с секретаршей, которая удивленно встряхнула стриженой головой.

— В Ораниенбауме приказал сойти,— рассказывал Федька.— Он нас с машиной ждать будет.

— И сразу на десять суток? А мамка?

— Это ж так! Постращал просто! — успокоил Федька брата.— Ничего он нам не сделает!.. Вот про остров — он прав! Название-то мы забыли! Курицы, говорит, беспамятные!

— Так и обозвал? — обрадовался Карпуха.

— Та-ак!.. А чего ты развеселился?

— Значит, ему нужно было знать, куда она поехала! Значит, она контра! Гидра!

Медленно тащится пригородный поезд. Ксения сидит у окна, беспокойно барабанит пальцами по стеклу. Приоткрылась дверь.

Проводник объявил:

— Следующая — Ораниенбаум.

Душно в вагоне. Ксения встала и опустила раму. Ворвался прохладный ветер. Вместе с ним влетели детские голоса:

«Эх, судьба ты моя, судьба!
Словно карта черная...»

Федька и Карпуха сидели на подножке и во все горло орали песню беспризорника.

Ксения выглянула в окно, увидела соседских мальчишек, нахмурилась.

— Федька! — Карпуха кричал потому, что в ушах свистел встречный ветер и грохотали колеса.— Я вот все думаю... Город — не озеро, а почему же там остров? И если остров, то как она на извозчике туда может попасть?

— Мосты! Понимаешь? — прокричал в ответ Федька.— Мосты!

Ксения отшатнулась от окна.

— Мосты? Через озеро? — не поверил Карпуха.

— Может, через реку!.. У бати спросим, он Питер знает.

Не слышали мальчишки, как сзади открылась дверь. Нога в высоком зашнурованном сапожке ударила Карпуху в спину и сбросила с поезда. Федька успел оглянуться, но, получив удар в голову, тоже сорвался с подножки.

А поезд уже тормозил, подходя к Ораниенбауму.

Крутогоров вышел из машины и поднялся на платформу. Но напрасно смотрел он на пассажиров. Мальчишек не было. Поезд отправился дальше, а они так и не появились.

Крутогоров вернулся к машине.

— Нету? — удивился шофер.

— Либо проспали,— задумчиво ответил Крутогоров,— либо... Не прощу себе! Надо было провожатого из Петрограда запросить.

— Дядя Вася!

— Василий Васильевич!

Федька и Карпуха в изодранных штанах и рубахах, в синяках и ссадинах бежали по шпалам к станции.

Алтуфьев и два других чекиста идут по песчаному берегу Елагина острова. Все трое смотрят вниз, на песок, на цепочку следов. Здесь, у самой воды, недавно прошла женщина.

Следы привели к валуну.

Женщина села на этот камень, разулась и босиком вошла в воду.

— Купаться пошла! — пошутил один из чекистов.

Алтуфьев не ответил. Он стоял на берегу и смотрел на камни, там и тут торчавшие из воды, на мелких рыбешек, резвившихся на мелководье, на ржавый бакен, принесенный откуда-то волнами и севший на мель.

— Придется и нам окунуться,— сказал Алтуфьев и, не снимая ботинок, шагнул в воду.

Двое других подтянули брюки.

— Надо будет — позову! — остановил их Алтуфьев и побрел к бакену.

Около бакена неглубоко. Вода не дошла до колен. Алтуфьев похлопал по железному боку, подергал бакен. Он крепко сидел в песке. В днище виднелась дырка. Видно, не один год пролежал бакен на этом месте. Матрос пошарил внутри, испуганно выдернул руку и брезгливо стряхнул в воду присосавшуюся к пальцу миногу.

Потом он взялся за кольцо, к которому когда-то крепилась якорная цепь. Кольцо неожиданно повернулось. Алтуфьев вывернул его. Винт, которым оно крепилось к корпусу бакена, был полый. Внутри лежала записка. Всего несколько слов, написанных женским почерком: «Временно воздержитесь от визитов. Ищем новое место. А. Г. убит. Случайно ли?»

Перед выездом из леса водитель потушил фары. Внизу была деревня.

— Стой! — скомандовал Крутогоров.— Дальше — пешком. Машину убери с дороги.

Долетел отдаленный гудок.

— Успели! — произнес шофер.

Мальчишки догадались, что поезд, с которого их столкнули, только что добрался до полустанка.

В темноте торопливо спустились к дому Дороховых. Вошли во двор и на крыльце увидели мать. Мальчишки сжались, ожидая неминуемой грозы. Но Крутогоров опередил ее.

— Меня ругай, Варвара Тимофеевна! Я виноват... А еще больше — твой постоялец! Уж я ему!..

Посмотрев на сыновей и удостоверившись, что они целы, мать как-то сникла и потерла ладонями виски.

Отец встретил их у двери. Федька заметил, как блеснули радостью его глаза, а рука замахнулась для отцовского подзатыльника. Но шофер успел подставить локоть.

— Бу-удет!.. Парни и так натерпелись... Радуйтесь, что живы! Они же чуть...

— Потом! — прервал его Крутогоров и повысил голос: — Зуйко!

— Есть! — ответил с чердака басок матроса, и на лестнице загремели его ботинки.

Видно было, что он только что пришел домой.

— Где он? — спросил Крутогоров.

— Дома. Минут десять как вернулся... Погулял я с ним сегодня!

— Он тебя за нос водил! — раздраженно сказал Крутогоров и добавил: — Будем брать!

Дом Самсонова окружен с трех сторон. Под окнами притаились Зуйко и шофер. За поленницей у крыльца спрятался Крутогоров.

В темноте послышались приближающиеся шаги. Ксения торопливо вбежала в дом.

Крутогоров вышел из-за поленницы, прислушался. В доме — ни звука. Сзади кто-то кашлянул. Крутогоров выхватил маузер и оглянулся. У забора стоял Бугасов, хмуро смотрел на чекиста. Василий Васильевич приложил палец к губам и поднялся на крыльцо. Протянул руку к двери, но она открылась сама. Испуганно ойкнув, Ксения замерла на пороге. Крутогоров взял ее под руку и молча вывел на крыльцо. Подоспевший Зуйко бросился в открытую дверь.

По крыше бесшумно ползет Самсонов. Дотянулся до флюгера, снял его со стержня, размахнулся и кинул в

темноту. Затем он спустил вниз привязанную к трубе веревочную лестницу и, добравшись до края крыши, спрыгнул.

Когда ноги Самсонова коснулись земли. Бугасов облапил его сзади. Повернув голову, Самсопов узнал его, прохрипел:

— Чекистам продался!

— Чекисты или кто еще, а порядок должен быть! — ответил Бугасов и крикнул: — Эй! Как вас там!.. Идите сюда!

В больничной палате уже которые сутки около Яшиной кровати дежурит Лида. Опа похудела, под глазами синяки. Смочив в воде марлю, она вытирает брату лицо. Яша лежит на спине. Глаза закрыты. Он еще не приходил в себя.

В коридоре около палаты Крутогоров беседует с врачом.

— Значит, выживет?

— Кризис миновал,— подтверждает врач.— Но еще вчера я думал иначе...

— Они на это и рассчитывали! — посуровел Крутогоров.— Надеялись — умрет и концы в воду.

— Изверги, а не родители! — глухо сказал врач.

Крутогоров не ответил и вошел в палату. Лида встретила его недружелюбным взглядом. Василий Васильевич погладил ее по плечу и присел за изголовьем Яшиной кровати.

— Устала? — спросил он.— Скоро отдохнешь. Мне врач сказал — страшное позади осталось.

Яша простонал и шевельнулся.

— Тихо вы! — сердито прошептала Лида.

Яша открыл глаза, узнал сестру, слабо улыбнулся и с тревогой посмотрел по сторонам. Увидев больничную палату, он успокоился, прошептал:

— Хорошо... что... не дома...

Лида склонилась над ним.

— Лежи, лежи, Яшенька!.. Не разговаривай!.. Тебе нельзя!.. Ты еще слабенький-слабенький!.. Чуть совсем не убился!

— Не я... Это — он, Самсонов!.. Я узнал Александра Гавриловича!

Лида положила ладонь на его губы.

— Помолчи, Яшенька! Помолчи!.. Мы не одни! Помолчи!..

Она с открытой неприязнью взглянула на Крутогорова. Василий Васильевич встал. Теперь Яша увидел его.

— Здравствуй! — приветливо произнес Крутогоров.— Поправляйся!.. Все будет хорошо!

Он кивнул головой и на цыпочках пошел к двери.

Яша сдвинул руку сестры со рта и попросил:

— Верни, верни его!.. Зачем нам прятаться?.. Не верю я больше Самсоновым!

Ксения сидит в одном углу комнаты, Самсонов — в другом. Крутогоров прохаживается между ними.

— Да! Беседа не состоялась,— спокойно произносит он.— Ну, тогда буду говорить я, а вы поправляйте, если что-нибудь не так. Согласны?

Самсоновы промолчали.

— Значит, согласны! — усмехнулся Крутогоров, подошел к столу и вынул из папки какую-то бумагу.— Двадцать третьего января девятнадцатого года на Неве, на льду были обнаружены два трупа. Убитыми оказались морской офицер Бакулин и его жена. Преступление осталось нераскрытым. Но есть предположение, что Бакулин входил в ту же контрреволюционную группу, что и вы, раскаялся, собирался прийти к нам с повинной и поплатился за это жизнью.

— Вам бы очерки писать из судебной хроники! — съязвил Самсонов.

— Что-нибудь не так? — спросил Крутогоров.

— Что их убили — это так,— ответил Самсонов.— А остальное — на вашей совести.

— У Бакулиных были дочь и сын,— продолжал Крутогоров.— Вы взяли их к себе. Красивый жест и хорошая ширма. Кто подумает, что такие чуткие люди могут быть замешаны в чем-нибудь плохом?

— У таких, как вы,— сказала Ксения,— доброта всегда вызывает подозрение.

— Что вы думаете о нас, я знаю! — Крутогоров махнул рукой.— Вы даже детям сумели внушить, что чекисты убили их родителей! Вы так запугали Яшу и Лиду, что они постарались забыть свою фамилию. Когда вы переехали из Петрограда в деревню, дети согласились никому не рассказывать, что они чужие вам! Точный рас-

чет! Все та же ширма! У Самсоновых — ребятишки, им не до заговоров!

Крутогоров замолчал.

— Может быть, дальше продолжите сами?

Самсонов пожал плечами.

— У вас это лучше получится.

— Ну что ж! — Крутогоров вздохнул.— Не хотите говорить — придется вам поработать.— Он посмотрел на Ксению. — Вас попрошу сесть к моему столу и приготовиться к небольшой диктовке. А вы,— он взглянул на Самсонова,— снимите, пожалуйста, сапоги.

Ксения перешла к столу, а Самсонов не торопился выполнить просьбу.

— Зуйко! — громко позвал Крутогоров.

Вошел матрос.

— Помогите ему разуться.

Но Самсонов не стал ждать помощи. Поморщившись, он сбросил сапоги. Одна нога у него была короче другой. Крутогоров поднял один из сапог, заглянул внутрь, произнес:

— Вот теперь понятно, почему вы в Петрограде хромали, а в деревне вдруг исцелились!.. Хороший мастер делал!.. Обувайтесь!

Крутогоров подошел к Ксении.

— Пишите, пожалуйста!.. «А точка Г точка... Это большие буквы... убит случайно морским патрулем... Точка!.. Ждем нового связного... Точка...»

Плотно сжав губы, Ксения написала эти две фразы, отбросила перо и, уткнувшись лицом в руки, зарыдала.

— Зуйко! Воды! — сказал Крутогоров и спросил у Самсонова: — Пароль есть? Или знак какой-нибудь?

— Только эта записка... Она — как пропуск.

Все Дороховы, как на собрании, сидят за столом. Крутогоров на председательском месте.

— Такое вот мое предложение! — заканчивает он и по очереди смотрит на всех Дороховых.

— Я — за! — говорит Федька и поднимает руку.

— И я! — подхватывает Карпуха.— Они хорошие и...

Получив от матери подзатыльник, он замолчал. Шлепнув по шее и старшего сына, Варвара сердито прищурилась.

— Это как же?.. Она моих детей погубить хотела, а я должна о ее...

— Варвара! — Степан пристукнул кулаком по столу.— Дети не виноваты!

— И к тому же,— добавил Крутогоров,— они не ее дети!

— Не своим делом занимаешься! — крикнула Варвара.— Благодетель нашелся!

— Своим! — возразил Крутогоров.— Ты думаешь, мое дело — ловить и сажать? Нет!.. Я как-то видел — ты тараканов у печки кипятком шпарила. Так что ж, выходит, это твоя профессия? Нет! Ты о чистоте в избе, о здоровье семьи заботилась!

— Приметил! — улыбнулась Варвара.

— Но я не настаиваю,— сказал Крутогоров.— Есть и другой выход... Откажетесь принять, отправим Яшу и Лиду в детдом.

— Знаем мы эти детдомы! — проворчала Варвара.

— Там неплохо! По-советски люди воспитываются.

— А у нас? — вспылила Варвара.— Как у нас?.. Ты говори, да не заговаривайся!.. И чтоб больше я про детдом не слышала!

Крутогоров встал, протянул Варваре руку.

— Спасибо!.. А вы,— он подмигнул мальчишкам,— сбегайте в самсоновский дом и перенесите к себе подушки и одеяла для Лиды и Яши. На днях привезу вам пополнение.

Братья бросились к двери.

— И еще,— сказал Крутогоров, когда они убежали.— В самсоновском доме мы устроим засаду, так что не удивляйтесь, если заметите случайно Алтуфьева или Зуйко.

— Ты, может, и зарплату нам определишь чекистскую? — опять рассердилась Варвара.

— Кто без зарплаты помогает,— ответил Крутогоров,— тот самый надежный помощник.

Федька и Карпуха с двумя большими узлами выходят из дома Самсоновых. Карпуха споткнулся и зацепил узлом за поленницу. Сверху посыпались дрова. Вместе с ними на землю упал флюгер — жестяной кораблик.

Мальчишки остановились.

— Ветром сорвало,— сказал Федька.

— А красивый! — произнес Карпуха. — Давай возьмем и на нашу крышу поставим?.. Яша и Лида как обрадуются! Это их кораблик! Они — к нам, а кораблик — еще раньше!

— Бери! Прикрепим! — согласился Федька.

Ранним утром, когда над избами в деревне закурились первые дымки, Федька и Карпуха вылезли из чердачного окна на крышу. У одного в руках — круглая, обструганная ножом палка, у другого — жестяной парусный кораблик.

Алтуфьев, дежуривший на чердаке дома Самсоновых, сразу заметил мальчишек и с любопытством стал наблюдать за ними. Братья долго возились на коньке крыши, а когда поползли обратно к окну, Алтуфьев увидел поблескивавший на солнце белый флюгер. Сначала матрос улыбнулся, потом задумался, нахмурился и громко сказал:

— Зуйко! Проснись!

Второй матрос, как по тревоге, вскочил с топчана.

— Что?

— Смотри!.. Не нравится мне эта игрушка.

Помаргивая припухшими от сна веками, Зуйко уставился на флюгер.

— Кто его?

— Мальчишки.

— Он ведь, кажись, на этом доме торчал! — произнес Зуйко.

В это время из избы выскочили Федька с Карпухой и, отбежав шагов на сорок, обернулись. Зуйко видел, как они возбужденно, радостно размахивали руками, что-то говорили друг другу, поглядывая на флюгер.

Из избы вышел Степан Дорохов. Потянулся. Заметив сыновей, смотревших куда-то вверх, тоже задрал голову. На крыше белел флюгер. Степан взглянул на дом Самсонова, на сыновей и понял, откуда и как приплыл белый кораблик.

Степан Дорохов так же, как и Алтуфьев, почувствовал какое-то беспокойство. Флюгер, перекочевавший с одного дома на другой, насторожил его. Он снова, уже сердито посмотрел на сыновей, хотел позвать их, но заме-

тил красноармейца, который шел к дому по боковой тропке, поглядывая на флюгер.

— Самсоновы здесь живут? — еще издали спросил красноармеец.

Степан Дорохов не ответил. Он понял, что натворили мальчишки, и не знал, как вести себя с этим гостем. А красноармеец подошел поближе и так же громко спросил:

— Глухой?

— А ты не ори! — сердито ответил Степан Дорохов. Красноармеец пьяно икнул и засмеялся.

— Трусы в карты не играют!

— Протрезвись! — прикрикнул на него Степан.— А то даму с вальтом спутаешь!

— Отстань! — отмахнулся от него красноармеец и опять икнул. —Мое дело!..А твое — гостя жди! Понял?.. Важную птицу!

— Видал я всяких!

— Такого не видел!.. Из дома — ни шагу! Ждать тебя некогда!

Проговорив это, красноармеец повернулся и пошел. Степан, не спуская с него глаз, потянулся за толстой веревкой, лежавшей на поленнице. Нащупал ее, но она зацепилась за что-то. Он посмотрел. Веревку держал Зуйко, стоявший за поленницей.

— Иди-ка сюда! — прошептал матрос.

У чердачного окна в доме Самсоновых, на груде старых сетей, сидят Федька, Карпуха и Алтуфьев. Братья расстроены.

— Долго? — сердито спросил Карпуха.

— Сколько потребуется! — сухо ответил матрос.

— Опять арестовал! — съехидничал Федька.

— Это еще будет! — отозвался матрос.— За ваши проделки! Крутогоров суток десять впаяет!

— Кому? Тебе? — засмеялся Карпуха.

— Может быть, и мне! — вздохнул Алтуфьев.— А уж Зуйко — обязательно! Не заметил он, что флюгер с дома пропал.

— А ты заметил? — поинтересовался Федька.

— А я и не знал про флюгер!

— Чекисты! — насмешливо произнес Карпуха.

Матрос рассердился.

— А чекисты — что, не люди? Колдуны? Духи святые, чтоб все загадки разгадывать!.. Эти гады во всем признались, а про флюгер хоть бы слово сказали! А он — знак, оказывается! И вы эту проклятую метину подобрали и на свой дом нацепили!

— Чего ругаешься? — сказал Федька.— Если б не подобрали, никто бы и не пришел! Сидели б на чердаке целый год! Сами бы с собой в прятки играли!

Алтуфьев вдруг привстал и подался к окну. По берегу к дому Дороховых шли трое: уже знакомый красноармеец, высокий мужчина в кепке с рюкзаком и еще один мужчина в рыбацкой брезентовой куртке с капюшоном, откинутым на спину.

— Ну, ребятки! — взволнованно произнес Алтуфьев.— Прошу по-человечески — из дома не выходить!.. А мне надо!.. Трое их! Одному Зуйко не совладать!

Не доходя до дома Дороховых, мужчины разделились. Красноармеец пошел вправо, к колодцу. Человек в кепке — влево. И только рыбак направился прямо к дороховскому крыльцу. Рюкзак теперь был у него.

По-хозяйски распахнув дверь, рыбак вошел в дом.

Степан Дорохов сидел за столом и от теплого еще каравая резал ломти хлеба. Варвара с ухватом в руках хлопотала у печки.

— Здравствуйте, Настасья... Забыл отчество! — с улыбкой поздоровался гость.

Варвара смерила его насмешливым взглядом. Степан отложил нож, сказал угрюмо:

— Хватит глупых проверок!.. Уж если проверять, то не через пьяных остолопов!

Гость вытер платком лоб, устало присел к столу, рюкзак опустил рядом с собой на пол.

— А скажите, мудрейший Семен Егорович, где их взять — трезвых? Лучшие люди гибнут, приходится не брезговать и такими.

Гость еще раз вытер лоб платком, пригладил седеющие волосы. Лицо стало начальственным, властным. Он приказал:

— Подробности гибели Александра Гавриловича. Только коротко и точно!

— Ночью в заливе была перестрелка. Потом причалил патрульный баркас! — отрывисто по-солдатски доложил

Степан Дорохов.— Один матрос был ранен. Ночевали у нас. Ксения перевязку делала. Поняли из разговоров: патруль заметил лодку. На приказ остановиться оттуда начали стрелять. Матросы дали в ответ залп. Через несколько дней труп Александра Гавриловича прибило к берегу. Похоронен здесь, на нашем кладбище.

Гость встал, склонил голову, перекрестился и опять сел. Долго молчал, потом произнес, скрипнув зубами:

— Будет!.. Страшный суд будет!.. Библейский страшный суд!.. И скоро! Очень скоро!

Он наклонился за рюкзаком и поднял его.

— Здесь ракетницы и патроны. Одну оставите себе, а другие раздадите... Придется вам поездить по побережью.— Рыбак сунул руку во внутренний карман.— Адреса...

За окном громыхнул выстрел. Второй.

Гость вскочил. Но Варвара сзади уперлась горячим ухватом в шею и заставила его уткнуться лицом в стол. Подскочил Степан и закрутил ему руки за спину.

Из чердачного окна высунулись испуганные выстрелами Федька и Карпуха. Им все видно сверху. Зуйко сбил с ног человека в кепке и, свалившись вместе с ним в канаву, связывает ему руки. Алтуфьев, перебегая от укрытия к укрытию, преследует человека в красноармейской одежде, а тот, пригнувшись, крадется вдоль забора.

Распахнулась калитка.

— Стой! — крикнул Бугасов и выпустил собаку.

Человек выстрелил в нее из нагана, не попал, метнулся к дому Самсоновых, прицелился, но сверху упала сеть и накрыла его с головы до ног.

— Сюда! — закричал Карпуха.— Мы его поймали! Не бойтесь!

И снова утро, солнечное и тихое. Мирно дымятся деревенские трубы.

Из леса выехал автомобиль, помчался вниз по склону и, громко скрипнув тормозами, остановился у крыльца.

Все Дороховы высыпали из дома.

Лида и Яша робко посмотрели на них.

Крутогоров сидел с шофером и тоже молчал.

— А мы и постели вам приготовили! — улыбнулся Карпуха.

Федька взглянул на мать. И все выжидательно посмотрели на Варвару. И Лида, когда начала говорить, обратилась именно к ней.

— Мы ведь,— тихо произнесла девочка,— на самом деле не Самсоновы.

— Вы,— ответила Варвара,— на самом деле Дороховы... И хватит с чекистами разъезжать! Марш за стол! Завтрак остынет!

Красные пчелы

Собирайтесь, ребята,
Не стойте в сторонке.
Эй, мальчишки,— в отряды!
Смелее, девчонки!
С нами песня и ветер
И красное знамя!
Все дороги на свете
Лежат перед нами!

(Из песни к фильму)

Неширокая река делит городок на две совершенно непохожие друг на друга половины. Правый высокий берег весь в весенней зелени. Улицы здесь прямые, чистые. Дома уютные, нарядные.

На левом болотистом берегу чернеет огороженный дырявым забором остановившийся завод. Вокруг него разбросаны закоулки и тупики с рабочими бараками и хибарками.

Горбится обгорелый, давно разрушенный мост.

Паром медленно пересекает реку.

Уцелевшая часть моста, примыкающая к левому берегу, облеплена полуголыми мальчишками. Это их излюбленное место.

Все заняты своими ребячьими делами. Двое удят рыбу, свесив над водой босые ноги. Вокруг — болельщики в залатанных штанах.

Колька Клюев, тощий паренек с грудью, похожей на ребристую стиральную доску, упрямо стучит камнем по ржавой скобе, соединяющей расшатанные перила с настилом.

— Не пугай! — кричит один из рыболовов.

— Обвалиться может! — заботливо говорит Колька и продолжает вбивать скобу.

Здесь же, усевшись в кружок, пять мальчишек лениво, без азарта играют в фантики.

Отдельно от всех лежит в трусах Сенька Семенов. Мускулистые руки заложены за голову. В глазах — скука. Смотреть в небо надоело. Сенька потянулся, сел, уперся пальцами в доски настила и, напружинившись, встал на руки.

Никто не обратил на него внимания, к его фокусам давно привыкли.

Сенька поболтал в воздухе ногами и пошел на руках к рыболовам.

Вдруг что-то промелькнуло и Сенькину ногу захлестнула тугая петля. Веревка натянулась. Сенька упал, испуганно раскинул руки и заскользил на животе по доскам настила к кромке разрушенного моста.

Над рекой громкий хохот. На другой половине моста, примыкающей к правому берегу, стоят мальчишки, одетые в одинаковую форму: защитного цвета шляпы, короткие штаны, спортивные летние курточки, легкие ботинки.

Впереди, у самого провала, высокий, стройный паренек в очках — Борька Граббэ. Он тянет за веревку, перекинутую через взорванный пролет, и все ближе подтаскивает орущего Сеньку к краю.

Изловчившись, Сенька вцепился в стойку перил. Колька Клюев отложил камень и бросился на помощь. Остальные ребята, оставив фантики и удочки, ухватились за натянутую веревку и потащили ее на себя.

На той стороне за веревку взялись тоже несколько мальчишек.

К тем и к другим с берегов спешит пополнение.

И вот уже две группы ребят изо всех сил тянут за веревку в разные стороны.

Сенька успел высвободить ногу.

Мальчишки и девчонки с низкого берега суетятся, кричат, ругаются, вразнобой дергают за веревку.

На другой стороне — дисциплина и порядок.

— Взяли — раз!.. — командует Борька Граббэ.— Взяли — два!.. Взяли — три!

И с каждым разом веревка на несколько шагов подтягивает левобережных мальчишек и девчонок к краю. Несмотря на явное большинство, сила не на их стороне. Чтобы не упасть в воду, они один за другим выпускают веревку и смущенно отходят подальше от опасного места. Сенька грозит скаутам увесистым кулаком и ругается:

— Шляпы!.. А ты, Борька, еще получишь по очкам!

Борька Граббэ не отвечает на угрозу, спокойно наматывает веревку на руку и проверяет петлю на конце.

Антик Дымбаев, единственный мальчишка, который все это время неподвижно стоял у перил и со снисходительным любопытством наблюдал за происходившим, похвалил Борьку:

— Ловко!.. Хороший глаз!.. И рука верная! А еще раз сможешь?

— Пожалуйста! — ответил польщенный Борька.

Прищурившись, он посмотрел через десятиметровый провал на противоположную часть моста, приготовил моток веревки, сильно размахнулся и ловко бросил ее.

Мальчишки на той стороне испуганно пригнулись.

Лассо, развернувшись в воздухе, захлестнуло петлей стоявший торчком обломок перил. Борька дернул за веревку. Скоба, которую вколачивал Колька Клюев, выскочила из гнезда. Пара подгнивших досок рухнула в воду.

— Зачем? — с обидой крикнул Колька Клюев,— зачем ломаешь?

Верка Дадонова, смуглая девчонка с цыганскими глазами, схватила камень. Не долетев до правого берега, он шлепнулся в реку.

— Эй, вы! — высокомерно произнес Борька.— Полегче! Пролетарский булыжник теперь отменен!

Он не спеша смотал веревку и скомандовал:

— Стройся!

Мальчишки привычно занимают места в строю. Самый маленький, по прозвищу Лисенок, в шляпе, насунутой до самых глаз, выходит вперед и высоким тонким голоском запевает лихую песню. К нему пристраивается толстощекий круглоголовый Валька Губарев и начинает отбивать такт медными тарелками.

Отряд под командой Борьки сходит с моста на берег.

Антик Дымбаев идет вне строя. Он здесь самый главный. Ему не только ходить в строю, но и командовать отрядом зазорно.

Сенька, Колька и другие ребята с откровенной завистью смотрят на удаляющийся отряд.

Верка Дадонова подозвала к себе двух девчонок и прошептала так, что услышали и мальчишки:

— Не те шляпы!.. Вот наши — это настоящие шляпищи! С ними не пропадешь!

Ребята возмущенно загалдели.

— Мальчики! — послышался с той стороны моста звонкий насмешливый голос.— Кто из вас так громко кричал от страха?

Там, где только что были ребята, стояла девчонка в такой же форме — Стэлла.

Мальчишки невольно посмотрели на Сеньку.

— Неужели это ты? — воскликнула Стэлла.— Вот уж никогда бы не подумала.

Сенька как-то насупился и решительно зашагал к краю моста.

Девчонки, сгрудившиеся вокруг Верки Дадоновой, захихикали, презрительно поглядывая на Стэллу.

— Где юбку-то потеряла? — озорно крикнула Верка.

Ее сразу же поддержали подружки:

— Чучело огородное!

— Батькины штаны напялила!

Стэлла ничего не ответила. Она с любопытством смотрела на Сеньку. А тот подошел к краю, сказал:

— Гляди, как я боюсь! — и нырнул с моста в реку.

Стэлла захлопала в ладоши.

— Дурак! — сказал Колька Клюев и пошел к берегу.

Косой ливень вспузырил воду на реке, смочил пыльные дороги, напоил густой бурьян на заводском дворе.

Уже четыре года пустуют цеха небольшого завода. Трубопроводы покрылись ржавчиной, поросли травой. Прохудились крыши, во многих окнах не хватает стекол. На трубе над котельной семья аистов свила большое гнездо.

Взрослые редко заходят на территорию завода. Здесь хозяйничают мальчишки. Сквозь шум ливня доносятся голоса. Что-то громко и сухо пощелкивает.

Спрятавшись от дождя в один из цехов, мальчишки играют в городки. Тут просторно. Почти все оборудование демонтировано и вывезено. На полу начерчены два квадрата. В обоих по пирамиде из самодельных рюх. Сенька размахивается битой и выбивает сразу чуть ли не всю пирамиду. Одобрительно шумят ребята.

Выбитые рюхи, как шрапнель, ударились в стену. Посыпалась отколотая штукатурка.

— Так бы вот по тем, с того берега рубануть! — говорит кто-то.

— По ним рубанешь! — отзывается другой мальчишка.— Они всем отрядом таких шишек-банок наставят — не расчухаешься!

— Нас-то больше!

— А толку?.. Мы — как рюхи! Тронь — и рассыпались!

— Слабаки! — с усмешкой произносит Сенька и берет вторую биту.— Я бы...— Он замахнулся.

— Подожди! — кричит ему Колька Клюев.

Он тащит большой деревянный щит и ставит к стене. Подняв лепешку отвалившейся известки, Колька говорит:

— Жалко же!

— Ладно! Отойди! — торопит его Сенька и прицеливается.

На этот раз он промахнулся. Бита отскочила от пола и ударилась в щит.

— Руку сбил! — недовольно ворчит Сенька.

— Я бы!..— передразнивает его один из мальчишек.

Откуда-то издали долетает ритмичное постукиванье медных тарелок. Ребята переглянулись и, побросав биты, ринулись к выходу.

Дождь уже прошел. Солнце выглянуло из-за тучи и заискрилось на медных тарелках, которыми Валька Губарев усердно отбивает такт. Подрагивают мясистые щеки.

От задних заводских ворот, примыкающих к реке, идет отряд. Борька Граббз — справа от колонны, Антик Дымбаев — слева.

Оторопело смотрят на них выбежавшие из цеха мальчишки.

— Бей их! — неуверенно крикнул кто-то, и толпа ребят побежала навстречу отряду.

— Стой! Ать-два! — спокойно командует Борька.

Валька Губарев последний раз громыхнул тарелками, и отряд замер.

Мальчишки с левого берега тоже остановились.

— Мы не драться пришли,— сказал в наступившей тишине Антик Дымбаев.— И делить нам нечего. Все давно разделено.

— Это наш берег! — крикнул кто-то из толпы мальчишек.

— А чей завод? — спросил Антик и выразительно взглянул на главные ворота, над которыми висела чугунная вывеска.

Отсюда она читалась справа налево. Но мальчишкам не нужно было читать ее. Они и так знали: «Завод Дымбаева» значилось на ней.

— А кто тут работал? — вопросом на вопрос ответил Колька Клюев.

— Правильно! — согласился Антик.— Твой отец работал и брат.— Он кивнул на других мальчишек.— Твой отец тоже... И твой... И твой... Только они работали в цехах! Потому я и говорю: делить нам нечего! Оставайтесь в своих цехах, а мы займем только один этот дом. В нем мой папа работал!.. Мы приведем контору в порядок. Папа вернется — все на месте, как прежде!

На отлете особняком стоит двухэтажный небольшой домик заводоуправления.

— Вам же лучше! — продолжал Антик.— Вернется папа и прикажет дать гудок. Сенькин отец откроет ворота — пожалуйста, на работу!

Как оглушенные, стоят мальчишки, не зная, что ответить па спокойные, уверенные слова сына заводчика.

Валька Губарев победно ударил в медные тарелки и важно произнес, подражая кому-то:

— Нэп, граждане! Нэп!

Ранним утром к маленькому подслеповатому домику, обитому досками с иностранными клеймами, подошел вихрастый комсомолец Василий, старший брат Кольки Клюева. Требовательно постучал в дверь. Открыл Сенькин отец, бывший заводской сторож, инвалид с деревянной ногой. Отступив внутрь, он впустил гостя и проковылял к столу. Сел на табуретку, зевнул и спросил:

— Чего пе спится?

Из-за ситцевой занавески выглянул сонный Сенька.

— Ключи от завода целы? — спросил Василий.

Сторож ухватился за рыжую бороду и не то с радостью, не то с испугом воскликнул:

— Неужто... Неужто... Дымбаев возвернулся?

Он посмотрел на стену. Там на шнурке висел массивный серебряный свисток, а под ним в рамке дарственная грамота: «За многолетнюю безупречную службу заводскому сторожу Алексею Семенову от Дымбаева».

— Директором назначили,— неохотно произнес Василий.

— Кого? — вырвалось у сторожа.

Василий взъерошил вихры на голове, сделал мученическое лицо и указательным пальцем постукал себя в грудь.

— Вчера... Меня...

— Тебя? — переспросил сторож и вдруг затрясся от хохота, застучал по полу деревянной ногой.

Новый директор долго смотрел в разинутый хохочущий рот сторожа и, обозлившись, рубанул кулаком по столу.

— Гони ключи!.. Без тебя тошно!

Сенька спрятался за занавеску.

Сторож перестал хохотать, подошел к комоду, вынул из ящика связку ключей и с шутовским поклоном подал их Василию.

— Держи, директор... пустых стен!

— А пустые-то они по чьей вине? Не по твоей ли? — сердито спросил Василий.— Бывало, до революции мимо тебя болт ржавый с завода не вынесешь! Унюхаешь —

и в получку штраф! А теперь все оборудование проворонил!

Сторож пошевелил кустистыми бровями и с гордостью взглянул на серебряный свисток.

— Службу нес исправно! И ты меня этим, Василь, не попрекай! Сторож есть сторож! И не проворонил я ни гвоздочка!.. Чей завод?.. Дымбаева! Так вот, по его хозяйскому указу все оборудование на баржу погрузили. И не ворон я считал, а ящики! Сорок семь их было... Баржа вечером по самые борта в воду ушла, а утром отчалила...

Василий отмахнулся от него.

— Слышал не раз!.. И не виню я тебя! Просто обидно!

— Слышал, да не все! — сторож понизил голос.— Когда утром отчаливали, борта — во стояли! — он поднял руку к потолку.— Смекаешь?.. Может, оборудованье-то рядом лежит! На дне ржавеет!

Василий встал, пошел к двери.

— И это слышал...

— Директору, конечно, виднее! — усмехнулся сторож и крикнул вдогонку: — На работу-то примешь, директор?

— Посмотрим,— ответил Василий.— Пока караулить нечего!

В бывшей заводской конторе окна распахнуты настежь. Оттуда валит пыль. Слышны веселые голоса, скрип передвигаемой мебели. В конторе идет уборка.

У входа, расставив ноги, важно стоит часовой. Это — Лисенок. Большая шляпа по-прежнему насунута на самые глаза. Даже бровей не видно.

На другой стороне заводского проулка Колька Клюев и другие мальчишки. Приоткрыв от изумления рты, они смотрят на контору, на окна, из которых то и дело вылетают всякие обломки, комки бумаги, банки.

Подбежал Сенька. Волосы всклокочены, глаза горят. Посмотрел на контору, небрежно сказал:

— Пускай они возятся!.. Я вам такое скажу — ахнете!

С таинственным видом он пошел к цеху и поманил за собой мальчишек.

Из окна конторы высунулся Антик Дымбаев. Тихо позвал:

— Лисенок!

Часовой подбежал к окну.

— Разведай, что они придумали! — приказал Антик.

К главным заводским воротам подходит Василий с группой рабочих. Остановились. Василий звякнул ключами, посмотрел на вывеску «Завод Дымбаева» и сказал:

— Вот с нее и начнем!

— Начало не хитрое! — улыбнувшись в пышные усы, колко произнес пожилой рабочий.

— Хитрому вы научите. Для того вас и позвал, седобородых!.. А ну, кто помоложе, сбейте ее, чтоб глаза не мозолила!

— Многие возвратились,— осторожно заметил другой рабочий.— Нэп разрешает держать мелкие заводишки.

— Этот не вернется! — возразил Василий.— Вчера мне в губкоме комсомола сказали... Он в восемнадцатом в Среднюю Азию подался и сейчас еще басмачей водит, вражина!

— А семья? — спросил кто-то из молодых.

— А что семья?.. Семья здесь... Жена и сын за него не ответчики! Они, может, и не знают ничего.

Скрежет и громкие удары по металлу заставили мальчишек выбежать из конторы. Отсюда хорошо видны и главные ворота и вывеска над ними.

Подставив стремянки, рабочие бьют кувалдами по кронштейнам.

Антик сгоряча бросился к воротам, но, пробежав несколько шагов, остановился. Смотрит, как сбивают вывеску. Лицо бледное, у глаз две скупые недетские слезинки. При каждом ударе слезинки по одной ползут вниз.

Протяжно проскрипев, срывается и падает дымбаевская вывеска.

Антик медленно снимает шляпу. Боль и злоба на его лице.

Борька Граббэ взмахнул рукой — и все сдернули шляпы.

Антик медленно побрел к конторе.

За заводом старый заброшенный причал. Сюда когда-то подходили баржи с нефтью для Дымбаева.

По всему причалу разбросана нехитрая мальчишеская одежда. А сами ребята в реке. Ныряют, отфыркиваются, кричат:

— Глыбко очень!

— Муть страшенная!

— Видел на дне железяку!

— Ящики ищите! Деревянные! — вынырнув, орет Сенька.— Машины в ящиках! Сам Дымбаев заколачивал!

Из кустов рядом с причалом бесшумно выглянул Лисенок. Посмотрел на разбросанную одежду, послушал, о чем кричат мальчишки, и так же бесшумно скрылся.

В конторе, в бывшем дымбаевском кабинете, за большим столом в кресле с высокой треснувшей спинкой сидит Антик. Голова опущена на руки. Шляпа лежит на столе. Мальчишка плачет.

Дверь распахнулась, вошел Василий, усмехнулся:

— Свято место пусто не бывает!

Антик вздрогнул. Поднял голову. Уставился на связку ключей в руке Василия.

— Вы... Вы ответите!.. Вернется папа...

— Хорошо. Отвечу,— спокойно согласился Василий и по-хозяйски оглядел кабинет, потрогал стол.

Потом он взялся за высокую треснувшую пополам спинку кресла, оно жалобно заскрипело.

Антик вскочил.

— Не смейте ломать!

— Ты вот что! — сказал Василий.— Если хочешь, можешь забрать эту рухлядь.

В кабинет вошли рабочие.

— Вот, товарищи! — Василий обвел руками комнату.— Здесь и будет наш заводской штаб.

Антик схватил со стола шляпу, крикнул:

— За все ответите! — и выскочил в коридор.

Навстречу ему бежит запыхавшийся Лисенок.

— Ныряют! — зашептал он.— Какие-то машины на дне ищут!

— Что-о? — переспросил Антик и рывком натянул шляпу.

Отогревшись на солнце, мальчишки вновь подошли к краю причала.

— Теперь правей искать будем! — начальственно говорит Сенька.— С этой стороны.

Из кустов опять выглядывает Лисенок. Смотрит, как ребята один за другим бросаются в реку. Сверкнув хит-

рыми глазенками, он исчезает. Отбежав на несколько шагов, каркает как ворона.

Вместе с мальчишками Сенька готовится прыгнуть в воду. Отошел назад, чтобы нырнуть подальше, разбежался и, вскрикнув, присел — занозил босую ногу. Подтянул ступню к губам, попытался вытащить занозу зубами. Не вышло. Плюнув, вскочил, но боль была сильная. Не смог сделать ни шагу. Пришлось снова сесть и серьезно заняться «операцией». Наконец с помощью осколка стекла и ногтей он вытащил занозу. Многоголосый вопль заставил его вскочить на ноги. Он взглянул удивленно на реку, а оттуда, из воды, как стадо сказочных чертенят, вылезают на причал неузнаваемые черные мальчишки.

По реке, зловеще переливаясь на солнце, плывет плотный слой нефтяных отходов.

Растерянно полуоткрыв рот, смотрит Сенька, как его друзья, всхлипывая и ругаясь, яростно трут себя песком и травой, стараясь снять липкий въедливый налет.

Не все мальчишки одинаково черны. Одни — лишь в пятнах, как оспа, покрывших тело. У других в нефти только лицо, и потому грудь и живот кажутся неестественно белыми. У третьих — совсем черное туловище держится на белых ногах. И только Колька Клюев целиком, с головы до пят — негритенок. Но он суетится меньше всех. Увидев, что Сенька не попал в беду, он крикнул:

— Выручай, Сенька!

Тот зашлепал ресницами и, всматриваясь в незнакомые, пугающе-белые Колькины глаза, спросил:

— Это... ты, Колька?

— Отгадал... Керосину надо!

В густых зарослях у самой воды лежит на боку только что опрокинутый чан. Остатки мазута медленно стекают в реку.

В кустах мелькают шляпы убегающих мальчишек.

К низкому берегу с длинными деревянными мостками подплывает паром. Народу не очень много. Большинство — женщины с кошелками и сумками. Лавки находятся на высоком берегу, и, чтобы купить продукты, жители низкого берега вынуждены переправляться через реку.

На борту парома написано: «Братья Губаревы».

Бородатый матрос в рваной тельняшке с грохотом опустил сходни. Пассажиры сошли на берег. Матрос взял похожую на копилку жестяную кружку с прорезью в верхней крышке, с замком у донышка и встал с ней у входа. Новые пассажиры, прежде чем шагнуть на палубу, опускают в кружку монеты.

Пересмеиваясь, перешептываясь, толпой ввалились на паром правобережные мальчишки. Никто не заплатил за проезд, и матрос не сказал им ни слова.

Валька Губарев открыл какой-то люк, достал бутерброд и аппетитно откусил большой кусок. По хозяйски подошел к матросу.

— Скажешь папе — приду поздно!

Сказал и остановился: к парому, размахивая баклажкой, торопливо спускается по мосткам Сенька.

— Ты что?.. Не купался? — с удивлением спросил Валька.

Сенька прищурился.

— Вы?

Тот невинно округлил глаза:

— Чего?

— Ничего! огрызнулся Сенька. — Скажи ему, — он кивнул на бородатого матроса, — чтоб перевез бесплатно. Вечером отдам. Сейчас нету ни копейки!

Валька важно скрестил руки на пухлой груди.

— Ни копейки, а сам — в лавку, за керосином!

— Тоже в долг!

— Мне папа в долг не велит. Верно? — и Валька с немым приказом взглянул на матроса.

Тот подтвердил, угрюмо кивнув головой.

— Жмот! — ругнулся Сенька.

— А ты не лайся! — Валька повысил голос и подбоченился.

Паром отвалил от пристани.

Поблизости причалила лодка. Высокий мужчина с английскими усиками соскочил на берег. Стэлла осталась в лодке.

К ней подбежал Сенька с баклажкой.

— Стрелка! Перевези!

Стэлла улыбнулась, но ничего не ответила. Крикнула отцу:

— Папа! Тебя ждать?

Отец оглянулся.

— Можешь не ждать. Вернусь на пароме.

— Почему Стрелка? — снова улыбнувшись, спросила Стэлла у Сеньки.

— А как же? Все шляпы тебя Стрелкой кличут.

— Не Стрелкой, а Стэлкой!

— Ну и пусть! А я хочу — Стрелкой!.. Понятнее!

Стэлла подумала, потом произнесла:

— Стрел-ка... А что — неплохо звучит!.. Садись!

Сенька прыгнул в лодку.

Напевая про себя какую-то песенку, Верка Дадонова спускается к реке. На плече — тяжелая корзина с мокрым бельем. Мать послала выполоскать в проточной воде.

Узкая тропинка виляет меж кустов. Впереди виден заводской причал. Тропинка круто пошла вниз. Верка побежала под уклон, выскочила из кустов, испуганно вскрикнула и села от страха на землю, но корзину с бельем не уронила. Сидит, моргает глазами, одной рукой придерживает на плече корзину, а другой, как в бреду, отпихивает от себя кошмарное видение.

В кустах — замерзшие, черные, облепленные песком и травой мальчишки.

— Нне бойся! — прищелкивая от холода зубами, говорит Колька Клюев.— Ммы ссвои!

Верка наконец узнала мальчишек.

— Родненькие вы мои!

Она вытащила из корзины мокрое полотенце.

— Я вас ототру!

— Нне ннадо! — крикнул Колька.— Мамка заругается... Принеси лучше ммыла! А Сенька керосину обещал ддостать!

— Бегу!

Верка помчалась вверх по тропе.

— В цех приходи! — крикнул вдогонку Колька.— Там ккран есть! Тут ххолодно больно! Ввeтер!..

Сенька усиленно работает веслами. Стэлла сидит на корме и заливается звонким смехом.

— Остроумно придумано!

— А если б вас всех — в нефти? — хмуро спрашивает Сенька.

— А вы попробуйте!.. Не сможете! Твои ребята только и умеют в городки играть и купаться... Скучно у вас!

— А у вас? — огрызнулся Сенька.— Шляпы надели и думаете — весело? Прямо — ха-ха-ха!

— Ты говоришь неправду!— возразила Стэлла.— Тебе самому наша форма нравится.

Сенька не ответил. Взглянул на колени в заплатках, на обтрепанные внизу штанины. Вздохнул.

— Хочешь, достану тебе такую же форму? — спросила Стэлла.— Она тебе очень пойдет... Скажу Антику, и тебя мигом в наш отряд примут.

— Очень мне надо! — проворчал Сенька и так налег на весла, что они затрещали.— Захочу — у меня свой отряд будет!

— Медведь! — улыбнулась Стэлла и добавила игриво: — А ты мне нравишься!..

В углу цеха, около уцелевшего пожарного крана открыта временная баня. Рабочие помогают ребятам намыливать головы и спины. Тут же хлопочет Верка Дадопова. Василий держит брезентовый пожарный рукав и по очереди поливает мальчишек.

Когда под струей оказался Колька, Василий спросил:

— Как же они вас подловили?

— Раньше на наш берег и носа не совали! — отфыркиваясь, ответил Колька.— А теперь обнаглели — ходят, как дома! И все про этот самый твердят... про... ну, как его?

— Про нэп? — догадался Василий.

— Ну да!.. Чуть не молятся на него!

— Пусть молятся! — сказал Василий.— Молитва эта заупокойная!.. А кто вам про оборудование наплел?

— Сенька.

— Бросьте эту чепуху! — громко, чтобы все слышали, приказал Василий.

— Мы помочь хотели...

— Помогать с головой надо!.. Сколотите бригаду — цеха подметите, окна помойте, бурьян скосите!.. Это вам первое от комсомола задание.

Василий нарочно хлестнул струей по Колькиной голове. Колька пригнулся, подскочил к брату, подставил ладонь под струю и обрызгал его водой.

В цех вошел отец Стэллы, удивленно посмотрел в угол, превращенный в баню, вежливо спросил, обращаясь к осанистому рабочему:

— Скажите, пожалуйста!.. Меня вызвали к... директору.

— Директор помоложе! — с улыбкой ответил рабочий.

— Простите! — отец Стэллы посмотрел на другого, с пышными усами.— Это, вероятно...

— Я директор,— сказал Василий, стряхивая брызги с одежды.

Отец Стэллы согнал с лица недоуменное выражение и отрекомендовался:

— Домбровский... Но, право же, не понимаю! Я инженер-мостовик и к нефтяной промышленности...

— Нам мостовики и нужны! — прервал его Василий.— А вызывал не я. Вас вызывал наш,— он посмотрел на пожилых рабочих,— наш штаб!.. Идемте, товарищи!

Рабочие одобрительно переглянулись и пошли за Василием и Домбровским.

Мальчишки быстро обтерлись рубахами и тут же надели их на себя. Штаны натянули прямо на мокрые трусики.

— С чего начнем? — с нетерпением спросил Колька.— С окон или с мусора?

— С бригады! — твердо сказала Верка.— Слышал, что брат приказал? — Сколотите бригаду!

— А как?

Все замолчали, потому что никто не знал, как «сколачивают» бригаду. Верка недовольно посмотрела на Кольку.

— Надо было спросить у него!

— А ты почему не спросила?

— Он твой брат, а не мой!

— Ладно! Вечером спрошу! — пообещал Колька.— А завтра и сколотим ее!

Вбежал Сенька с керосиновой баклажкой.

— Вот вы где! — воскликнул он и замер, увидев, что все уже вымылись.

Его встретили довольно холодно.

— Тебя за смертью посылать! — сказала Верка.

— На паром не пустили! — загорячился Сенька.— Хорошо еще, Стрелка подвернулась с лодкой!

— Ясно! — произнес кто-то ехидным тоном.

— Завтра утром — сюда! — громко объявил Колька.

И все двинулись к выходу.

Хозяин парома, один из братьев Губаревых, такой же толстячок, как и сын Валька, только с совершенно лысой головой, прикрытой старой тюбетейкой, принимает у матроса дневную выручку. Открыв кружку и подставив кожаный мешочек, он ссыпает мелочь. Прикинув вес монет, недовольно качает головой и вдруг, широко заулыбавшись, приподымает тюбетейку и кланяется.

— Рад такому пассажиру!

По мосткам спускается отец Стэллы.

— Вы все на лодочке, на лодочке! — скороговоркой произносит Губарев.— Совсем не хотите поддержать нашу коммерцию!

— Отчего же! — говорит отец Стэллы и вытаскивает кошелек.

— Шучу! Шучу, Евгений Федорович! С вас — ни копейки!

Губарев пытается прикрыть ладонью прорезь в кружке, но отец Стэллы все же опускает туда монету.

— Я коммерцию уважаю!

— Пошел!.. Отчаливай! — кричит Губарев и спрашивает: — Пивка не хотите ли?

Он приоткрыл крышку люка и вытащил бутылку. Оттуда же появились два бокала. Губарев наполнил их.

— Говорят, директор на заводе объявился. Из комсомольцев.

— Говорят! — согласился Евгений Федорович.

— У него побывать изволили?

— Ну и проницательный же вы человек!

Губарев махнул рукой.

— Для этого большого ума не надо... Догадываюсь даже, о чем разговорчик был! Про мост, наверное, толковали?

— Правильно! — подтвердил Евгений Федорович.— Без моста завод не восстановить. Железная дорога на правой стороне. Туда и все грузы прибывать будут.

Лицо Губарева медленно налилось кровью.

— Мы давно друг друга знаем,— хрипло произнес он.— Мне этот мост — во! — Губарев резанул ладонью по горлу.

— Очень сожалею! — вздохнул Евгений Федорович.— И рад бы вам помочь, но не в моих силах. Я должен отремонтировать мост. Соглашение подписал!

— Помилуй бог! — воскликнул Губарев.— Конечно же, вы его отремонтируете! Не такие строили! Не через эту поросячью лужу! Весь вопрос — когда!..

Губарев достал еще одну бутылку и, как будто невзначай, толкнул ногой лежавший на палубе кошель. Мелочь звякнула. Он снизу искоса посмотрел на собеседника плутоватыми глазами.

— Это тоже коммерция? — усмехнулся Евгений Федорович.

— Слава богу,— Губарев прищурился,— нэп коммерцию не возбраняет.

— Я думаю, вы неправильно поняли новую экономическую политику,— возразил Евгений Федорович.

Губарев поморщился, будто проглотил что-то кислое.

Раннее утро.

Через щель в заборе ящерицей проскользнул Лисенок. Прислушался, нырнул в бурьян и, пригнувшись, побежал к цеху, из которого доносятся громкие голоса.

Внутри — толпа мальчишек и девчонок. Они «сколачивают» бригаду. Все наперебой кричат — каждый свое:

— Красный сыщик!

— Советский лев!

— Рабочий мститель!

— Тонаб! — во все горло орет Сенька.

Это непонятное словечко заставило всех замолчать.

— Чего? — переспросил Колька Клюев.

— Тонаб! — повторил Сенька и расшифровал: — Тайное общество нашего берега!

— Ну тебя! — отмахнулся Колька.

— А чем плохо?

На Сеньку зашикали. Кто-то даже свистнул.

— Вот красный,— сказал Колька,— это хорошо! Что-то должно быть красное!..

— Красный удав!

— Красная рука!

— Красный муравей!

— А если пчела? — спросил Колька.— Красная пчела!.. Пчелы — они такие! Работают от зари до зари, а тронешь — закусают до смерти!

Все одобрительно зашумели. Верка Дадонова прожужжала, как пчела, и торжественно произнесла:

— Бригада «Красных пчел»!

— Ура-а-а! — крикнул кто-то.

Даже Сенька, недовольный тем, что его предложение не прошло, и тот согласился:

— Можно... А вообще-то не в названии дело! Вот — форма! Какая будет форма?

Мальчишки и девчонки посмотрели друг на друга и замолчали. Никто не торопился высказать предложение. Рубахи, юбки, кофточки и штаны на всех были разноцветные, разнофасонные. Только одно было общим — босые ноги.

Колька оглядел притихших ребят и спросил:

— А кто видел настоящую пчелу в сапогах или ботинках?.. Она бы и летать не смогла!.. Мы будем, как пчелы, весной и летом ходить босиком в знак рабоче-крестьянского происхождения! А штаны и рукава засучим, чтобы всегда быть наготове — работать или драться!

И это предложение понравилось. Все начали закатывать обтрепанные рукава рубашек и кофточек, подворачивать штанины.

— Чем не форма? — оглядев ребят, спросил Колька.— Лучше и не придумаешь!

Кто-то похвалил его:

— Голова у тебя работает!

— Вася помог придумать! — сказал Колька с гордостью за своего брата.

— А-а-а! — насмешливо протянул Сенька.— Так-то всякий сумеет... Нам в бригаде своя голова нужна! Не брата же твоего бригадиром ставить!

— Зачем брата! — отозвался Колька.— Сейчас выберем...

— Кого? — торопливо спросил Сенька.— Тут надо сильного и ловкого!

— Сильней тебя нету,— ответил Колька.

Сенька пожал широкими плечами, снисходительно улыбнулся и сказал, уверенный в обратном:

— Может, получше бригадир найдется?

Он ждал взрыва протестующих голосов, но мальчишки и девчонки молчали. И тогда он поспешил добавить:

— Могу, конечно, и я.

— А мы — против! — решительно заявила Верка Дадонова.

— Против? — с угрозой спросил Сенька и, сжав кулаки, шагнул к кучке девчонок.

Они не испугались, дружно загорланили:

— Против!

— Он же со Стэлкой крутит! — крикнула Верка.— Со спецовой дочкой!

— И бить нас будет! — добавил кто-то из мальчишек.— Ишь, кулачищами-то закрутил!.. Не надо нам такого!

Сенька остановился — понял, что напрасно полез с кулаками, и изменил тактику. Спросил, прищурившись и понизив голос:

— А кто вам про оборудование сказал?.. Без меня — шиш найдете!

— А мы и искать его не будем! — сказал Колька.— Есть дела поважнее!

— Как это не будем? — искренне удивился Сенька.— Вчера искали, а сегодня — не будем?

— Твой батя сбрехнул, а мы, как раки, по дну ползай? — выпалила Верка.— Хватит! Вчера наши мальчишки досыта нефти из-за тебя нанюхались!

— Я-то тут при чем? — вспыхнул Сенька.

— Он не при чем! — насмешливо произнес кто-то из мальчишек. —Он чистеньким остался!

Все замолчали и уставились на Сеньку, будто впервые его увидели.

Через дыру в крыше бесшумно высунулась голова в шляпе. Лисенок с любопытством посмотрел вниз.

— А что, если...— сказала в наступившей тишине одна из Веркиных подружек.— Что, если он... нарочно так подстроил?.. Сам в воду не полез... Других заставил, потому что знал про нефть...

Сенька выкатил глаза, промычал что-то невнятное и бросился к девчонке. Но мальчишки успели перехватить его. Сеньке пришлось обороняться. Замелькали кулаки, и началась драка.

Колька попробовал унять разозленных мальчишек, но они ничего не слышали.

Разорвав кольцо сгрудившихся вокруг ребят, отбросив в сторону попавшего под руку Кольку, Сенька побежал к выходу. В дверях оглянулся. Под глазом наливался синяк. Хотел что-то сказать, но не сказал. Яростно погрозил кулаком и скрылся.

И опять в цехе тишина.

— А вдруг не так? — спросил Колька.— Вдруг он не виноват?..

У самой воды сиротливо лежат Сенькины штаны и рубаха. Сеньки не видно ни на берегу, ни в воде.

Тихо вокруг. Медленно пересекает реку губаревский паром.

Вдруг вода забурлила и вынырнул Сенька. Подышал, лежа на спине, поморгал подбитым глазом и ушел на дно.

Опять вынырнул. В руках — пружина от матраса. Бросил ее. Подышал и снова погрузился в воду.

По берегу от парома идет Стэлла.

Около Сенькиной одежды она остановилась, подождала, когда он вынырнет, и крикнула:

— Сеня! Достань мне пару жемчужин! Только больших!

Сенька с шумом втянул воздух и ушел под воду, а вынырнул совсем рядом с берегом. Так близко, что Стэлла попятилась от неожиданности. В руке у него — большая раковина.

— Держи!

— Спасибо! — удивленно улыбнулась Стэлла, раскрыв створки.— Какая прелесть!.. А что у тебя с глазом?

— Водяной лягнул!

— Неправда! — серьезно возразила Стэлла.— Водяной без копыт.

Сенька кивнул на реку.

— Не веришь — проверь!

Оба рассмеялись.

— Одевайся! — сказал Стэлла.— Я отвернусь.

Сенька взял прут, воткнул его в берег в том месте, где вышел из воды, и, подхватив одежду, забежал за куст.

— Проводишь меня? — отвернувшись от куста, спросила Стэлла.

— Куда?

— Да здесь... Недалеко.

— Могу! — ответил Сенька.

В лесу на поляне стоят правобережные мальчишки. В центре — на ковре — Борька Граббэ с книгой в руках. Рядом — толстячок Валька Губарев и еще один мальчишка. Оба они нагнулись над Борькиной книгой.

— Изучили? — спрашивает он.— Начинайте!

Мальчишки принимают стойку и пробуют подцепить друг друга ногой.

На книге, которую Борька держит в руках, написано: «Тайны японской борьбы».

На пеньке сидит Антик Дымбаев, смотрит на неуклюжие попытки борцов применить прием. Рядом с ним — вернувшийся из разведки Лисенок.

— Брэк! — как в боксе, командует Борька.

Партнеры расходятся. Он подзывает к себе Вальку Губарева, дает ему книгу, очки и подходит ко второму мальчишке.

— Приготовиться!

Тот принял оборонительную позу.

— Всем смотреть сюда! — кричит Борька.— Этот прием делается так!

Он обманно прыгает влево, вправо и быстрым движением подсекает ногу противника. Мальчишка падает.

— Следующая пара! — с шиком вызывает Борька.

Вместо следующей пары на поляну вышли Стэлла и Сенька.

— Заманила? — спросил Сенька тихо и нахмурился.

— Ты со мной! — напомнила ему Стэлла.— Можешь не бояться!

— Никого я не боюсь! — проворчал Сенька.

Мальчишки молчали, поглядывая то на Сеньку, то на Антика. Они ждали, что прикажет их предводитель, но Антик тоже молчал. Смотрел на Сеньку и о чем-то думал.

— Идем ближе! — сказала Стэлла.— Тут у нас соревнования.

— Подходи, подходи! — крикнул Борька.— Тебе мои очки не нравились, разбить их собирался... Может быть, попробуешь?

Стэлла за руку подвела Сеньку к ковру, предупредила:

— Это мой гость. Обижать не советую!

— Какой у него фонарь! — воскликнул кто-то.— Прожектор целый!

— Да-а! — задумчиво произнес Антик.— И это друзья называется! Хорошо они тебя отделали!

— Неплохо бы и под вторым поставить! — засмеялся Борька.— Для симметрии!

— Хватит! — одернул его Антик.— Распусти отряд по домам!.. Сенька! Иди сюда!.. Присаживайся!

На поляне остались пятеро: Стэлла, Сенька, Антик, Валька Губарев и Борька.

— Нам ссориться нечего! — доверительно говорит Антик Сеньке.— Наши отцы всегда друзьями были. И потом: подходишь ты нам — сильный, смелый, настоящий парень!.. Ну? По рукам, что ли?..

Сенька сидит в нерешительности. Стэлла незаметно подталкивает его.

— Давай руку! — нажимает Антик.

— Да с разного мы... берега! — произносит Сенька.

— Про мост слышал? — смеется Антик.— Как отец Стэлки отремонтирует его, так и соединятся оба берега! А пока Валькин паром ходит!

— Паром? — переспросил Сенька и нахмурился.— Я сунулся...

— Без денег сунулся! — перебивает его Валька Губарев.

— Прошлое вспоминать не будем! — веско говорит Антик.— Теперь можешь бесплатно ездить на пароме!.. Подтверди, Валька!

— Теперь — пожалуйста! — произносит Валька и недоуменно пожимает пухлыми плечами.

— Всегда? — обрадовался Сенька.

— Хоть ночью! — отвечает Валька.

В глазах у Сеньки то тревога, то обида, то надежда.

— И вашей формы у меня нету...

— Достанем! — обещает Стэлла.

Впервые бригада «Красных пчел» прошагала по улицам городка, удивляя прохожих. Ребята были те же и одежда на них та же, и все-таки это была уже не ватага, а бригада.

У мальчишек — лопаты, носилки и косы. Девчонки несут свежие веники, тряпки, ведра.

Закатанные по локоть рукава, аккуратно подвернутые штанины придавали ребятам боевой спортивный вид. Бодро шлепали по земле босые ноги. Шли колонной по два в ряд.

Впереди — Колька Клюев. Судя по всему, его выбрали бригадиром. В первом ряду — командиры десяток: мальчишка и Верка Дадонова.

— Ать-два!.. Ать-два! — старательно командует Колька.

Дошли до Сенькиного жилья, обитого досками от ящиков.

— Стой! — командует Колька.— Напра-во!

Бригада повернулась лицом к дверям хибары. Колька крикнул:

— Сенька! Выходи!.. Поговорить надо!

Дверь не открылась. Тогда Колька заглянул через окно внутрь. Никого в доме не было.

В шляпе, в ботинках, в узковатой куртке с чужого плеча стоит на мостках Сенька. Наклонился над водой и рассматривает свое отражение. Мужественный, широкоплечий красивый паренек дружески подмигивает ему.

— Ать-два!.. Ать-два! — слышится сзади.

По берегу к заводу шагает бригада.

Сенька оглянулся и застыл. «Красные пчелы» тоже заметили его и сбили шаг. В строю зашушукались.

— Прекратить разговоры! — сердито крикнул Колька.

Когда бригада поравнялась с мостками, он скомандовал:

— Равнение нале-во!

Все отвернулись от Сеньки и, ни разу не взглянув в его сторону, прошли мимо.

На носу у Сеньки выступил пот. Стоит он на мостках, украдкой поглядывает на скопившихся у причала людей, но никто из них не догадался, что произошло.

Какая-то женщина произносит:

— Никак наши шалопаи за ум взялись...

Медленно подходит паром.

Схлынули приехавшие. На палубу стали подниматься пассажиры левого берега. Бородатый матрос, как всегда, дежурит у сходней с кружкой.

Последним нерешительно подходит к парому Сенька.

— Проходи! — говорит ему матрос.

Сенька быстро вбежал на паром. Огорчение от встречи с «Красными пчелами» прошло. Новые друзья оказались влиятельней. Это благодаря им Сенька бесплатно едет на пароме! Он сел на кнехт, важно заложил ногу за ногу, полюбовался на ботинки, получше завязал шнурки, лихо заломил шляпу и с вызовом посмотрел на «Красных пчел», уходивших все дальше.

На высоком берегу в разгаре перепалка, которая началась уже давно.

— Не пойдет! Не позволю! — кричит отец Вальки Губарева.— Мой паром пассажирский! А вы этакую махину приволокли! Потопить меня хотите?

Тройка лошадей впряжена в широкие деревянные волокуши, на которых стоит огромный паровой котел. Он обит досками с железнодорожными пометками.

— Слушай, Губарев! — с трудом сдерживая накопившуюся злобу, горячится Василий.— Ты до революции дымбаевские цистерны с нефтью переправлял!

— Вспомнил! — говорит Губарев.— До революции!.. Мало ли что было до революции!

Рабочий с пышными усами начинает атаку на Губарева с другой стороны.

— Ты пойми! — рассудительно, с хитрецой, произносит он.— Пустим завод — и что?

— И что? — повторил Губарев.

— А то, что больше народу с берега на берег ездить будет! Понял?.. Прямая тебе выгода!

— Про мою выгоду вспомнил? — усмехнулся Губарев.— Гони сотенную — повезу!

— Ах ты...— срывающимся голосом воскликнул Василий.

Седоусый рабочий схватил Василия и силой отвел в сторону.

— Не срамись!.. Придумаем что-нибудь!..

Заметив с парома Василия, Сенька натянул шляпу. Прячась от него, торопливо соскочил на мостки и сбежал на берег, стараясь не попасться ему на глаза.

Над речным обрывом стоит беседка. Сюда и прибежал Сенька. Антик уже сидел там. Он слышал, как ругались у парома, и был очень весел. Сеньку он встретил по-приятельски.

— Шикарно выглядишь!.. На пароме без инцидентов проехал?

Сенька довольно мотнул головой.

— Ага! Без денег!

— А куда твои осы полетели?

— Не знаю.

— Врешь,— спокойно сказал Антик и с укором добавил: — А я думал тебя вместо Борьки поставить!

Сеньку опять прошиб пот.

Антик сжалился над ним.

— Не мучайся! Так и скажи — на завод пошли, уборку будут делать!.. Великая тайна!.. А вот оборудование они зря искать перестали.

— Ты и про это знаешь? — удивился Сенька.

— Я все знаю! — Антик похлопал Сеньку по плечу.— Мне ведь не жалко — пусть завод работает... И мама говорит — пусть работает!.. Я и со своими ребятами уже разговаривал. Скоро мы начнем искать оборудование!

— Ну да? — вырвалось у Сеньки.

— Помогать будешь?

— Да хоть сейчас!

Антик наклонился к Сеньке и прошептал доверительно:

— Пожалуй, и в газетах об этом напишут: сын Дымбаева и сын сторожа Семенова возвращают на завод утраченное имущество.

— Напишут! Обязательно напишут! — с искренней радостью подхватил Сенька и спросил шепотом: — Может, ты и место знаешь?

Антик развел руками:

— Чего не знаю — того не знаю! Мой папа — человек скрытный!

— Ничего! Все равно найдем! — утешил его Сенька.— Ты еще не видел, как я ныряю! Глубже всех!.. Всю реку прощупаем!

Антик еще раз похлопал Сеньку по плечу.

— Не поставить ли все-таки тебя вместо Борьки?.. Я подумаю...

На заводе кипит работа. Девчонки моют окна и до блеска натирают стекла. Мальчишки возят тачки с мусором, лопатами и косами срезают заросли бурьяна.

Колька Клюев с двумя пареньками вставляет в раму выпавшее стекло.

Разговор идет о Сеньке.

— Надо не отворачиваться, а устроить ему темную! — запальчиво говорит один из Колькиных помощников.— Подловить вечером и выдать за все сразу!

— Разобраться надо! — возражает Колька.

— Может, он от обиды шляпу натянул! — вмешивается в разговор Верка Дадонова.

— А на тот берег зачем поехал? — спрашивает кто-то.— Тоже от обиды?

— Я и говорю — разобраться надо! — повторяет Колька.— Темную успеем!.. Пчелы не кусают без разбора!

К ребятам подходит молодой рабочий, улыбнувшись, спрашивает:

— Это вы — «Пчелки красные»?

— Мы!

— Самых главных — к директору! Совещание будет...

— Ладно, придем! — с достоинством отзывается Колька.— Пусть без нас не начинают!..

Комната набита комсомольцами. Все скамейки заняты. Сидят на подоконниках, стоят у стен. Сзади, на последней скамейке — Колька Клюев и командиры десяток. У небольшого стола, покрытого куском кумача,— Василий. Он заканчивает свое выступление.

— Так и остался котел на том берегу!.. Но пусть не радуются нэпманы! Котел мы переправим через реку! И нэпманов одолеем! Обязательно одолеем! Вон нас сколько! Да еще,— он подмигнул своему брату Кольке.— Да еще «Красные пчелы» помогут! Тоже сила немалая! Верно, ребята?

Колька солидно кивнул головой, а Верка Дадонова звонко и язвительно сказала:

— Небось когда нэп запускали, нас не спрашивали! А теперь не справиться?

Комсомольцы засмеялись. Василий качнул головой.

— Не дошло!.. Скажу проще!.. Что такое нэп в нашем городе?.. Вот тот же Губарев со своим паромом... Можем мы сегодня обойтись без него?.. Нет! Потому и терпим!.. Но мы можем все силы бросить на строительство моста — своего, народного, государственного!.. Построим — и Губарев лопнет вместе с паромом! И пойдет этот паром на переплавку! Машины из него сделают для завода!.. Вот что такое новая экономическая политика в нашем городе!

Кафе «Баядерка» по вечерам — пристанище нэпманов, а днем здесь бойко торгуют мороженым. Заняты почти все столики. Дородные мамаши, жеманные девочки с

бантиками, пай-мальчики в отутюженных костюмчиках заполонили зал.

На эстраде мальчонка со скрипкой. Лицо бледное, усталое, большие печальные глаза устремлены на пюпитр, на котором вместо нот лежит свежая газета. Льется тоскливая мелодия.

Молодящаяся дамочка в шляпе с перьями раздраженно отложила ложку и громко спросила у своей соседки, сидевшей с двумя дочерьми за этим же столиком:

— Кого он там хоронит?.. Придешь отдохнуть, а тебе панихиду устраивают!

По залу пополз недовольный шумок.

Скрипач ничего не слышит. Он читает газету, а скрипка плачет в его руках.

В дверях, ведущих в жилую часть дома, показалась высокая женщина. Оглядела зал, послушала скрипку и властно позвала:

— Борис!

Вышел Борька Граббэ. Мать глазами указала ему на скрипача. Борька поправил очки, прыгнул на эстраду, дал маленькому музыканту подзатыльник, взял газету с пюпитра и процедил сквозь зубы:

— Опять?.. Выгоню!

Мальчонка испуганно отложил скрипку и поспешно сел за пианино. Веселый вальс заполнил зал.

В кафе вошли Антик, Валька Губарев и Сенька.

— Прошу сюда!— тоном гостеприимного хозяина произнес Борька, сходя с эстрады.

У окна столик с табличкой: «Просим не занимать». К нему и подвел Борька своих гостей.

Валька подтолкнул Сеньку в спину.

— Сними шляпу!

Сенька сдернул шляпу и, увидев за столиками женщин в головных уборах, спросил:

— А они?

— У них — перья! — пошутил Борька.— Садитесь... Я сейчас распоряжусь!

И вот уже на столе — вазочки с разноцветными шариками мороженого и бутылки с лимонадом.

Сенька и Валька вовсю уплетают мороженое. Антик и Борька с усмешкой поглядывают на них, лениво ковыряют ложками в вазочках.

— А вы чего? — удивился Сенька, заканчивая свою порцию.

— Не наелся? — спросил Борька.

— Разве им наешься! — возразил Сенька.— Я бы, наверно, все ваши запасы съел!

Борька прищурился и не то улыбнулся, не то поморщился.

— Вам только дай... На!

Он придвинул свою порцию Сеньке.

Игравший на пианино мальчонка с сожалением взглянул на Сеньку, вздохнул и, не переставая играть, подтянул одной рукой к себе стул, на котором лежит раскрытая книга.

Антик отдал свою порцию Вальке Губареву.

Увлекшись книгой, не глядя на клавиатуру, мальчонка опять заиграл какую-то тоскливую мелодию. Борька вскочил, поднялся на эстраду, взял книгу и что-то шепнул музыканту. Тот, напугавшись, ударил по клавишам, выбив из них бравурный марш.

— Кто это? — поинтересовался Сенька.

— Безродный! — ответил Антик.— Борькины родители подкармливают его.

Съев вторую порцию мороженого, Сенька начисто выскреб вазочку.

— Борька еще принесет,— сказал Антик.— Подождем.

— Подождем! — согласился Сенька.— Пойду посмотрю, здорово барабанит!

Он подошел к эстраде. Мальчонка покосился на него, спросил:

— Ты с левого берега?

— А что?

— Ничего... Просто я тебя здесь никогда не видел.

— И я тебя не видел... Здорово играешь!

— Ты не очень старайся! — понизив голос, предупредил мальчонка.— Они же нарочно тебе подсовывают!.. Не объешься, горло не застуди!

Сенька засмеялся.

— Мороженого не хватит!

Борька принес еще две порции. Сенька и Валька усиленно заработали ложками.

Никто из четверых мальчишек не заметил, как с улицы к стеклу приплюснулись две физиономии. Колька Клюев смотрел на Сеньку с удивлением и обидой. В цыганских глазах Верки Дадоновой было презрение.

На реке, на якорях, несколько лодок. Комсомольцы вбивают в дно стойки для временного помоста. Здесь будет центральный бык. Тяжелая «баба» равномерно и глухо стучит по торцу бревна.

На обоих берегах тоже ведутся подготовительные работы. Роют котлованы, готовят сваи.

На низком берегу работают и «Красные пчелы». Выстроившись в длинную цепочку, они по конвейеру передают булыжники, ссыпанные в кучу метрах в сорока от воды.

Ближе подвезти не удалось — очень топко. Ребята стоят по щиколотку в болотной жиже и перебрасывают камни из рук в руки.

На высоком берегу — штаб строительства.

Развернув на земле чертеж, Евгений Федорович объясняет что-то прорабу.

На груде бревен сидит Стэлла. С любопытством смотрит на противоположный берег, на вереницу мальчишек и девчонок, перебрасывающих камни.

— Папа! — задорно кричит она.— Смотри, они нас перегонят!

Отец оторвался от чертежа, взглянул на ту сторону.

— Ты бы своих джентльменов организовала! Или им не положено мостами заниматься?

— Почему столько иронии, папа? — удивилась Стэлла.

— Хочу повлиять на твой выбор.

— Какой, папа, выбор?

— Видишь ли, Стэлла... У каждого человека наступает день, когда надо выбирать себе друзей... Не для игры и забавы, а друзей для жизни! Мне думается, и для тебя этот день настал. Не ошибись, чтобы потом не сожалеть!

— Какой ты сегодня многозначительный, папа! Даже торжественный!

— Я недавно сделал свой выбор.

— Не поздно, папа?

— Завтра было бы поздно!

Стэлла хотела что-то спросить, но увидела Сеньку и Антика. Они шли к ней.

— О-о! — восхищенно воскликнула Стэлла.— Форма тебе к лицу!

Сенька смутился. Заметив это, Стэлла заговорила о другом.

— Смотрите, что на том берегу делается!

Сенька увидел «Красных пчел» и нахмурился.

— Красиво работают! — продолжала Стэлла.— Не хватит ли нам японской борьбой заниматься? Давайте и мы переправу через Миссисипи строить!

Антик зевнул.

— Скучно, Стэлка!

— Почему скучно?.. Если придумать...

— Скучно! — повторил Антик.— А придумывать ничего не надо. Мы с Сенькой уже кое-что придумали!..

Вечереет. Сенька пробирается вдоль забора вниз по переулку, который ведет к парому. Завернул за угол и остановился. Перед ним — «Красные пчелы». Образовав живую подкову, они приперли Сеньку к забору. И все это — без угроз и выкриков.

— Бить будете? — небрежно спросил Сенька.

— Нет! — насмешливо ответил кто-то.— Шуточки с тобой шутить собрались.

— Судить будем! — строго сказала Верка Дадонова.— Что решим, то и сделаем. Может быть, и поколотим!

— Руки коротки! — все тем же небрежным тоном произнес Сенька.— Я еще за тот фонарь с вами не рассчитался!.. Подходи по очереди! Кто первый?

Сенька схватил валявшуюся под ногами увесистую палку и замахнулся.

Верка Дадонова заложила руки за спину и шагнула прямо под палку.

— Бей!

— Отстань! — Сенька отпихнул ее.— Девчонок не трогаю! — Он кивнул на мальчишек.— Я им говорю! Эй, слабаки, давай!

Мальчишки зашумели, нарушая заранее продуманный разговор. Посыпались обидные фразы:

— Наелся дармового мороженого — силой хвастаешь!

— Как нищий, чужое тряпье нацепил!

— Расплющить шляпу на голове — будет знать!

— Тихо! — закричал Колька Клюев.— Чего орать без толку? Побить его не трудно!

— А ну, попробуй! — сказал Сенька.— Ккомандир!.. Тебе мухами командовать! Да я тебя землю есть заставлю при всей твоей бригаде!

Такого оскорбления даже спокойный Колька вытерпеть не мог. Он бросился к Сеньке, споткнулся и упал у самых его ног. Палка взлетела, чтобы опуститься на Колькину беззащитную спину, но так и не опустилась. Сенька отшвырнул ее, ухватился за доски забора и ловко перемахнул на другую сторону.

Сумерки. На высоком берегу — Сенька, Антик, Борька и Валька Губарев. Все смотрят на противоположный берег, а Сенька рассказывает:

— Воп там, у кустов, очень мелко. На дне ничего нет.

Валька Губарев поежился.

— А вода там холодная?

— Вода везде еще холодная,— ответил Сенька.— А вон там, у причала, там очень глубоко. Я донырнул до дна. Пусто!

Антик держит в руках блокнот и делает в нем какие-то пометки. Борька Граббэ недоуменно поглядывает на него.

— Выходит, тот берег весь уже исследован? — произносит Антик, почесывая карандашом лоб.

— Ну да, весь! — возражает Сенька.— Местов еще много!

— Местов-то, может быть, и много,— с усмешкой повторяет его слова Антик.— Тогда скажи, зачем твои осы сколотили плот и па нашу сторону перегнали?

— Какой плот?

— Ты что — не знаешь?.. Большой хороший плот!.. Завтра они здесь нырять начнут!

Сенька озадачен и растерян.

— Нырять?.. А... а мы?

— А мы? — Антик приложил к ушам пальцы и помахал ими.— Мы только хвастаем, что нырять умеем!

Сеньку точно подхлестнули.

— Отнимем плот — и все! Здесь мы искать будем!

— А они Ваську-директора позовут! — подзадоривает его Антик.— И заставят отдать плот!

— Отпихнуть — и пусть плывет! — предлагает Борька.

— Во! — подхватывает Валька.— К утру его за сто верст унесет!..

Сенька молчит.

На воде у самого берега — большой плот. Толстые бревна крепко связаны проволокой. Мальчишки прыгнули на него. Он легко принял их тяжесть и плавно качнулся.

— Здоровый плотина! — удивился Борька.— Когда это они успели?

— Как видишь, успели! — произнес Антик и взглянул на Сеньку так, будто он был виноват в появлении этого плота.

— Ничего! — сказал Валька.— Сейчас мы его отправим!

Он ухватился за веревку, которая держала плот у берега. Антик остановил его.

— Подожди!.. Так не интересно... Грубая работа!.. Подшутить бы!

— Как?

— Сам не знаю... Они бы отчалили, а плот взял бы и развалился по бревнышку!

Борька наклонился над проволокой, скреплявшей бревна, хитро прищурился сквозь очки.

— Можно подпилить!

— Пилой? — спросил Валька.

До сих пор молчавший Сенька сказал мрачно:

— Пила — по дереву! Здесь подпилок нужен!

— Подпилок? — Антик посмотрел на Вальку и Борьку.— Кто умеет напильником работать?

Валька неопределенно вздернул пухлые плечи, а Борька отрицательно качнул головой.

— Я умею! — неохотно заявил Сенька.

— У меня на пароме есть инструменты,— сказал Валька.

Антик схватил Вальку за плечо, похвалил:

— Молодец! — и подтолкнул его к берегу.— Беги!

На склоне холма положены две доски. Внизу — ровная площадка взрыхленного песка. Идут соревнования. Мальчишки на роликах скатываются по доскам и прыгают кто дальше.

Главный судья — Стэлла. Она измеряет рулеткой длину прыжков и записывает цифры.

Красиво съезжает вниз Борька Граббэ, сильно отталкивается и приземляется далеко за отметками, оставленными другими прыгунами.

Сенька неумело прикрепляет к ботинкам ролики. Мальчишки поторапливают его. Он встает, делает неуверенный шаг к доскам.

— Смелей! — кричит Стэлла.

Сенька натянул шляпу до ушей и, набрав побольше воздуха, ступил па доски. Его сразу же понесло вниз. Нелепо размахивая руками, он докатился до середины спуска, упал, перевернулся и под общий хохот врезался головой в песок.

— Медведь! — сказала Стэлла с необидной улыбкой.

— Сейчас получится! — упрямо сказал Сенька и попробовал снова забраться на холм, но ролики проворачивались и не позволяли сделать вверх ни шагу.

— Боком! Боком! — подсказала ему Стэлла.

К Антику подбежал испуганный Валька Губарев.

— Пришли! — прошептал он.— Но... но совсем не... не «пчелы»!

— Спокойно! — Антик щелкнул пальцем по толстым Валькиным губам и подозвал к себе Борьку.

А Сенька уже сумел подняться на холм, еще глубже осадил шляпу и на этот раз благополучно докатился до самого низа.

— Ты делаешь успехи! — похвалил его Антик.

— А теперь — перерыв! — крикнул Борька Граббэ.— Теперь мы посмотрим сценку из жизни «Красных пчел»! Она называется «Кораблекрушение»! За мной!

Он побежал вверх по холму. Мальчишки потянулись за ним. Они догадались, что их ждет какое-то интересное зрелище. Только у Вальки довольно кислый вид. Он поднимается за Антиком и что-то бубнит толстыми губами. Антик оглядывается и второй раз предупреждает его:

— Спокойно!.. Забыл, чей напильник?

Сзади всех взбирается на холм Сенька. Ему мешают ролики. Сердито плюнув, он сел и сдернул их с ног.

С холма видна река. Огромный черный котел погружен на плот. Комсомольцы, которыми руководит Василий, дружно упираются длинными шестами в берег.

Борька Граббэ растерянно смотрит то на плот, то на Антика. Валька Губарев трусливо выглядывает из-за дерева. Остальные ничего не понимают.

— Где же «пчелы»? — спрашивает кто-то у Борьки.

На вершину холма взбегает Сенька. Вытянув шею, смотрит на реку, на плот, на черный котел, вокруг которого суетятся комсомольцы с веслами и шестами.

Сенька выронил ролики. Челюсть у него отвисла и мелко задрожала.

— Стойте! — хрипло прошептал он и, проглотив застрявший в горле комок, произнес громче: — Подождите! — и наконец завопил во весь голос, пронзительно и страшно: — Наза-ад!

Не переставая кричать, Сенька бросился вниз с холма. Мальчишки тревожно переглянулись. Валька Губарев совсем спрятался за дерево. Борька Граббэ нервно протирает очки.

— Что случилось? — спрашивает Стэлла.

Никто ей не отвечает. Слышен отчаянный голос Сеньки.

— Стойте!.. Назад! — кричит он где-то внизу, в зарослях.

До плота этот вопль не долетает. Василий спокойно командует:

— Правым! Правым навались!

Подхваченный течением плот все дальше отходит от берега. И вдруг что-то лопнуло, как басовая струна. Угрожающе накренился котел. Лопнула еще одна струна. Передние концы бревен высунулись из воды.

— Берегись! — успел крикнуть Василий.

Плот раздался и стал разваливаться. Как спички, раздвинув бревна, котел пошел на дно. Взметнулся пенистый бугор воды.

— Аут! — произносит Антик.

На холме — испуганная тишина.

— Я так... нне играю! — запинаясь, говорит разведчик Лисенок.— Это нне игра!

Он поворачивается спиной к реке, пригибается и, не оглядываясь, кубарем скатывается с холма.

Остальные стоят неподвижно, как оглушенные.

— Вы знаете, как это называется? — тихо спрашивает Стэлла.

— Это называется печальной ошибкой,— с усмешкой отвечает Антик.

— Нет! Это — преступление!

Стэлла швырнула шляпу на землю, наступила ногой.

— Прощайте, джентльмены!

Она повернулась и начала спускаться с холма.

Еще несколько мальчишек метнулись к кустам и заторопились вниз по склону.

— Крысы! — презрительно обругал их Антик.— А люди — остаются! — он осмотрел поредевшие ряды.— Спасибо, друзья! Боря, командуй!

Борька без обычной готовности крикнул:

— Становись!

Мальчишки неохотно построились.

Валька Губарев с большим усилием оторвался от ствола дерева, за которым стоял все время, и последним занял место в строю.

Молча выходят на берег комсомольцы, и каждый оборачивается назад, смотрит туда, где затонул котел.

— Сколько там сажен?

— Три с гаком!

— Ныряй теперь!

— Достанем! — твердо говорит Василий.

— Смотрите-ка! — раздается возглас.

Один из комсомольцев стоит у бревна, приплывшего к берегу, и разглядывает оборванную проволоку. Отчетливо видно, что она надпилена чуть не до половины.

Без шляпы, озираясь по сторонам, как вор, крадется Сенька по кустам к парому. Лицо у него осунулось, посерело. Он и сейчас еще не пришел в себя. Взгляд у Сеньки вымученный, блуждающий, рассеянный. Он то и дело со страхом смотрит по сторонам.

Сенька остановился, когда всего несколько кустов отделяло его от парома. Он долго топтался на одном месте, но не решился выйти к причалу.

Паром отчалил. Сенька так и не осмелился показаться на людях.

Он скинул куртку, штаны, ботинки. Связал все это в один узелок и пошел в трусах к реке. Приподняв узелок над головой, чтобы не замочить одежду, он хотел броситься в воду. Но вдруг повернулся, с какой-то гадливой гримасой зашвырнул форму в кусты, погрозил кулаком всему правому берегу и, нырнув в воду, поплыл к своим.

Все вещи в комнате покрыты кружевными накидочками, скатерками, чехольчиками. На спинках кровати с огромными блестящими шарами висят запавесочки. На окнах — тоже занавески. Даже круглая печка и та, как передником, прикрыта внизу кружевной шторкой.

Между кроватью и печкой лицом к стене стоит Валька. Он наказан.

Губарев-старший сидит в зачехленном кресле-качалке с ремнем в руке. Этот ремень только что гулял по Валькиной спине и мягкому месту. Сын всхлипывает, а отец сосредоточенно смотрит в окно.

— Я ж не знал, что котел повезут! — плаксиво тянет Валька, не поворачиваясь.

— Тебе не за котел и попало! — отвечает отец.— За тупость!.. Запомни, дубина! Кто похитрее, тот выдумывает, а кто поглупее, тот выполняет! А кого бьют?.. Ис-пол-ни-те-ля! Вот и получил!.. Это от меня, а еще и от них получить можешь!

— От кого? — всхлипнул Валька.

— А милиция на что?

— Пилил-то Сенька!

Отец помолчал.

Спросил:

— Кроме меня говорил кому-нибудь?

— Что я — дурак?

— Выходи, умник! — разрешил отец.

Напротив того места, где затонул котел, собралась толпа. Тут и Василий, и группа комсомольцев, и почти все «Красные пчелы». На берегу стоит лебедка. Ритмично работает помпа. Резиновый шланг тянется от нее в реку. Где-то там, под водой, находится водолаз. Все с нетерпением и любопытством следят за пузырьками воздуха. Обмениваются короткими репликами:

— Никак к берегу идет?

— Не нашел, наверно!

— Котел — не иголка! Найдет!

— А ты сам попробуй — вода-то мутная!

Поблизости в кустах бродит милиционер. Без особой надежды осматривает траву, раздвигает ветки, то и дело поглядывает на реку, где работает водолаз. Заметив узелок с Сенькиной одеждой, милиционер удивленно хмыкает, осторожно берет и разворачивает.

Шум голосов усиливается. Милиционер завязывает все в узел и торопливо выходит из кустов.

Пузырьки воздуха приближаются к берегу. Из воды показывается медная голова, резиновые плечи и грудь со свинцовым грузилом. Нетерпеливые ребята бросились по воде навстречу водолазу.

— Нашел? — во весь голос крикнул Колька Клюев, заглядывая снизу в круглое оконце шлема.

Водолаз утвердительно качнул тяжелой головой.

Верка Дадонова потрогала свинцовое грузило.

— Родненький ты мой!.. Как ты с этими веригами ходишь? Да еще по дну!

Она всплеснула руками и, как подкошенная, упала в воду — запуталась ногой в сигнальном конце.

Водолаз неуклюже нагнулся, с трудом поднял ее на руки и медленно вышагал с нею на берег.

Когда сняли шлем, он сказал:

— Застропил... Вира помаленьку.

Комсомольцы бросились к лебедке. Трос напружинился, подтягивая по дну к берегу невидимый подводный груз. Длинная дорожка пузырей обозначилась на воде. Потом поднялась муть и показались доски — старые, подгнившие, совсем не похожие на те, которыми был обит котел.

— Что-то не то! — произнес Василий и скомандовал: — Подплавались!

Лебедка заработала снова, и теперь все увидели, что в большом старом ящике не котел, а какая-то машина. Тускло поблескивали металлические части, обильно смазанные тавотом.

— Да это ж,— тихо сказал кто-то,— дымбаевское оборудование!

Василий удивленно, по-мальчишески присвистнул:

— Не врал, выходит, сторож...

Верка Дадонова взглянула на Кольку Клюева:

— И Сенька, значит, не врал?

На песчаном полуострове раскинута старая-престарая армейская палатка. Масляной краской написано над входом: «Штаб «Красных пчел». Вся бригада в сборе. Ребята сидят у палатки и в который раз спорят о Сеньке. Голоса разделились. На каждый довод за Сеньку тотчас высказывается довод против него.

— А про нефть забыли? — крикнул рыжеголовый паренек.— Он-то чистенький остался!

— Я заметил,— сказал Колька Клюев,— он тогда хромал! Ногу, наверно, наколол, потому и не полез в воду!

— И не ударил он никого,— добавила Верка Дадонова.— Ни меня, ни Кольку! Замахнулся и не ударил!

— Может, он и мороженое не ел? — насмешливо спросил кто-то.

Защитники Сеньки умолкли. Это был неоспоримый факт.

— А я бы,— робко сказала одна из Веркиных подружек,— я бы тоже... не отказалась...

Мальчишки возмущенно загалдели.

— Ты бы и форму ихнюю напялила?

— Так ведь это разное! — наивно воскликнула девчонка.— Форма разная, а мороженое одно... Вкусное — ужас!.. Сюда бы — большой стол! — Она вскочила и обвела руками широкий круг.— На всех!.. И каждому — мороженое, мороженое, мороженое!

Глаза у девчонки разгорелись, и она стала подносить ребятам невидимое мороженое. Жесты были такие красноречивые, убедительные, что все увидели это мороженое. Кое-кто даже облизнулся.

Воспользовавшись паузой, Колька Клюев пошлепал ладонью по брезенту палатки.

— Это что?.. Наш штаб!.. Как мы решили, помните?.. Мы решили так: кому плохо, кого обидели, у кого ссора — пусть все приходят сюда, в штаб. Поможем, защитим, разберемся! Так?

— Так! — подтвердили «Красные пчелы».

— Вот я и предлагаю — давайте вызовем сюда Сеньку!

— Правильно! — послышалось от реки.

Ребята оглянулись.

В лодке — Стэлла в светлом нарядном платье.

— Отчаливай! — крикнул кто-то.

— Фифочка какая приплыла!

— Вырядилась-то!

Не обращая внимания на эти выкрики, Стэлла спрыгнула с лодки на песок и спросила:

— А если я переоденусь в рваное и грязное — лучше будет?

— Дело не в одежде! — согласился Колька.— Ты не из нашей бригады, и делать тебе тут нечего!

— Есть чего! — возразила Стэлла.

«Пчелы» засвистели, закричали:

— Она еще спорит!

— Ишь как разошлась спецова дочка!

— Специалист,— спокойно произнесла Стэлла,— это человек, хорошо владеющий своей профессией.— Она подошла к Кольке.— Ты считаешь, что лучше не иметь никакой профессии?

— Я считаю — уматывай и все!

— Железная логика!

— Стальная!

«Пчелы» сгрудились вокруг Стэллы.

— Валяй, валяй отсюда!

— Чеши, пока цела!

Стэлла посмотрела на орущих и сказала:

— Пришла я из-за Сени.

И опять раздался взрыв голосов. Колька с трудом утихомирил ребят.

— Пусть говорит!

— Плохо ему! Очень плохо! — сказала Стэлла.— И в этом я виновата!

— Виновата — сама с ним и разбирайся! — ревниво крикнула Верка Дадонова.

— Я ходила к нему,— ответила Стэлла.— Он не пустил в дом и разговаривать не захотел.

— Хорошо сделал!

— Нет, нехорошо! — возразила Стэлла.— Брать на себя чужую вину — глупо!.. Он совсем не собирался утопить котел! Так уж подстроили...

Колька задержал ее:

— Не отпустим, пока все не расскажешь.

В хибарке за столом — знакомый милиционер. Сенька, подавленный, мрачный, сидит напротив. Смотрит в пол. На столе разложена форма.

— Я так и не понял,— мирно произнес милиционер,— твоя это форма или не твоя?

— Не моя! — буркнул Сенька.

— Хорошо. Спросим по-другому: ты носил ее?

— Носил! — сознался Сенька.

— Как же так? — милиционер сделал растерянное лицо.— Форма не твоя, а ты все-таки носил ее?.. Это все равно, что я бы попом вырядился или полицейским!.. Знаешь, кто такой полицейский?

— Знаю.

— Пойдем дальше,— как учитель на уроке, произнес милиционер.— Ты надел чужую форму. Зачем?.. Чтобы не стыдно было хулиганить?

— Не хулиганил я! — ответил Сенька.

— Хорошо! Скажем по-другому: чтобы не стыдно было утопить заводской котел?

Сенька вскочил.

— Не я!.. Я не хотел!

— А кто хотел?

— Никто не хотел!

Распахнулась дверь, и в хибарку по-хозяйски вошли трое: Колька, Верка Дадонова и второй командир десятки.

— Потом придете! — строго сказал милиционер.

— Как это — потом? — возмутилась Верка.

— У меня дело, а вы — успеете!.. Идите!

— А мы, может, по тому же делу! — заявила Верка и, как пистолет, наставила на Сеньку указательный палец правой руки: — Ты проволоку на плоту подпилил?

Сенька опустил голову.

— Не думал, что котел повезут...

— А говорил, никто не хотел! — укоризненно произнес милиционер.

Верка тем же движением прицелилась в Сеньку с левой руки.

— Зачем?

Сенька виновато взглянул на ребят.

— Подшутить хотели... И оборудование раньше вас хотели найти... Вы поплывете, а плот — развалится!.. Про котел я не знал!

— Честно?

— Честно!

— Вот и все! — сказала Верка милиционеру.

— Все! — согласился он и, взяв в охапку трех делегатов, поволок их к выходу, приговаривая: — Все! Все!.. Идите!

Выпроводив их, он вернулся к столу.

— Кто был с тобой у плота?

— Никого не было!

— Хорошо. Спросим по-другому,— милиционер загнул один палец,— Валентин Губарев был?

— Не скажу! — упрямо заявил Сенька.

Милиционер загнул второй палец.

— Антик Дымбаев был?

— Не скажу!

— Борис Граббэ был?

— Не скажу!

— Отец Губарева был?

— Не был! — выпалил Сенька.— Врать ни на кого не буду!

— Вот теперь, пожалуй, все,— сказал милиционер.— Так кто же предложил подстроить эту шуточку?

— Я!

— Нет! — возразил милиционер.— Ты подпилил проволоку. А кто первый сказал, что надо бы подшутить?

Сенька плотно сжал губы. Милиционер посмотрел на часы.

— Хорошо. Спросим по-другому: ты обедал?

— Нет! — буркнул Сенька.

— А у нас в милиции как раз обед... Пойдем! Пообедаем, посидим, подумаем...

Он свернул в узел разложенную на столе одежду и, пропустив Сеньку вперед, открыл дверь.

Вокруг крыльца толпа мальчишек и девчонок. Здесь собрались все «Красные пчелы».

Сенька с милиционером молча остановились на крыльце. «Красные пчелы» тоже молчали.

— Куда вы его? — тихо спросил Колька.

— Обедать! — за милиционера ответил Сенька и криво усмехнулся.

— Не пустим! — категорически заявила Верка Дадонова.

Милиционер добродушно улыбнулся.

— Я все-таки — милиция.

— Милиция у нас народная! — возразила девочка.— А мы и есть народ!

— Уважаемый народ! — сказал милиционер.— Мы с Сеней еще не до конца поверили друг другу.

Верка и Колька вскочили на крыльцо.

— Кто его лучше знает? — спросила Верка.

— Вы или мы? — подхватил Колька.

Милиционер нагнулся к ним, внимательно всмотрелся в их лица.

— Вы.

— Вот мы вам и говорим! — горячо воскликнул Колька.— Сдурить Сенька может, а нарочно навредить — нет!

Милиционер подумал, взял Сеньку за плечо, указал рукой на толпу мальчишек и девчонок.

— Не мне! Им ответь! Ты ничего про котел не знал?

— Ничего! — твердо сказал Сенька.

— Вы верите ему? — спросил милиционер.

— Верим! — закричали «Красные пчелы».

За столиком в кафе «Баядерка» старший Губарев, Антик и его мать, еще молодая красивая женщина, с тонкими злыми губами и холодными глазами. Сын и мать расстроены. Невесел и старший Губарев.

На эстраде маленький музыкант устало ведет свой нескончаемый концерт.

— Какой город был! — говорит Губарев.— Какие люди!.. И все меньше их... А теперь и вы!.. Не понимаю: вам-то зачем покидать нас?

— Нам здесь больше делать нечего,— ответила мать Антика.

— Уедете, а супруг возьмет и вернется собственной персоной!

— Нет! — твердо сказала Дымбаева.— Уже не вернется.

В кафе заглянул газетчик — старый однорукий инвалид в солдатской шинели, прошел вдоль столиков.

— Свежие газеты!.. Свежие газеты!

Маленький музыкант встал из-за пианино, размял пальцы, порылся в карманах и достал мелочь. Газетчик, не спрашивая, протянул ему три разные газеты. Мальчонка положил их на пюпитр и взялся за скрипку.

Из дверей, ведущих в жилую часть, вышел Борька. Увидев Дымбаеву, поспешил к их столику.

— Мама просит вас зайти к ней. Она нездорова, но очень хочет попрощаться с вами.

Дымбаева встала.

— Хорошо, зайду.

Борька сел на ее место.

Плакала скрипка. Маленький музыкант опять зачитался и забыл, что нельзя расстраивать гостей печальными мелодиями.

Губарев шумно вздохнул.

— Тяжкие времена! Очень тяжкие!.. Улетать из родного гнездышка!.. А ведь и нам предстоит это же!

Антик и Борька вопросительно взглянули на Губарева.

— Не понимаете? — удивился тот.— Мост отремонтируют, кому мой паром нужен будет?.. Сожгу я его, и двинемся мы с Валькой куда-нибудь подальше!

— Как сожжете? — спросил Борька.

— Оболью керосином и сожгу!.. Губаревы не из тех, кто свое добро чужим оставляют!

— Не сожжете! — возразил Антик.— Он железный!

— Тебе папа никогда не рассказывал, как горят металлические цистерны с нефтью?

— За это под суд попасть можно! — сказал Борька.

— За свой-то паром?

Антик усмехнулся.

— За паром тоже.

— А ведь верно! — сдался Губарев.— Такое уж время! За свое засудить могут!.. Лучше погрузимся мы с Валькой на паром и поплывем куда глаза глядят! И пусть тут хоть пять мостов строят!

Губарев налил Антику соку, себе пива и задумчиво произнес, возражая сам себе:

— Пять, конечно, не построят... А второй — обязательно! Железнодорожный, специально для завода... Вырастешь, приедешь как-нибудь в родной город, а тут цехов десятка три! И даже старики забудут, что это бывший дымбаевский завод!

На высоком берегу длинная цепочка ящиков с оборудованием, вытащенным с речного дна. Тут же и котел, обитый досками. Все эти машины и станки будто выстроились в очередь и ждут, когда можно будет перейти по мосту на другой берег.

А мост уже почти готов. Строители сколачивают настил из толстых досок, красят перила.

Внизу на реке плот. На нем бригада «Красных пчел». Мальчишки обшивают досками быки моста, а девчонки покрывают обшивку смолой, чтобы предохранить дерево от сырости.

Плот очень длинный, такой, что по нему можно добраться до двух быков. У одного работает первая десятка, у другого — вторая. Сенька включен в десятку Верки Дадоновой. Вместе со всеми мальчишками он приколачивает доски к бревнам.

Перевесившись через перила, вниз посмотрела Стэлла. Весело крикнула:

— Здравствуйте!

«Красные пчелы» подняли головы. Взглянул вверх и Сенька.

— Здравствуй, Сеня! — сказала Стэлла.

— Здравствуй! — смутившись, ответил Сенька.

Верка Дадонова сердито повела кистью и нарочно мазнула смолой по Сенькиным пальцам. Он отдернул руку.

— Ничего, Сеня! Отмоется! — рассмеявшись, крикнула сверху Стэлла.

К заводу подвезли доски. Чинят прохудившийся забор. Сенькин отец бодро бегает на деревянной ноге, покрикивает на рабочих. Подарок Дымбаева — серебряный свисток болтается на груди.

Над заводскими воротами комсомольцы приколотили фанерный щит. Девушка в красной косынке старательно малюет на нем призыв. Она уже написала: «Восстановим заво...» И задумалась. Спросила у парней, придерживавших стремянку:

— Чего дальше-то?.. Какая буква?

Комсомольцы задрали головы. Шевеля губами, прочитали написанное и переглянулись.

— Буква «т»! — с горькой иронией подсказала мать Антика. Вместе с сыном она как раз шла мимо ворот.

Дымбаевы завернули за угол, а девушка обмакнула кисть в ведро с краской и хотела написать букву «т», но один из парней остановил ее.

— Подожди!.. Врет, наверно! Это же бывшая хозяйка... Пиши наоборот, в самый раз будет!

И девушка начала выписывать букву «д».

Мать и сын молча идут вдоль заводского забора, смотрят на свои бывшие владения, прощаются с родными местами.

Рабочие заменяют гнилые и сломанные доски забора. Гулко бьют молотки. Боковые ворота открыты настежь. За ними — большой костер. Горит сваленный в кучу мусор.

Дымбаевы вошли в ворота, остановились у костра. На горе мусора в огне лежит старое кресло, стоявшее в заводском кабинете Дымбаева.

— Папино,— тоскливо произносит Антик.

Мать молчит.

Пронзительный свисток заставляет их вздрогнуть.

— Куда! — кричит кто-то.— Назад!

Постукивая деревянной ногой, к костру подбежал Сенькин отец. Узнав бывшую хозяйку, стыдливо прикрыл ладонью серебряный свисток, по привычке поклонился и сконфуженно залепетал:

— Дым в глаза! Не признал вас!.. Вы уж не сердитесь на меня, Анна Петровна!

Дымбаева не спеша повернулась и гордо вышла за ворота. Антик злобно посмотрел на сторожа и догнал мать. Они оглянулись. Над заводом клубилось облако черного дыма.

— Сгореть бы вам всем дотла! — как проклятье, прошептала Дымбаева.

Покрытый кумачом стол, три простеньких стула, портрет Ленина на стене — вот и вся обстановка бывшего дымбаевского кабинета.

Василий заканчивает разговор с отцом Стэллы.

— А выдержат? — с шутливым беспокойством спрашивает Василий.

Инженер не принял шутку. Сухо ответил:

— Когда повезете самое тяжелое, я встану в лодке под мостом.

— Повезем завтра,— сказал Василий.— А обижаться на шутку не надо. Нам теперь долго с вами вместе работать.

— Каким образом?

— Вы думаете, на заводе для вас дела не найдется?.. Ошибаетесь! А когда разбогатеем, поручим вам железнодорожный мост строить.

— Это новая шутка?

— Опять вы ошибаетесь.

Отец Стэллы встал, спросил, скрывая волнение:

— Могу я считать этот разговор официальным предложением?

Встал и Василий, протянул руку.

— С завтрашнего дня на заводе открывается отдел кадров. Вас будут ждать.

Инженер вышел, а Василий придвинул к себе стопку уже читанных газет. На одной из полос крупный заголовок: «Единая пионерская организация советских детей».

Он снова просмотрел статью, в которой карандашом подчеркнуты отдельные фразы и слова: «пионерия», «комсомолец — вожак», «звенья и отряды», «красный галстук». Отложив газету, Василий оглядел кабинет и вдруг, озорно улыбнувшись, сдернул со стола кумачовую скатерть. Сложил ее в несколько раз и повесил на крюк под свою кепку.

— Не забыть бы!..

За столиком в кафе «Баядерка» Антик, Валька Губарев и Борька Граббэ.

— Клянемся,— тихо и торжественно произносит Антик,— что никогда не забудем друг друга.

— Клянемся! — повторяют Борька и Валька.

Звенят встретившиеся над столом бокалы с лимонадом. Отпив по глотку, мальчишки дружно вздыхают.

— Отколоть бы что-нибудь на прощанье! — говорит Антик.

Меж столиков пробирается однорукий газетчик.

— Свежие газеты!.. Свежие газеты!

Мальчишка-скрипач, покосившись на Борьку, опять покупает несколько разных газет. Продолжая играть, кладет их на пюпитр. Крупный заголовок о пионерской организации бросается ему в глаза. Рука со смычком дрогнула и застыла в воздухе. Мелодия внезапно оборвалась.

Кое-кто покосился на эстраду. Мальчонка стоял неподвижно в напряженной позе, и только глаза взволнованно бегали по строкам газеты.

По заводу с кумачовой скатертью идет к выходу Василий.

Резкий свисток заставил его остановиться у проходной. Постукивая деревянной ногой, подбежал Сенькин отец. Растопырил руки.

— Не выпущу!

— Ты что, рехнулся? — сердито спросил Василий.

Сторож кивнул головой на скатерть.

— Хоть ты и директор, а с этим не выпущу!

Василий тоже посмотрел на скатерть, подумал и сказал другим тоном:

— Не мне это! Понимаешь?.. Очень нужно, а лавки уже закрыты! Понял?

— И понимать не хочу! — отрубил Сенькин отец.— Я — кто? Сторож?.. Сторож! Вот и понимай! Без накладной соринки у меня не вынесешь!

— Да где я возьму ее, накладную-то?

— Не знаю! Ничего не знаю! — ответил сторож.— Вертай, директор, назад и положи скатерочку на столик!

Василий крякнул, чертыхнулся и побрел назад.

Сторож подумал, поскреб в затылке.

— Эй, Василь!.. Подожди-ка!

Он вынес из проходной толстую бухгалтерскую книгу и сунул Василию карандаш.

— Пиши!.. «Вынес с завода большую красную скатерть...» Подпись ставь разборчивую!..

Недалеко от завода, в густых зарослях, сидят Антик, Валька и Борька. Рядом с ними за кустом притаился Лисенок. На нем уже не форма, а обычная рубашка, подпоясанная ремешком. Он слышит тайный разговор мальчишек.

— Где ты ее возьмешь?.. Всю тогда вылили! — говорит Валька.

По выражению лица видно, что этот разговор ему не нравится.

— Я свой завод знаю! — отвечает Антик.— Есть еще немного.

— Унесет и все,— осторожно произносит Борька.— Никакого эффекта! Только воду запачкаем!

— Будет эффект!

В словах Антика невысказанная угроза. Борька насторожился.

— Эффект будет! — повторил Антик.— Завтра полезут на плот, а он весь в нефти! Опять в негров превратятся! Помните?

Валька захихикал. Борька с усилием выдавил улыбку.

— За мной! — резко скомандовал Антик и раздвинул кусты.

Валька пошел за ним, а Борька, сделав всего несколько шагов, остановился и отстал.

По переулку к Сенькиной хибаре бежит запыхавшийся Лисенок. Добежав до крыльца, он оглянулся по сторонам, приоткрыл дверь и проскользнул внутрь.

Антик и Валька стоят в кустах, прислушиваются.

— Борька! — приглушенно кричит Антик.

— Борис! — зовет Валька.

Никакого ответа.

— Крыса! — брезгливо произносит Антик и берет Вальку за руку.— Ты оказался самым верным и самым храбрым! Быть тебе после меня командиром!

— Не-е!.. Я не буду! — отмахивается Валька.

— Будешь! — говорит Антик и, не выпуская Валькину руку, тянет его за собой.

Сзади завода из берега торчит труба с поворотным колесом, запирающим горловину.

Антик подталкивает Вальку к трубе:

— Да не бойся ты! Не бойся! Никто не узнает!

Трясущимися руками Валька крутит колесо. Черная смолистая жидкость сначала каплями, а потом ручейком льется в воду.

— Бери! — приказывает Антик и протягивает коробку спичек.

— Ты... ты... что? — побелев, шепчет Валька.— Ты... ты с ума сошел!

— Бери! — глухо повторяет Антик.

— Там... там паром... мост!

— Паром железный! А за мост отец тебе спасибо скажет!.. Он у тебя хитер!.. Бери!

В одной руке у Антика спички, другая сжата в кулак — сейчас ударит!

Вальку бьет лихорадка. Даже голова дергается. Трясутся толстые щеки. Взяв коробок, он не спускает глаз с кулака. Достает спичку. Она вываливается из пальцев.

— Быстрей! — приказывает Антик.

Его тоже начинает лихорадить.

На полуострове у штабной палатки строй «Красных пчел». Замерев, ребята слушают Василия. Все так сосредоточены, что никто не замечает маленького скрипача, который потихоньку перебирается через ручей. Скрипка и газета бережно прижаты к груди.

— Пионерия,— торжественно звучит голос Василия,— это будущее нашей отчизны! Сегодняшние пионеры завт-

ра примут эстафету отцов и поведут нашу Родину к сияющим вершинам коммунизма!..

Наступила короткая пауза. Потом громко и страстно запела скрипка. Маленький музыкант подошел к костру. Он играл самозабвенно. Как гимн звучала волнующая мелодия.

Василий достал вырезанные из заводской скатерти треугольные красные галстуки.

Но вдруг раздались частые тревожные удары по металлу.

Вдали у завода замерцали зловещие огоньки...

Во дворе завода Сенькин отец бьет ломиком в привешенную рельсу. Гремит металл.

За забором черные клубы дыма, окрашенные в багровый цвет.

По берегу к мосту бегут Сенька и Лисенок. Сзади по реке плывут островки горящей нефти. А еще дальше, там, где находится невидимая отсюда труба, взметнулся столб оранжевого пламени.

Добежав до плота, Сенька растерянно остановился. А горящие островки приближаются. За ними тянется сплошной, растянувшийся по реке поток пламени. Течение несет горящую нефть вдоль самого берега. Огненные языки лижут кусты.

Сенька прыгнул на плот, схватил веревку и вытащил из воды тяжелый камень-якорь.

Прыгнул на плот и Лисенок.

В городе переполох. Басовито ударил церковный колокол. По улицам заметались люди с ведрами, веревками, баграми.

Толпой бегут по берегу «Красные пчелы». Впереди Василий и маленький скрипач.

Бешено трезвоня, несется пожарная линейка.

— Сюда! Сюда! — зычно кричит отец Стэллы.

Раскручивая брезентовые рукава, пожарные бросились к мосту.

Длинный плот развернуло течением. Заякоренный конец его остался у берега, а другой, на котором суетятся Сенька и Лисенок, отнесло метров на десять. Между плотом и берегом образовалась заводь. Передние островки горящей нефти уже попали в нее.

Сенька сбросил камень в воду. Веревка натянулась. Плот приостановился. Но камень держит плохо. Течение напирает на плот. Камень скользит по дну.

Отец Стэллы подбежал к лодке. Она на цепи с большим висячим замком. Евгений Федорович ухватился за кол, к которому прикреплена цепь, и выдернул его из земли. Сел за весла.

Стэлла успела прыгнуть на нос лодки.

Все больше нефтяных факелов скапливается между плотом и берегом.

Сенька и Лисенок расширенными от страха глазами смотрят на приближающуюся стену огня.

А течение все разворачивает и разворачивает плот.

Схватив шест, Сенька уперся в дно. Лисенок помогает ему. Но течение одолевает мальчишек.

К плоту причалила лодка. Стэлла и отец прыгнули на плот.

Подоспели «Красные пчелы».

В клубах дыма Сенька, Лисенок, Стэлла и ее отец, упершись в дно шестами, с трудом удерживают плот.

Не раздумывая, «Красные пчелы» бросились на помощь.

Нахлынул основной поток горящей нефти. Все окутал густой удушливый дым.

Сверху, с моста, пожарники застрочили по плоту из брандспойтов.

Накрыв голову мокрым мешком, обмотав руки тряпками, Сенькин отец закручивает колесо.

Фонтан огня, клокотавшего под трубой, понемногу утихает.

Раннее солнечное утро. Кажется, весь город высыпал к реке. Празднично поблескивает свежей краской отремонтированный и убереженный от огня мост. Протянутая поперек него лента пока преграждает дорогу.

Но для ребят это не преграда. То один, то другой мчится по мосту. Вот и Сенька с красным галстуком на груди перебежал через мост и нырнул под ленточку.

На высоком берегу длинный обоз. Волокуши и телеги тяжело нагружены заводским оборудованием. Лошади нетерпеливо переступают с ноги на ногу.

У въезда на мост группа старых рабочих. К ним подходит Василий.

— Все готово!

Старики одобрительно закивали головами.

— Начинай!

— Разрешаем!

— В добрый час!

— Евгений Федорович! — крикнул Василий.

Из задних рядов вышел отец Стэллы. Василий подал ему ножницы.

— Спасибо! — растроганно произнес инженер и, шагнув к ленточке, разрезал ее.

И сразу же на высокой ноте, в маршевом ритме заиграла скрипка.

Откуда-то из-за обоза показался отряд пионеров — бывших «Красных пчел». Ребята принарядились. Красные галстуки алеют на груди.

Впереди — Колька Клюев. За ним — маленький скрипач, Лисенок и командиры десяток. В строю вместе со всеми шагают Сенька и Стэлла.

Когда отряд вступил на мост, Лисенок запел под скрипку песню. Ребята дружно подхватили ее.

За пионерами к мосту потянулись передние подводы с заводским оборудованием. Поплыл на волокуше тяжелый котел.

А пионерская песня все звучит над рекой и радостно поет скрипка...

Иллюстрации

МАНДАТ

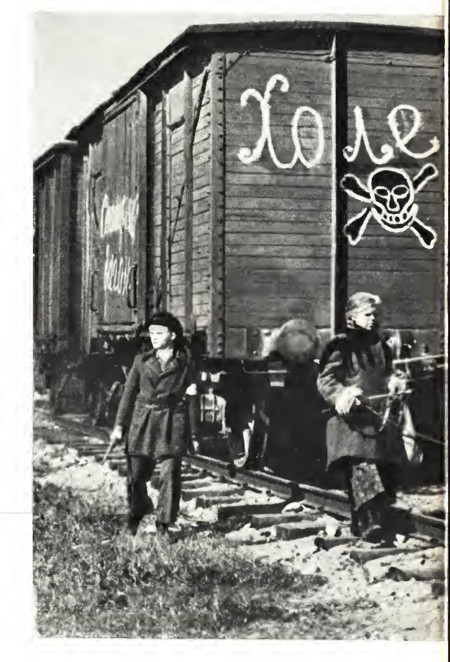
Фильм по сценарию «Мандат» поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1963 г. Авторы сценария — А. Власов, А. Млодик. Режиссер-постановщик Николай Лебедев. Главный оператор — Анатолий Карпухин. Главный художник — В. Савостин. Режиссер — Ф. Барбухатти. Композитор — В. Маклаков. Звукооператор — А. Волохова. Оператор — А. Александров. Текст песни Н. Глейзарова.

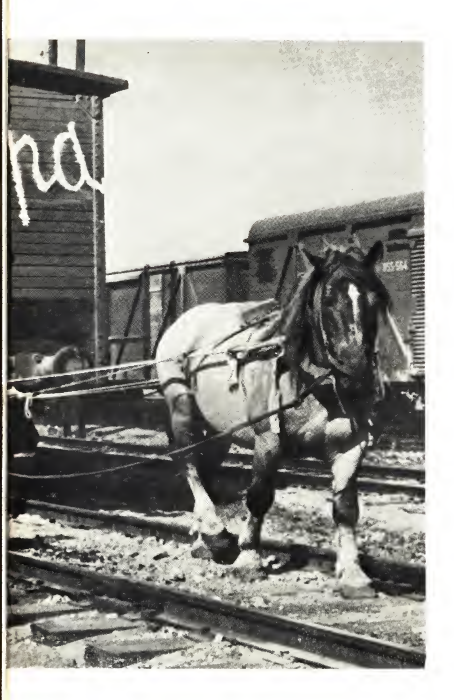
В главных ролях: И. Боголюбов (Глеб Прохоров), Н. Рождественский (Архип), О. Летников (Василий), Н. Кузьмин (верзила), М. Васильев (Дубок), А. Афанасьев (кулак). Дети: Боря Щербаков (Глебка), Наташа Арзамасцева (Глаша), Володя Лебедев (Минька), Саша Делеганов (беспризорный).

Холе

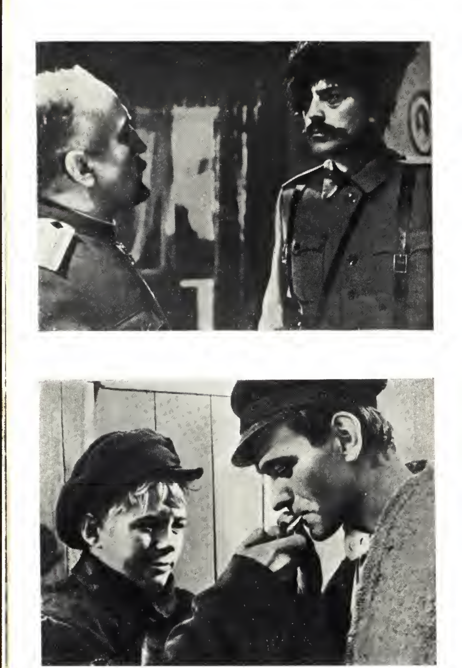
Темпо

АРМИЯ «ТРЯСОГУЗКИ»

Фильм по сценарию «Армия «Трясогузки» поставлен на Рижской киностудии в 1964 г. Авторы сценария — А. Власов, А. Млодик. Режиссер-постановщик — Александр Лейманис. Оператор — М. Рудзитис. Художник — В. Шильдкнехт. Режиссер — А. Тубеншляк. Композитор — К. Молчанов. Звукооператор — А. Патрикеева. Текст песни Е. Долматовского.

В главных ролях: Витя Холмогоров (Трясогузка), Юрий Коржов (Цыган), Айвар Галвиньш (Мика), Г. Цилинский (Платайс), И. Кузнецов (Кондрат), В. Плют (Николай), П. Шпрингфельд (обходчик), А. Алексеев (полковник), Г. Тонунц (есаул), У. Думпис (адъютант).

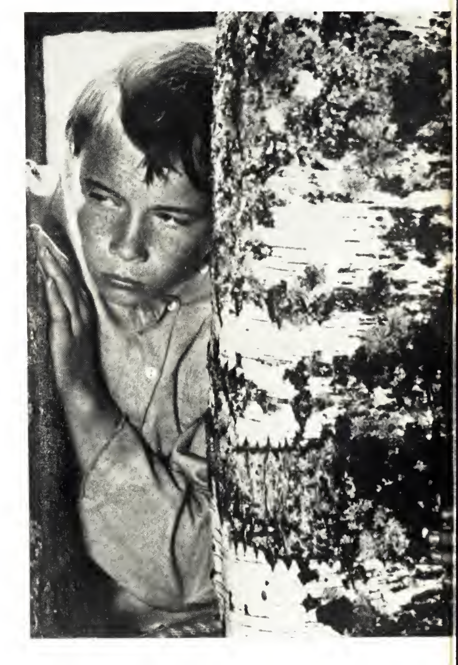

БЕЛЫЙ ФЛЮГЕР

Фильм по сценарию «Белый флюгер» поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1969 г. Авторы сценария — А. Власов, А. Млодик. Режиссер-постановщик Давид Кочарян. Главный оператор — Владимир Ковзель. Главный художник — Л. Шилова. Режиссер — И. Гиндин. Оператор — К. Соболь. Композитор — В. Баснер. Звукооператор — А. Шаргородский. Текст песен В. Суслова.

В главных ролях: Лева Орлов (Федька), Вова Магденков (Карпуха), Катя Овсянникова (Лида), Вова Перевалов (Яша), В. Коняев (Дорохов), Л. Овчинникова (Варвара), И. Краско (Самсонов), Л. Аржанникова (Ксения), М. Кононов (Крутогоров), А. Анисимов (Зуйко), Ю. Фадеев (Алтуфьев), В. Чекмарев (Бугасов), О. Белов (матрос), П. Горин (гость), Б. Юрченко (верзила).

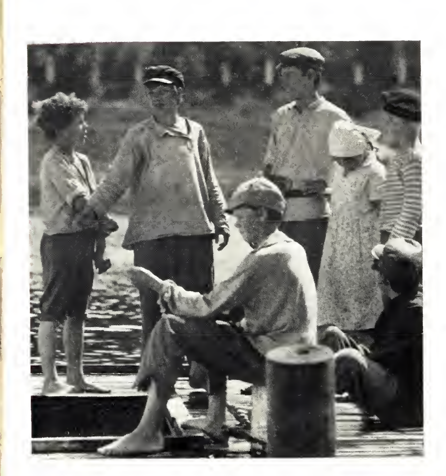

«КРАСНЫЕ ПЧЕЛЫ»

Фильм по сценарию «Красные пчелы» поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1972 г. Авторы сценария — А. Власов, А. Млодик. Режиссер-постановщик Л. Макарычев. Главные операторы — Б. Тимковский, М. Шурупов. Главный художник — А. Рудяков. Режиссер — О. Дугладзе. Композитор — В. Кладницкий. Звукооператор — Г. Голубева. Автор текста песни — В. Суслов.

В главных ролях: М. Кононов (Василий), Ю. Медведев (хозяин парома), А. Трусов (сторож), И. Краско (отец Стэллы), Г. Штиль (милиционер). Дети: Володя Лелетко (Сенька), Дима Жарковский (Антик), Наташа Шишкина (Стэлла), Андрей Крупенин (Борька), Сергей Дементьев (Колька), Андрей Галкин (Валька), Оля Ильющенко (Верка), Сережа Еремин (Лисенок), Ира Шабунина (Катька), Боря Максимов (скрипач), Леня Иванов (конопатый), Саша Рудаков (вихрастый).

СТРОИМ ДЛЯ СЕБЯ

Содержание

Млодик Арон Маркович
Власов Александр Ефимович

ГРОЗОВЫМИ ТРОПАМИ
Киносценарии

Редактор
Л. Н. Познанская
Художник
В. С. Алешин
Художественный редактор
Г. К. Александров
Технический редактор
Н. И. Новожилова
Корректор
Т. В. Кудрявцева

Сдано в набор 24/XII 1971 г. Подп. в печ. 21/III 1972 г. А-03808. Формат 84×108/32. Тираж 30000 экз. Бумага типографская № 1. Усл.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,39. Заказ № 2620. Изд. № 15981. Цена 86 коп.

Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, М-54, Валовая, 28.